

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

«БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА»

На правах рукописи

АЛЕКСЕЕВА Наталья Ивановна

**ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЦЕРКОВНО-МОНАСТЫРСКИХ ЗЕМЕЛЬ
В РОССИИ В XV-XVII ВВ.**

специальность 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

диссертация

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:

доктор юридических наук, профессор
Финогентова Ольга Евгеньевна

Калининград

2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В XV–XVII ВВ.	
§ 1. Право собственности на землю в Московском государстве XV–начала XVII в.	18
§ 2. Понятие правового режима церковно-монастырских земель и его элементы	37
§ 3. Монастырский иммунитет как основа правового регулирования имущественных отношений государства и церкви	53
ГЛАВА 2. ЦЕРКОВНО-МОНАСТЫРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В XV–XVII ВВ.: ЭВОЛЮЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	
§ 1. Государственные и церковные органы управления церковно-монастырским имуществом Московской Руси	66
§ 2. Церковная и земельная собственность в России XV–начала XVII в.: соотношение государственного и церковного регулирования	79
§ 3. Церковное и монастырское землевладение по Соборному уложению 1649 г.	106
ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЦЕРКОВНЫХ И МОНАСТЫРСКИХ ЗЕМЕЛЬ В XV–XVII ВВ.	
§ 1. Классификация церковных и монастырских земель в XV–XVII вв.	120
§ 2. Способы приобретения церковно-монастырской земельной собственности	133
§ 3. Субъектный состав церковно-монастырского землевладения	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	162
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	168

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Вопрос собственности вне зависимости от исторической эпохи выступает одним из основных в жизни любого общества и государства. Актуальность проблемы регулирования церковного имущества на современном этапе обусловлена активной позицией Русской православной церкви в общественной и политической жизни страны, особой формой собственности РПЦ и ее канонических подразделений, а также политикой государства по передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения.

Несмотря на принятие Федерального закона Российской Федерации № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», ряд вопросов, связанных с имуществом религиозного назначения остается по-прежнему не урегулированным.

Разработка в историко-правовой науке проблем взаимоотношений церкви и государства, правового регулирования собственности РПЦ, правоспособности религиозных объединений (в форме от публикации статей и монографий, защиты диссертаций, проведения конференций до обсуждения в СМИ) не исчерпала полностью вопросов осмысления историко-правовых аспектов проблемы собственности Русской православной церкви.

Познание современных явлений и процессов невозможно без обращения к историческому прошлому. Историко-правовое осмысление опыта правового регулирования взаимоотношений церкви и государства в сфере права собственности на землю в XV–XVII вв. позволит восполнить пробел относительно этих вопросов в историко-правовой науке, избежать ошибок прошлого и по-новому взглянуть на существующие проблемы.

Комплексное исследование правового режима церковно-монастырских земель в России в XV–XVII вв. и анализ государственной политики по отношению к церковной собственности могут послужить основой для изучения

взаимоотношений церкви и государства на современном этапе развития общества и выработки предложений и рекомендаций по усовершенствованию законодательства в сфере имущественной правоспособности церкви.

Актуальность решения проблем церковно-монастырского имущества в современном российском обществе, а также наличие определенного исторического опыта по регулированию аналогичных вопросов в период интенсивного роста церковно-монастырского землевладения и хозяйства в XV–XVII вв. обусловили выбор темы диссертационного исследования.

Указанные обстоятельства подтверждают своевременность изучения вопросов правового режима церковно-монастырских земель и правового регулирования имущественных отношений государства и Русской православной церкви в России в XV–XVII вв.

Степень научной разработанности темы. Проблемы правового регулирования церковного землевладения, управления церковным имуществом, взаимоотношений церкви и государства, отражены в трудах дореволюционных российских ученых – специалистов в области гражданского права (М.Ф. Владимирского-Буданова, К.П. Победоносцева, Г.Ф. Шершеневича и др.), а также в общих работах дореволюционных авторов по церковному праву (И.С. Бердникова, В.И. Бенешевича, К. Высоцкого, Н.А. Заозерского, М.Е. Красножена, А.С. Павлова, Н.С. Суворова).

Среди зарубежных исследователей стоит отметить труд церковного историка епископа Никодима Далматинско-Истринского «Православное церковное право», а также его толкования Апостольских правил. Особого внимания заслуживают работы современного канониста протоиерея В.А. Цыпина, в которых освещаются вопросы взаимоотношений церкви и государства, правовой статус церкви и ее имущественные права.

Отдельные аспекты проблемы церковного и монастырского имущества излагаются в работах Е.Е. Голубинского, М.И. Горчакова, А.В. Карташева, А.В. Кураева, В. Милютина, П.Ф. Николаевского, Н.М. Никольского,

С.В. Юшкова, а также М.Ю. Варьяса, который одним из первых применил к церковному праву общетеоретический подход.

Разработкой проблем государственно-церковных и государственно-конфессиональных отношений в разное время занимались такие ученые, как Н.Г. Аванесов, С.Н. Булгаков, А.А. Дорская, А.Н. Гуденица, В.А. Живулин, К.Г. Каневский, В.А. Кольцов, Е.Г. Коробов, Л.А. Морозова, Р.В. Нутрихин, В.В. Симонов, С.А. Салтыкова, Н.В. Соколова, Е.В. Тихонова, Е.Л. Шапошников и др.

Теоретические и историко-правовые основы собственности и проблемы развития феодальной собственности на землю рассматривались в трудах как дореволюционных авторов (И.Д. Беляева, Е.В. Васьковского, М.Ф. Владимирского-Буданова, Н.Л. Дювернуа, В.Г. Кукольника, Д.И. Мейера, К.А. Неволлина, К.П. Победоносцева, В.И. Сергеевича, Г.Ф. Шершеневича и др.), так и советских ученых (Ю.Г. Алексеева, А.В. Венедиктова, Б.Д. Грекова, А.Я. Гуревича, И.М. Дьяконова, С.М. Каштанова, В.Б. Кобрина, М.В. Колганова, А.И. Копанева, В.Л. Пашуто, А.Е. Преснякова, И.Я. Фроянова, Л.В. Черепнина) и современных исследователей (Ю.В. Готье, П.М. Коловангина, В.Е. Рубаника, Т.В. Черниковой, Л.В. Щенниковой и др.).

Некоторые аспекты проблемы церковной собственности затрагивались в исторических работах. Такие ученые, как С.Б. Веселовский, А.Я. Гуревич, Л.В. Данилова, И.М. Дьяконов, Б.Ф. Поршнев, А.М. Сахаров, Л.В. Черепнин, исследуя проблемы становления и развития феодального землевладения, в той или иной степени освещали вопросы церковной собственности.

Особую группу составили исследования, посвященные истории возникновения монастырей и проблеме становления монастырского хозяйства. Среди них работы И.У. Будовниц, Л.И. Ивиной, Н.В. Сеницыной, А.А. Савича, И.К. Смолича. В отдельных исследованиях становление монастырской вотчины рассматривалось на примере конкретного монастыря (А.Х. Горфункель – Кирилло-Белозерский монастырь, Н.И. Покровский – Тобольский Софийский дом, А.Е. Чекунова – вотчины Донского монастыря, М.С. Черкасова – вотчины

Троице-Сергиева монастыря) либо развития монастырского хозяйства в отдельном регионе (Ю.С. Васильев – Важская земля, З.В. Дмитриева – Белозерье, Э.Л. Дубман – Среднее Поволжье, В.И. Иванов – Поморье, Н.В. Соколова – Нижегородский край).

В современной отечественной исторической и юридической науке насчитывается большое количество исследований, посвященных отдельным аспектам деятельности Русской православной церкви. Необходимо отметить диссертационные работы современных авторов, затрагивающие вопросы церковной собственности, имущественной правоспособности церкви, канонического права и другие аспекты поставленной проблемы, в том числе в историко-правовом ключе.

Церковному праву посвящены работы Д.Д. Борового, А.А. Дорской. Отдельные вопросы истории церкви и церковного права, судьба церковных канонов, влияние византийских традиций на русскую государственность освещаются в статьях Е.В. Беляковой. П.С. Стефанович в своем исследовании обращается к вопросам становления духовного сословия, истории русского прихода, рассматривая, в том числе материальные средства и доходы Русской православной церкви.

Вопросы правового регулирования имущественных отношений религиозных организаций в России исследовались в работах Е.В. Гарановой, Е.В. Кискина, Е.В. Даниловой, И.А. Куницына, В.Б. Романовской и др.

Теоретическое осмысление сущности церковной собственности и соотношения законодательства о церковной собственности с каноническим правом Русской православной церкви было предпринято М.В. Хлыстовым. Комплексному изучению государственно-конфессиональных отношений, правовых основ деятельности религиозных объединений и правового режима церковного имущества посвящены работы О.Н. Петюковой и М.О. Шахова.

В рамках исследований, касающихся проблемы имущественных отношений в России, заслуживает внимания монография Т.Е. Новицкой. Несмотря на то что работа охватывает более поздний хронологический период, автор освещает

особенности правового регулирования в предшествующий период. Комплексное исследование вещных прав в Московском государстве в XVI–XVII вв. провела Е.А. Шитова, выявив основания их возникновения и прекращения. Определенный интерес представляет исследование А.В. Басковой, поднимающее вопросы управления монастырским имуществом в XVI–XVII вв.

Несмотря на возрастающий интерес к истории Русской православной церкви и разработку ряда проблемных вопросов в исследованиях современных авторов, особенности правового режима церковно-монастырских земель в XV–XVII вв., вопросы правовой регламентации церковной земельной собственности, а также роль канонических норм в правовом регулировании церковно-имущественных вопросов, освещены в недостаточной степени и требуют своего анализа. Настоящее исследование направлено на раскрытие сущности и выявление особенностей правового режима церковно-монастырских земель в России в XV–XVII вв.

Объектом диссертационного исследования стали общественные отношения в сфере регулирования церковно-монастырского землевладения в России в XV–XVII вв.

Предметом диссертационного исследования выступает комплекс нормативно-правовых актов, регулирующих церковно-монастырское землевладение в России XV–XVII вв., канонические нормы и частноправовые акты (жалованные, купчие, меновые, вкладные грамоты), регламентирующие право церкви и монастырей на недвижимое имущество.

Хронологические рамки исследования. Период с XV в. по первую половину XVII в. представляет особый интерес. На это время приходится завершающий этап складывания Московского централизованного государства, выработка единого для страны законодательства, появление общерусских сводов – Судебников 1497 и 1550 гг., Соборного уложения 1649 г.

Вместе с тем XV–XVI вв. – период интенсивного роста церковно-монастырского землевладения и хозяйства, формирования практики

неотчуждаемости церковного имущества, наибольшего имущественного расцвета монастырей, их самостоятельности и независимости.

Исходной точкой периода, рассматриваемого в диссертационном исследовании, является 1497 г. – год введения Судебника, с принятия которого начинается разработка соответствующих правовых норм в области регулирования вопросов землевладения. Конечной границей определен 1649 г., когда было принято Соборное уложение, нормы которого позволили светской власти установить контроль над имущественным фондом церкви.

Цель исследования – комплексное историко-правовое исследование правового режима церковно-монастырских земель в России XV–XVII вв. на основе анализа нормативно-правовых, частноправовых актов и канонических норм. Достижение поставленной цели обеспечивается решением следующих **задач**:

- проанализировать становление и развитие представлений о праве собственности на землю в Московском государстве XV–XVII вв.;
- обобщить концептуальные подходы к категории «правовой режим» и сформулировать определение правового режима церковно-монастырских земель;
- охарактеризовать понятие монастырского иммунитета и проследить эволюцию иммунитетной политики государства в отношении церковного землевладения в XV–XVII вв.;
- определить роль государственных и церковных органов в системе управления церковно-монастырским имуществом в Московском государстве XV–XVII вв.;
- выявить особенности и обосновать этапы правового регулирования церковно-монастырского землевладения в XV–XVII вв.;
- классифицировать основные виды земель, принадлежавших церкви и монастырям в XV–XVII вв., и определить на основе анализа источников время появления «монастырской вотчины»;
- выявить источники формирования церковного недвижимого имущества в XV–XVII вв.;

- определить субъектный состав церковно-монастырского землевладения в России XV–XVII вв.

Методология и методы исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составила совокупность общенаучных, частнонаучных и специальных методов познания, диалектический подход с учетом принципов историзма, объективности и конкретности, являющихся основой историко-правовых исследований.

Методы аналогии и анализа использовались при изучении актового материала и архивных источников. Историко-правовой метод позволил проанализировать нормативно-правовые и частноправовые акты, регламентирующие имущественные права церкви, и выявить закономерности политики государства в отношении имущественной правоспособности церкви.

Построение исследовательской методологии на принципах диалектики в совокупности с принципами историзма, применение сравнительно-исторического и хронологического методов позволили изучить предмет исследования в динамике, проследить эволюцию церковно-монастырского землевладения в XV–XVII вв. с учетом всей совокупности фактов, повлиявших на его становление и развитие.

С использованием проблемно-хронологического метода были выделены основные этапы правового регулирования церковно-монастырского землевладения в исследуемый период. Формально-юридический метод применялся при раскрытии сущности юридических категорий, используемых в диссертационном исследовании. Системно-структурный метод позволил целостно и всесторонне раскрыть процесс становления и развития церковно-монастырского землевладения, сравнительно-правовой – выявить общие черты и особенности, присущие отдельным категориям, таким как феодальный и монастырский иммунитет, правовой режим в целом и правовой режим церковных земель.

Источниковая база исследования включает несколько групп источников: 1) правовые акты Московского государства (отдельные законодательные акты о княжеском и церковно-монастырском землевладении 1551, 1572, 1580, 1584 гг.) и

общерусские памятники (Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное уложение 1649 г.); 2) акты церковных соборов, церковно-правительственные сборники (Стоглав 1551 г), памятники церковного и канонического права (Кормчая книга, Апостольские правила, Постановления Вселенских и Поместных соборов); 3) акты частногоправового характера (жалованные, вкладные, меновые, закладные, указные, порядные грамоты); 4) научные труды (монографии, сборники статей, диссертации и авторефераты диссертаций).

В диссертационном исследовании использовались как опубликованные источники (архивы московских монастырей и соборов XV–начала XVII в.; акты Новгородского Вяжищского монастыря конца XV–начала XVII в.; переписные, писцовые, дозорные книги и др.), так и архивные материалы – дела из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Среди последних необходимо особо отметить ф. 235 (Патриарший (Синодальный) казенный приказ), ф. 1199 (Савво-Сторожевский мужской монастырь), ф. 1196 (Антониев-Сийский мужской монастырь), ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии), ф. 141 (Приказные дела старых лет), ф. 196 (Рукописное собрание Ф.Ф. Мазурина).

Теоретическую основу исследования составили труды российских ученых-юристов, сфера интересов которых охватывает проблемы общей теории и истории государства и права (М.И. Абдуллаева, С.С. Алексеева, С.И. Архипова, М.И. Байтина, В.К. Бабаева, А.Б. Венгерова, И.А. Исаева, А.Ю. Калинина, А.Д. Керимова, Д.А. Керимова, С.А. Комарова, Г.В. Мальцева, А.В. Малько, М.Н. Марченко, Н.И. Матузова, А.В. Мелехина, Л.А. Морозовой, В.С. Нерсесянца, А.С. Пиголкина, Н.И. Полищука, А.В. Поповой, В.А. Рыбакова, З.А. Станкевича, Ю.А. Тихомирова, В.А. Томсинова, Н.А. Фроловой, О.И. Цыбулевской и др.).

Основные постулаты теоретического фундамента исследования юридических аспектов правового регулирования земельных отношений базируются на творческом наследии дореволюционных правоведов и историков, таких как И.Д. Беляев, Е.В. Васьковский, М.Ф. Владимирский-Буданов, Н.П. Загоскин, В.О. Ключевский, Д.И. Мейер, К.А. Неволин., Н.П. Павлов-

Сильванский, В.И. Сергеевич, В.И. Синайский, Г.Ф. Шершеневич, А.Н. Филиппов и др.

В исследовании использованы методологические принципы и выводы, содержащиеся в общетеоретических работах, а также в работах ученых-цивилистов, посвященных исследованию категории «правовой режим» (Г.А. Аксененка, С.С. Алексеева, В.А. Александрова, А.П. Анисимова, Д.Н. Бахраха, Г.С. Беляевой, Е.С. Бедовой, Е.С. Болтановой, С.Н. Братуся, А.В. Венедиктова, И.П. Грешникова, Н.Н. Дебольского, Л.И. Дембо, И.И. Евтихеева, Б.В. Ерофеева, И.А. Иконицкой, А.В. Исаева, В.Б. Исакова, Н.В. Козловой, Н.И. Краснова, И.О. Краснова, О.И. Крассова, Н.И. Матузова, А.В. Малько, А.А. Минаевой, Л.А. Морозовой, Е.Н. Никитиной, О.С. Родионова, В.И. Сенчищева, О.В. Тарасенко, А.С. Трифонова, Э.Ф. Шамсумовой и др.).

Научная новизна исследования заключается в том, что оно представляет собой комплексный анализ правового режима церковно-монастырских земель в России в XV–XVII вв., осуществленный с опорой на большое количество опубликованных и неопубликованных источников и научных трудов.

В ходе исследования был получен ряд результатов, представляющих научную новизну:

- проанализированы и структурированы основные элементы правового режима земель, сформулировано определение правового режима церковно-монастырских земель и обозначены его особенности;
- определена роль государственных и церковных органов в системе управления церковно-монастырским имуществом;
- выделены и обоснованы этапы правового регулирования, направленного на ограничение церковно-монастырского землевладения в XV–XVII вв.;
- дана классификация основных видов земель, принадлежащих церкви и монастырям, на основе имеющихся источников определено время складывания «монастырской вотчины»;
- выявлены особенности монастырского иммунитета, являющегося основой правового регулирования имущественных отношений государства и церкви.

На защиту выносятся следующие положения диссертации:

1. Характерной чертой земельных правоотношений в XV–XVII вв. являлась их многоуровневость, обусловленная делением общества на отдельные социальные группы, существованием сособственников и распределением или перераспределением правомочий собственника в отношении одного объекта между двумя или несколькими субъектами.

На основе анализа прав на различные объекты земельной собственности (родовой, выслуженной, купленной вотчины и поместья) доказано, что отдельным правомочиям собственника был присущ сложный дифференцированный характер.

2. С учетом специфики исторического периода в отношении церковно-монастырских земель XV–XVII вв. можно использовать категорию «правовой режим». Под правовым режимом церковно-монастырских земель следует понимать установленный каноническими нормами, нормативно-правовыми и частноправовыми актами особый порядок предоставления, оборота, использования и охраны церковных и монастырских земель, обязательный для всех субъектов земельных правоотношений.

Главным критерием разграничения правового режима конкретной категории земель в рассматриваемый период являлось ее целевое назначение. В соответствии с церковными канонами, Апостольскими правилами и Правилами вселенских соборов церковно-монастырское имущество предназначалось исключительно для целей церкви и не могло быть использовано ни на какие другие нужды.

Правовому режиму церковно-монастырских земель XV–XVII вв. были свойственны следующие черты: 1) устанавливался каноническими нормами, законодательными актами государства и частноправовыми актами (жалованными, меновыми, вкладными и купчими грамотами); 2) имел особый порядок оборота, регламентированный в канонах, признанный со стороны государства и обусловленный целевым назначением и принципом неотчуждаемости церковных земель; 3) отличался особым порядком предоставления земель, заключавшимся в наличии таких специфических

способов приобретения, присущих только церкви и монастырям, как вклады на помин души и вклады при пострижении; 4) характеризовался особым субъектом церковного и монастырского землевладения.

3. Монастырский иммунитет, будучи разновидностью феодального иммунитета, представлял собой совокупность привилегий, получаемых монастырем на осуществление публично-правовых функций внутри вотчины. От широты привилегий, предоставляемых по жалованным, указным, тарханским и несудимым грамотам, которыми пользовалось монастырское владение, зависело не только его положение, развитие, размеры ренты, но и степень самостоятельности монастыря, его независимости от верховной власти.

Изменение иммунитетной политики государства в отношении церковно-монастырского землевладения во второй половине XVI–первой половине XVII в. было обусловлено укреплением абсолютизма, хозяйственным кризисом 60-х гг. XVI в. и политическим кризисом начала XVII в., что первоначально проявилось в ослаблении налогового иммунитета, а впоследствии – в отмене отдельных привилегий церкви.

4. Управление церковно-монастырским имуществом в XV–XVII вв. имело многоуровневую систему. Так, на уровне государства непосредственные функции по управлению церковно-монастырским имуществом осуществлял государь (великий князь, а с 1547 г. – царь) с помощью системы государственных органов (приказы и земские избы); на уровне церкви управление имело сложную иерархическую структуру, во главе которой находился митрополит, а с 1589 г. – патриарх. На уровне монастыря функции управления имуществом принадлежали настоятелю и Монастырскому собору, выступавшему хранителем интересов общины. Складывание епархиальной приказной системы в первой половине XVII в. свидетельствовало о тенденции к унификации механизмов управления как светских, так и церковных структур. Патриаршие приказы, будучи изначально самостоятельной структурой, после принятия Соборного уложения 1649 г. становятся частью общегосударственной приказной системы управления.

5. Особенности правового регулирования церковно-монастырского землевладения заключаются в том, что в XV–XVI вв. преобладающее значение в регулировании этих вопросов имели канонические нормы и церковное законодательство (постановления соборов), тогда как в конце XVI–начале XVII в. русское право относительно имущества религиозного назначения развивалось в русле западноевропейского законодательства, направленного на ограничение роста церковного недвижимого имущества, что проявилось в принятии амортизационных законов. Характерной чертой политики государства в отношении церковного землевладения была непоследовательность.

В развитии законодательства об ограничении церковно-монастырского землевладения выделяются следующие этапы: 1) XV в. – 1550 г.: правомочия пользования и распоряжения церкви и монастырей ограничивались лишь учением о неотчуждаемости церковной собственности, при этом не было никаких ограничений относительно способов приобретения имущества церковью и монастырями. 2) 1550 – 1649 гг.: стремление светской власти ограничить имущественную правоспособность церкви (в правах ограничены отдельные монастыри, которым запрещалось покупать и продавать земли без разрешения государя, отменялись иммунитетные пожалования, вводились ограничения на специфические способы приобретения имущества). 3) 1649 г. – конец XVII в.: государственная власть устанавливает контроль над имуществом церкви, передав его в ведение Монастырского приказа, ограничивается имущественная правоспособность и ряд других привилегий церкви и монастырей.

6. Предложена классификация церковных и монастырских земель по следующим критериям: наличие налогового иммунитета, объем правомочий, населенность. В зависимости от наличия налогового иммунитета земли церкви могли быть тяглыми (земли, население которых платило государственные платежи), оброчными (земли, связанные с промыслами, с которых платился денежный оброк), или льготными (населенные земли, освобожденные от уплаты государственных податей на определенный срок).

По объему правомочий все недвижимое имущество церкви и монастырей можно разделить на вотчинные земли (церковную и монастырскую вотчину), личные земельные владения церковных иерархов и священнослужителей, оброчные и арендованные земли.

По последнему критерию церковные и монастырские земли делились на населенные (села, починки, деревни, дворы) и ненаселенные (пустоши, леса, сенокосы, пастбища, соляные промыслы и т. д.).

7. Несмотря на возникновение монастырского землевладения в XI–XII вв. и его распространение в XIV в., только со второй половины XVI в. можно говорить о складывании монастырской вотчины как таковой и об использовании понятия «монастырская вотчина» в отношении церковных и монастырских земель. С этого времени церковно-монастырские владения, получив государственные законодательные гарантии, становятся фактически полной неотчуждаемой собственностью церкви и монастырей. Такие права соответствовали режиму вотчины и подкреплялись судебно-административными привилегиями и финансовыми льготами, которые являлись составными частями монастырского иммунитета.

8. До середины XVI в. церковные учреждения наряду с другими собственниками приобретали недвижимое имущество без ограничений различными способами: как общими, так и специфическими, свойственными только церкви и монастырям. Со второй половины XVI в. в сфере регулирования вопросов церковно-монастырского землевладения главной целью была не секуляризация как таковая, а лишь приостановление его роста. В связи с этим светской властью были предприняты ограничительные меры именно в отношении специфических способов приобретения права собственности. Так, вклады в монастырь и на помин души ограничиваются постановлениями соборов 1572, 1580, 1584 гг.

9. В XV–XVII вв. выделяются две группы субъектов церковно-монастырского землевладения: коллективные (церкви, патриарший, митрополичий и архиерейский дома, монастыри) и индивидуальные (лица

духовного звания: патриарх, митрополиты, архимандриты, иноки, игумены, старцы). При этом лицо духовного звания действовало как от себя лично, имея собственное личное имущество и являясь отдельным физическим лицом, так и в качестве представителя церкви или монастыря как некоего коллективного субъекта. Церковь во взаимоотношениях с государственной властью выступала как корпоративный субъект землевладения, который не был строго консолидирован, поскольку в пределах церковно-монастырского землевладения существовала целая система условных прав.

Теоретическая значимость исследования. Диссертация представляет собой комплексное исследование правового режима церковно-монастырских земель в России в XV–XVII вв., результаты которого позволят глубже понять процессы, происходившие в области регулирования церковно-монастырского землевладения в указанный период. Разработка данной темы и выводы, сформулированные автором, обновят и дополнят современные научные представления о порядке управления церковным имуществом, о роли канонических норм в регулировании имущественных вопросов, о субъектном составе церковно-монастырского землевладения. Выводы диссертации могут быть использованы специалистами в области истории отечественного государства и права.

Практическая значимость исследования. Проведенный автором анализ, систематизация материала, полученные результаты, выводы и положения диссертационного исследования могут быть использованы как в учебном процессе при преподавании истории отечественного государства и права, подготовке лекций, семинаров и спецкурсов, так и в научно-исследовательской работе при изучении проблем церковно-монастырского землевладения и вопросов правового регулирования имущественной правоспособности церкви.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования обсуждались на кафедре теории и истории государства и права юридического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Балтийский федеральный университет имени

Иммануила Канта» и на кафедре теории государства и права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Основные выводы исследования были представлены на конференциях различного уровня: I Международная научно-практическая конференция «Закон и порядок» (январь 2011 г., Москва), Международная заочная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы права и государства» (июнь 2012 г., Новосибирск), Международная заочная научно-практическая конференция «Современные проблемы социально-гуманитарных и юридических дисциплин: вклад молодых ученых в развитие науки» (2012 г., Краснодар), V Международная научно-практическая конференция «Закон и порядок» (май 2012 г., Москва), Международная научно-практическая конференция юридического института БФУ им. И. Канта «Проблемы совершенствования правового регулирования общественных отношений» (23–24 ноября 2012 г., Калининград).

Результаты и положения диссертационного исследования отражены в научных публикациях автора – статьях (3 статьи опубликованы в научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ, 4 статьи – в иных изданиях) и в параграфе коллективной монографии.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения и списка литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В XV–XVII ВВ.

§ 1. Право собственности на землю в Московском государстве XV–начала XVII в.

Проблемой становления и развития феодального права собственности на землю занимались представители как исторической, так и историко-правовой науки: С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Б. Веселовский, В.И. Сергеевич, С.В. Рождественский, Б.Н. Чичерин, М.Ф. Владимирский-Буданов, Н.П. Павлов-Сильванский, Г.Ф. Шершеневич, К.П. Победоносцев, Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин, А.Г. Маньков, В.И. Буганов, О.И. Чистяков, В.Б. Кобрин и др.

Однако, вопрос о времени возникновения средневековой земельной собственности, в том числе церковно-монастырской, остается в науке дискуссионным.

Так, русский историк С.М. Соловьев полагал, что княжеские дружинники эпохи первых Рюриковичей могли иметь села, населенные военнопленными, купленными рабами и наймитами, что, по его мнению, свидетельствовало о наличии частного землевладения в это время.¹

Российский историк В.О. Ключевский появление частной земельной собственности на Руси относил к XI в. По его мнению, собственниками являлись князья и члены их семейства, княжьи мужи (бояре), церковные учреждения, монастыри и епископские кафедры.²

Доктор русской истории М.Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что еще положениями Русской Правды о межах и других юридических знаках устанавливалась частная собственность на недвижимые имущества. Вместе с тем он выделял государственную, общинную собственность, а с принятием

¹ См. : Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн. Кн. 1.: История России с древнейших времен. Т. 1-2. / отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. – М.: Мысль, 1988. – 797 с.

² См. : Ключевский В.О. Русская история. – М.: Эксмо, 2005. – 911 с.

христианства – церковную. При этом он указывал, что вотчинные права частных лиц не были безусловными и полными, в то время как церковное имущество представляло собой наиболее полный тип частной собственности, так как права церкви на недвижимые имущества отличались наибольшей полнотой и независимостью.¹

Профессор церковного права М.И. Горчаков отмечал, что «самые первые христианские русские князья, святой Владимир и Ярослав, предоставили митрополиту всея России право владеть земельными имуществами».²

По мнению В.О. Милютина церковное землевладение становится ощутимым лишь ко второй половине XI в.³

Обратим внимание, что иной позиции придерживался К.П. Победоносцев, отрицая возможность существования в указанный период права частной собственности на землю: «...Первый период юридического быта России представляется периодом бессознательного владения землей. Мысль о праве собственности таится еще в зародыше среди этого владения и не высказывается, доколе не приходит в соприкосновение с выяснившимся юридическим началом». По мнению К.П. Победоносцева, понятие о праве собственности на землю образовалось не вдруг, и не само по себе, а происходило в сознании постепенно и в связи с сознанием гражданской личности. Первоначальное образование и распределение собственности не зависело как на Западе от завоевания.⁴

Аналогичной позиции придерживался Л. Штейн, отмечая, что развитие собственности из владения было великим экономическим прогрессом. История началась землевладением, а не поземельной собственностью.⁵ Д.И. Мейер также считал, что право собственности развивалось из владения.⁶

¹ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д.: Феникс, 1995. С. 499-501.

² *Горчаков М.И.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. синода. (988-1738 гг.) : Из опытов исслед. в истории рус. права свящ. М. Горчакова. СПб. : Тип. А. Траншеля, 1871. С.46.

³ *Милютин В.О.* О недвижимых имуществах духовенства в России. М.: Университетская тип., 1862. С. 24.

⁴ *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М.: Статут, 2004. С. 203.

⁵ *Штейн Л.* К аграрному вопросу. Вып. 1 : История землевладения и поземельного права до половины XIX в. М.: Изд-во Бр. Башмаковых, 1901. С. 56.

⁶ *Мейер Д.И.* Русское гражданское право : в 2 ч. по испр. и доп. 8-му изд. 1902 г. 3-е изд., испр. М. : Статут, 2003. С. 327.

В 20–30-е гг. XX в. проблемы феодализма поднимались также в трудах Б.Д. Грекова, С.В. Юшкова и др.

В 40-е годы XX в. в отечественной исторической науке развитие получила вотчинная концепция Б.Д. Грекова, рассматривающего становление феодальных отношений по линии формирования вотчинного землевладения и эксплуатации в его рамках обезземеленных крестьян. В своем исследовании он пришел к выводу, что уже в IX – X в. развивается частное светское и церковное землевладение. Он считал, что Церковь начинает владеть недвижимым имуществом с момента своей организации.¹ При этом Б.Д. Греков отмечал, что в источниках XII в. становится больше сведений о частном землевладении, развитие которого в дальнейшем шло по линии укрупнения, а также увеличения числа землевладельцев и изменения формы земельной ренты.²

Однако одно из главных положений концепции Б.Д. Грекова – наличие вотчинного землевладения в IX–X в. не было подтверждено фактическим материалом.

В 40–50-е гг. XX в. в науке шли активные споры относительно сущности феодальной собственности и времени ее возникновения. В это время началось становление концепции «государственного феодализма», окончательно оформившейся в трудах Л.В. Черепнина.

Одним из первых Л.В. Черепнин на основе анализа актового материала, введенного им в научный оборот, дал характеристику двух фаз становления феодальной собственности: в Киевской Руси и в период складывания централизованного государства. По его мнению, в IX–XI вв. наряду с верховной собственностью государства формировалась частная феодальная (вотчинная) собственность (княжеская, боярская, монастырская), которая приобретает сословно-иерархический характер.³

¹ Греков Б.Д. Киевская Русь. М. : Государственное издательство политической литературы, 1953. С. 139.

² Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Кн. 1. 2-е изд. М. : Изд-во АН СССР, 1952. С. 104-110.

³ Черепнин Л.В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // Вопросы истории. 1953. № 4. С. 63.

Иную позицию занимал И.Я. Фроянов, связывающий генезис феодализма с возникновением и дальнейшим ростом крупного землевладения, покоящегося на частном праве. Он указывал на то, что крупное землевладение возникло сравнительно поздно: княжеское — не ранее X в., а боярское и церковное — не ранее XI в., посредством заимки пустых (свободных) неосвоенных земель и купли.¹

По мнению Я.Н. Щапова «возникновение церковного землевладения на Руси может быть отнесено ко второй половине XI в. В системе феодальной собственности на Руси X–XII вв. церковь, следовательно, занимает место сравнительно поздно, когда другие институты – княжеское, боярское землевладение – уже существовали...»²

Советский историк и социолог Б.Ф. Поршнев считал, что основой феодального строя являлась полная свободная, неограниченная и безусловная собственность феодалов. Крестьяне, не имеющие своей земли, получали ее у собственника в пользование на определенном условии.³

Обратим внимание, что российский экономист М.В. Колганов отрицал наличие собственности в феодальном обществе, считая, что ему были присущи лишь поземельные отношения, в которых ни один субъект не являлся собственником, а был всего лишь владельцем, поэтому земля не могла быть отчуждаема. Он различал «полную собственность», обязательным признаком которой является отчуждаемость, и «неполную собственность», не подлежащую отчуждению (владение, пользование).⁴

Российский историк Ю.Л. Бессмертный признавал наличие государственной и сеньориальной собственности, но ни как самостоятельных структурных образований. По его мнению, обе эти формы находятся в диалектическом единстве, предполагающем принципиальную общность их содержания и

¹ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. С. 129.

² Щапов Я.Н. Церковь в системе государственной власти Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение / под ред. А.П. Новосельцева и др. М. : Наука, 1965. С. 336.

³ Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М. : Наука, 1964. С. 33-43.

⁴ Колганов М.В. Собственность. Докапиталистические формации. М. : Соцгиз, 1962. С. 13.

структуры, и «выступают как часть неразрывно сочлененного целого – феодальной собственности».¹

Е.В. Яненко, выделяя владение и собственность, утверждает, что на Руси земельная собственность в отличие от владения территорией, появилась лишь в XIV в., когда страна находилась под татаро-монгольским игом.²

Следует отметить, что сформировавшиеся в научной литературе представления относительно природы средневековой земельной собственности можно разделить на несколько групп:

1. Ряд авторов (М.Ф. Владимирский-Буданов, Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин, Я.Н. Шапов) признают наличие в средневековом обществе следующих форм собственности: государственной (верховной), общинной и частной феодальной собственности (княжеской, боярской и церковной).

2. Другие ученые отмечают, что феодальному обществу были присущи поземельные отношения, а собственность как таковая отсутствовала. В поземельных отношениях субъекты были лишь владельцами, и ни один из них не являлся собственником (К.П. Победоносцев, М.В. Колганов).

3. Государственная и сеньориальная формы собственности получили распространение в феодальном обществе (Ю.Л. Бессмертный).

4. Некоторые исследователи придерживаются теории «расщепленной», «расчлененной» собственности, в основе которой лежит сословный характер. В рамках указанной теории рассматривается верховная собственность (*dominium directum*), принадлежащая сеньору, и право пользования (*dominium utile*) – держателю, вассалу. При этом «расщепление» понимается как передача земли в держание вассалам; как раздача ее непосредственным производителям –

¹ Бессмертный Ю.Л. Сеньориальная и государственная собственность в Западной Европе и на Руси в период развитого феодализма // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Материалы XVII сессии сим. по изучению проблем аграрной истории. Ростов н/Д : Издательство Ростовского университета, 1980. С. 35-37.

² Яненко Е.В. Земельные отношения в Древней Руси и их реформирование в Московском государстве: историко-правовой аспект : дис. ... канд. юр. наук : 12.00.01. СПб., 2006. С. 95.

крестьянам; или одновременно и как держание вассалов, и как крестьянские наделы (С.М. Каштанов).¹

Действительно, говоря о развитии феодальных отношений и формировании феодальной собственности, необходимо учитывать и тот факт, что становление феодализма в Русском государстве происходило особенным путем, отличавшимся от Западной Европы. Поскольку в Русском государстве XV–XVII вв. отсутствовала система вассально-ленных отношений, основывающаяся на господстве условной частной собственности и четкой сословной организации общества в рамках феодальной лестницы. В связи с этим невозможно отождествлять становление институтов феодального общества, в том числе институтов земельной собственности (аллод – вотчина, фео́д, бенефиций – поместье). Поэтому подчеркнем, что, на наш взгляд, использование формулировок и институтов, характерных для периода феодализма в Западной Европе, применительно к истории России возможно лишь с оговоркой.

Также необходимо учитывать тот факт, что в Средневековой Руси не существовало понятия «земельная собственность» в современном смысле этого слова. С одной стороны, не было четкого различия распоряжения, владения и пользования в качестве особых форм полномочий, в целом составляющих собственность, с другой – в этой своей слитности собственность на землю предполагала несколько субъектов права.²

Рассматривая терминологическую перспективу, отметим, что в законодательных актах XVI–XVII вв. термин «собственность» в отношении земли не употреблялся. В российском праве до XIX в. отсутствовала четкая правовая регламентация правомочий собственника (пользования, владения и

¹ См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права; *Новосельцев А.П., Пашуто В.Л., Черепнин Л.В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М.: Наука, 1972. С. 101-129.; *Гуревич А.Я.* Проблема земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы // Вопросы истории. 1968. № 4. С. 89.; *Победоносцев К.П.* Указ. соч.; *Колганов М.В.* Указ. соч.; *Бессмертный Ю.Л.* Указ. соч.; *Каштанов С.М.* Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма: сб. ст. / отв. ред. Л.В. Черепнин. М.: Наука, 1970. С. 176-177.

² *Данилова Л.В.* Понятие земельной вотчины в средневековой Руси // Средневековая и новая Россия: сб. науч. ст. к 60-летию профессора И.Я. Фроянова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 266.

распоряжения). Представление о «триаде» правомочий было сформулировано впервые В.Г. Кукольниковом в 1813 г., а в законодательстве закрепилось с 1832 г.

Несмотря на это, представление о собственности существовало еще с древних времен, о чем свидетельствует использование следующих выражений: мое, твое, чужое, моя земля, твоя купля. Для обозначения приобретения в собственность – «купил в прок», «в веки», «в одерень», «себе и детям», «купил без выкупа».¹

Значимым свидетельством наличия собственности является и то, что уже со времен Русской Правды предусматривалась юридическая защита частной собственности. Так, статьи 71 – 72 Пространной редакции Русской Правды о нарушении межи предусматривали штраф 12 гривен.² Однако, по справедливому замечанию В.Е. Рубаника, определить понятие собственности и права собственности можно лишь опосредованно, исходя из обобщения всего массива правовых предписаний Правды в их совокупности.³

В Псковской судной грамоте выделялось недвижимое имущество («отчина») и движимое («живот») – ст. 88, 89, а также условное владение землей («кормля») – ст. 72.⁴

В Судебнике 1497 г. не было сформировано четкого юридического отношения к земле, при этом разработку получили нормы, регулирующие отношения по использованию, присвоению и переходу земельных участков, о чем свидетельствуют статьи о межах.

Статья 61 «Об изгородях» предписывала устанавливать изгороди между селами, деревнями и земельными участками. А статья 62 «О межах» была направлена на охрану земельной собственности, которой подлежали земли не только великого князя, но также боярина и монастыря. «Если кто-нибудь перепашет межу или повредит межевые знаки у боярина и монастыря на земле

¹ *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. С. 524-525.

² Русская Правда Пространной редакции (по Троицкому 1-му списку) // Памятники российского права: в 35 т.: учеб.-науч. пособие. Т.1 : Памятники права Древней Руси / О.В. Бобровский и др. ; под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М. : Юрлитинформ, 2013.С. 130.

³ Там же. С. 145.

⁴ Псковская судная грамота // Российское законодательство X–XX веков. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. С. 338-341.

великого князя или у великого князя на боярской и монастырской земле, или у боярина на боярской или монастырской земле, или у монастыря на боярской земле, он подвергается битью кнутом и с него взыскивается рубль в пользу истца».¹

Различное имущество, а также земля рассматривались в качестве объектов возможных судебных споров, подтверждением этому служила статья 63 «О землях суд». В соответствии с ней иски могли взаимно предъявляться феодалами, монастырями, крестьянами, администрацией князя. В данной статье определялись сроки давности по земельным искам: «По искам о земле боярина к боярину, монастыря к монастырю, боярина к монастырю или монастыря к боярину устанавливается исковая давность в три года. По искам о землях великого князя к боярам или монастырям устанавливается исковая давность в шесть лет».²

Основываясь на практике митрополичьего суда, статья вводила трехлетнюю давность по искам частных лиц. Судебник увеличивал срок исковой давности по земельным спорам до шести лет, если иск был направлен на изъятие у неправомочного владельца великокняжеской земли.

Введение двух сроков исковой давности, по мнению Л.В. Черепнина, было связано с тем, что «основная масса неразрешенных судебных тяжб касалась, как показывают грамоты, земель именно великокняжеских крестьян, захваченных крупными феодалами – боярами и монастырями».³

В Русском государстве XV в. существовало феодальное и крестьянское землевладение. Основной формой крестьянского землевладения было общинное, для феодального землевладения такими формами выступали вотчина и поместье. Особенности форм землевладения проявлялись в различии их вовлеченности в гражданский оборот, а также в зависимости от субъектов.

Так, общинные земли, принадлежавшие не отдельным лицам, как собственникам, а общине, могли быть использованы членами общины только в целях удовлетворения собственных общинных нужд. При этом члены городских и

¹ Судебник 1497 г. // Памятники российского права: в 35 т. : учеб.-науч. пособие / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2013. Т. 3 : Памятники права Московского государства. Кн. 1. С. 24.

² Там же.

³ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV вв. М. : Изд-во АН СССР, 1951. Ч. 2. С. 58.

сельских общин не могли свободно распоряжаться своим земельным участком (продать, подарить или заложить).

Княжеские земли, будучи собственностью князей, могли быть проданы, завещаны и иным образом отчуждены. Но это касалось только той части земель, которая принадлежала князю на праве собственности, поскольку приобреталась им самостоятельно. Была и другая часть княжеских земель, которая не принадлежала князю на праве полной собственности, поскольку являлась принадлежностью княжеской власти. Переходя из одного удела в другой, князь терял право на эту землю, и оно переходило к новому князю, приходившему в этот удел.

Поместные земли принадлежали их владельцам не на праве собственности. Право пользования поместными землями являлось платой князя своим дружинникам за службу, и в случае их перехода на службу к другому князю дружинники утрачивали право пользования этими землями.

Подчеркнем, что церковь, будучи крупным феодалом, владела большим количеством земель. Основной формой церковно-монастырского землевладения являлась вотчина, в отношении которой был установлен специфический правовой режим.

Термин «вотчина» существовал в древнерусском гражданском праве и использовался для обозначения земельного имущества с правами полной частной собственности на него. Этимология слова указывает на источник приобретения собственности – переход от отца.

Обратим внимание, что *вотчина* являлась основным видом землевладения XIII–XV вв., которому были свойственны следующие черты: владелец над тем или иным участком, угодьем, обладал полным, бессрочным, исключительным господством; мог передавать его по наследству, а также распоряжаться иным способом по своему усмотрению.

В средневековой Руси понятие «вотчина» в основном прилагалось к двум видам наследства: земельным угодьям и политической власти.¹

¹ Данилова Л.В. Понятие земельной вотчины в средневековой Руси. С. 255.

Первоначально объем прав вотчинника был чрезвычайно обширным: вотчинник был не только собственником земли, но и лицом, имевшим административную и судебную власть над населением, жившим на его земле. Эта власть была основой, составляющей феодальный иммунитет, в том числе церковно-монастырский. При этом следует отметить, что сам вотчинник был подсуден только князю.

В Московском государстве XVI в. право владеть имуществом принадлежало физическим лицам обоюбого пола и юридическим лицам. Материалы Московских писцовых книг позволяют выделить следующих вотчинников: бояр, детей боярских, гостей, торговых людей, посадских, епископов, монахов, попов, монастыри, церкви.¹ В писцовых книгах приведены документы, которые свидетельствуют о наличии у вотчинников правомочия распоряжения (купчие крепости, закладные, данные, рядные).

В период становления Московского великого княжества объем прав вотчинника уменьшается. Получение вотчинником вместе с правом собственности на землю судебной и административной власти становится исключением.

Уже в XV в. «вотчиной» стали называть земельные пожалования, имевшие черты условного владения, это проявилось в ограничении вотчинника в правах распоряжения, а также в его обязанности быть верным государю. Так, при Иване III и Василии III вотчинники Твери и Рязани были ограничены в правомочии распоряжения: не могли продавать свои вотчины «иногородним» и в монастыри. Родовым князьям Суздальского, Ярославского и Стародубского корня запрещалось продавать свои имения «без ведома великого князя». Любое нарушение вело к конфискации вотчины в казну.²

Таким образом, уже в XV в. права отдельных вотчинников начинают ограничиваться. Во взаимоотношениях светских и церковных властей также можно проследить тенденцию к ограничению прав церкви. Ограничивается

¹См. : Писцовые книги Московского государства. Писцовые книги XVI века / под ред. Н.В. Калачева. СПб. : Издание Императорского Русского географического общества, 1877. Отд-ние 1. 924 с.

²Коловангин П.М. Собственность на землю в России История и современность. СПб. : Знание; ИВЭСЭП, 2003. С. 138.

судебный иммунитет посредством изъятия из ведения церковных судов дел по вопросам душегубства, татьбы и разбоя.¹

Правовой режим вотчины более детально был регламентирован в Судебнике 1550 г. В нем в зависимости от способа приобретения различались следующие виды вотчин – родовые, купленные и пожалованные (подаренные) государем за службу пожизненно или в собственность.

Был разработан вопрос родового наследования вотчин и родового выкупа. Государство ограничивало распоряжение родовыми вотчинами. Запрещалось отдавать вотчины в монастырь по душе.

Статья 85 Судебника 1550 г. регламентировала порядок родового выкупа вотчины. В соответствии с родовым обычаем распоряжение этим видом вотчин было ограничено. Сначала это право распространялось только на сделки возмездного характера (куплю-продажу, залог и мену).

Во владении отдельных членов рода находилась только обрабатываемая часть земель (пашни), тогда как остальные земли, в частности, леса и луга, находилась в общем владении всего рода. При этом без согласия родичей нельзя было распоряжаться даже обрабатываемыми землями. Сделки, как правило, оформлялись от лица всего рода; право преимущественной покупки отчуждаемой вотчины принадлежало родичам. В связи с этим допускалось возбуждение иска против сородича, который поступал вопреки мнению рода.

Во-первых, данной статьей определялся круг лиц, так воспользоваться этим правом могли лишь братья и племянники; прямые потомки (дети и внуки), все прочие боковые родичи исключались из числа пользователей.

Во-вторых, устанавливался срок, в течение которого можно было реализовать это право. Родственникам была предоставлена возможность выкупить родовые земли в течение 40 лет после сделки.

Заметим, что выкуп полученных монастырями земель возможен был лишь в определенных случаях: «А которые люди вотчины свои в монастыри давали, да и вперед которые учнут вотчины свои давати..., а напишет кто в духовных, и в

¹Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. С. 116.

вкладных, и во всяких крепостях: «кому будет их вотчины роду, и их род искуп, дадут столько, сколько в духовной или в крепостях написано дати и скупу», и те вотчины вотчим выкупати по духовным и по докладным крепостям по старине...».¹

В этой статье также говорилось о сходном с правом выкупа праве залога: «А возмет хто сторонней человек, а не вотчич, вотчину в заклад во много больше тое цены, чего та вотчина судит, и хто вотчин учнет бити челом, что закладывает или уже заложил в чужей род, и тому вотчичу та вотчина в заклад взяти в меру, чего та вотчина судит. А что тот денег в займы дал лишок больше тое цены, чего та вотчина судит, и у того (те) деньги пропали». Обратим внимание, что это правило действовало и при обмене вотчин.

Наследникам разрешался обратный выкуп земель, отданных церкви по завещанию, и запрещалось давать церкви земли во вновь присоединенных княжествах без согласия князя.²

Родовые и выслуженные вотчины сохранялись за родом мужа, так как жены не могли их наследовать. В тоже время допускалось свободное отчуждение пожалованных и купленных вотчин, поскольку право родового выкупа на них не распространялось. Так, Судебник 1550 г., подтверждая давнюю норму обычного права о родовом выкупе, постановлял, что родичам до купель дела нет: «Кто куплю продаст, и детям и братьям и племянником тое купли не выкупати».³

Существенная разница между этими тремя видами вотчин заключалась в правомочии распоряжения. Наиболее обширный объем прав распоряжения принадлежал владельцам купленных вотчин.

Купля – недвижимое имущество, приобретенное посредством денежной выплаты. Купленную вотчину можно было продать, заложить, подарить и завещать любому лицу. Она могла перейти по наследству к жене вотчинника и первоначально не подлежали праву родового выкупа.

¹Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: тексты / под ред. Н.Е. Носова. Л.: Наука, 1986. № 5. С. 31-32.

²Зинякова В.М. Из истории русской церкви: X в. – первая четверть XVIII вв.: учеб. пособ. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 2008 С. 65.

³Судебник 1550 г. // Российское законодательство XX – XX веков. Т. 2. Законодательство в период образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 59.

Однако купленная, полученная в дар, путем мены или иным способом земля становилась вотчиной лишь после смерти приобретателя и передачи ее по наследству, что фиксируется Судебником 1550 г., а впоследствии и Соборным уложением 1649 г.

После того, как купленная вотчина передавалась по наследству, менялся ее вид, и соответственно менялся ее режим. На нее начинает распространяться право родового выкупа: «А кто напишет свою куплю детям своим (после живота своего), ино им та вотчина: то им держати в вотчину, и вперед им та вотчина выкупити по тому ж указу за вотчину».

Действительно, объем правомочий распоряжения относительно купленных вотчин был гораздо шире, чем родовых и пожалованных, однако, купленная вотчина, перешедшая по наследству, становилась родовой и на нее распространялись ограничения, характерные для этого вида (например, право выкупа в течение 40 лет).

Важно обратить внимание, что в статье 88 Судебника (о крестьянах) появляется норма о попе, принципиально отличающаяся от предыдущего Судебника: «А попу пожылого нет, и ходити ему вон безсрочно воля». Появление этой нормы свидетельствует о том, что положение представителей низшего духовенства, которые, как правило, были выходцами из низов, в этот период было наравне с крестьянами. На этот факт указывал М.Ф. Владимирский-Буданов: «приходское сельское духовенство находилось в одинаковых условиях с крестьянами относительно пользования двором и аренды земли. Отсюда позднее, во времена прикрепления крестьян, землевладельцы расположены были смотреть и на приходских священников как на крепостных; иногда даже они ставили в попы своих рабов, не освобождая их».¹

Однако законодатель именно для этой категории не предусмотрел пожилого, в отличие от крестьян, у которых размеры пожилого выросли в сравнении с предыдущим периодом. Правительство Ивана IV введением этой

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Киев; СПб. : Тип. С.В. Кульженко, 1887. С. 173.

нормы пыталось поддержать низшее духовенство, которое было влиятельной группой населения в крестьянской среде.

До сер. XVI в. служба вотчинника великому князю не была обязательной. Вотчинник имел право отчуждения и распоряжения; вотчину можно было продать, отдать в залог, подарить, обменять, передать по наследству. Подтверждением этому служат формуляры грамот указанного периода: «отдал есми ему и его детем впрок по старине», «а продал есми ему впрок без выкупа», «А вольно Офонасью та деревня и половина пустоши менять и продать и по душе отдать».¹

С принятием при Иване Грозном Уложения о службе 1556 г., согласно которому устанавливалась уложенная служба со всех вотчин наравне с поместьями, вотчина превратилась в такую же служилую землю, как и поместье.²

Так, по мнению К. Гладкова, реформы Ивана IV (ограничение обращения вотчин между служилыми людьми разных областей или разрядов, запрет отдавать и продавать вотчины в монастыри, архиереям и духовным властям; установление права родичей выкупать отчужденные родовые вотчины; лишение вотчичей вотчин в случае неисполнения обязанностей по службе), позволили сохранить землю службе.³

Другой формой поземельной собственности в Русском государстве было *поместье* – условное держание, которое давалось на время службы. Владелец поместья пользовался землей, предоставленной ему по воле князя. Поместье не было собственностью его владельца, так как «владелец не мог его продать, обменять, или завещать и, хотя земли переходили от отца к сыну, но не по праву наследства, а по новой отдаче от правительства».⁴

Изучая формуляр грамот о передаче земель в поместье, находим формулировку аналогичную формулярам вотчинным: «впрок им и их детем», при этом отсутствует формулировка «волен он и его дети то село и деревни кому дати,

¹ Жалованная грамота князя Владимира Андреевича Старицкого // Исторический архив. 1939. № 2. С. 51-59.

² См. : *Сергеевич В.И.* Древности Русского права. Т.3: Землевладение. Тягло. Порядок обложения. С. 15.

³ О влиянии общественного состояния частных лиц на право поземельной собственности по началам Древнего Российского законодательства. Рассуждение канд. Гладкова. М. : Тип. Александра Семена, 1855. С. 58-62.

⁴ *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. 8 : Т. XIX Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1906. С. 48.

и продати, и променяти, и в закуп отдати, и по душе дати», что свидетельствует об ограничении права распоряжения в отношении этого вида землевладения.

Таким образом, владельцы поместий в отличие от владельцев вотчины в отношении своего имущества имели меньший объем правомочий. Владеть и пользоваться своими землями они могли только в течение срока службы, а также они были ограничены в праве распоряжения своим имуществом.

Вполне обоснованной является точка зрения В.Е. Рубаника, которая находит свое подтверждение и в нашем исследовании, главное отличие поместья от вотчины состояло в объеме правомочий их владельцев, в том, что поместье нельзя было ни продать, ни отдать в монастырь.¹

Впервые законодательно «поместье» было закреплено в Судебнике Ивана III, согласно которому земли на поместном праве даются служащим лицам из черных и дворцовых земель.

Позднее это право служащих на поместье окончательно утверждается законодательством: устанавливаются разряды людей, имеющих право владеть поместьем, виды недвижимости, которые могли быть объектом поместного права, регламентируются права помещиков.²

Сближение поместного и вотчинного землевладения, прежде всего, выражалось в том, что поместное владение начинает утрачивать черты условности, поскольку стало передаваться по наследству и обмениваться на вотчину.

Таким образом, в ходе реформ, проведенных Иваном IV, изменился объем правомочий владельцев вотчин, а также правовой режим самой вотчины. Владелец получал вместе с вотчиной и обязанность нести военную службу

На это указывал и Р. Пайпс «владение землей и служба, по традиции, разделенные в России, сделались, теперь взаимозависимы. В стране, знавшей в прошлом только аллод, оказалось с тех пор одно условное землевладение. Ленное

¹ Рубаник В.Е. Отношение собственности в восточнославянской традиции правового регулирования: Начало X в. – 1991 г. Историко-правовое исследование. : дис... д-ра юр. наук : 12.00.01. М., 2004. С. 227.

² Судебник 1497 г. С. 24.

поместье, неизвестное в «феодальной» средневековой России, появилось в ней заботами абсолютной монархии».¹

Слияние поземельных и служилых отношений, по мнению В.О. Ключевского, привело к ограничению круга лиц, имевших право приобретения вотчин, а также ограничению права распоряжения вотчинами.²

К нач. 70-х г. XVI в. уменьшается объем правомочий владельцев вотчин. В частности, внутри «пожалованной» вотчины выделяются такие разновидности, как наследственные и личные. Личные вотчины давались служилому человеку пожизненно, он лишался права передавать их по наследству. Данное ограничение противоречило традиционному представлению о вотчине, как о наследственной собственности.

Несмотря на сближение правового режима вотчины и поместья, термин «вотчина» сохраняется в русском праве до нач. XVIII в., когда петровское законодательство ввело впервые термин «недвижимое имение», в результате чего поместье и вотчина были объединены под одним наименованием (Указ от 23 марта 1714 года – «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах»). Формула «движимые и недвижимые имущества» употреблялась в указе применительно к поместным и вотчинным владениям.³

Если до указа 1714 г. применительно к земельным участкам использовались такие определения, как вотчины, поместья, дворы, тяглые земли, то после него вотчины и поместья превратились в имения, которые приобрели по данному документу единый регламентированный правовой режим.⁴

Впервые собственность упоминается 30 июля 1767 г. в Наказе генерал-прокурору по поводу учреждения Комиссии о составлении проекта Нового Уложения. Так, в пункте 10 Наказа читаем: «Рассуждение о взаимности всех

¹ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М. : Изд-во Захаров, 2012. С. 130.

² *Ключевский В.О.* Русская история. С. 246.

³ Российское законодательство X–XX веков. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма. С. 296.

⁴ *Власова М.В.* Право собственности в России: возникновение, юридическое содержание, пути развития: учеб. пособ. 2-е изд., испр. и доп. М. : Эксмо, 2007. С. 69-75.

граждан между собою составляет гражданское право, которое сохраняет и в безопасность приводит собственность всякого гражданина».¹

Владельческая защита недвижимости в России была отделена от иска о праве собственности только во второй половине XVIII в. в Межевой инструкции², а затем в Учреждении о губерниях (от 7 ноября 1775 г. Учреждения для управления Губерний Всероссийской Империи).³

В Манифесте от 28 июня 1782 г. «О распространении права собственности владельцев на все произведения земли на поверхности и в недрах ее содержащиеся» говорится о праве собственности: «Право собственности каждого в имении его распространяем и повелеваем разуметь не на одной поверхности земли им благоприобретенной, или по наследству пришедшей; но и в самих недрах той земли и в водах ему принадлежащих на все сокровенные минералы и произращения, и на все делаемые из того металлы».⁴

В статье 33 Жалованной грамоте дворянству 1785 г. подтверждается право частной собственности дворян, в том числе и на недра: «Подтверждается благородным право собственности, дарованное милостивым указом от 28 июня 1782 года, не только на поверхности земли, каждому из них принадлежащей; но и в недрах той земли и в водах, ему принадлежащих...»⁵

В статье 4 Жалованной грамоты городам говорится о частной собственности и ее защите: «В городе живущим сохраняется и охраняется собственность и владение, что кому по справедливости и законно принадлежит, как движимое и недвижимое».⁶

Вышеизложенный материал позволяет сделать следующие выводы: с учетом специфики научной трактовки термина «право собственности», в соответствии с реалиями времени и меняющейся исторической, политической и

¹ Генерал-прокурорский наказ при Комиссии о составлении проекта Нового Уложения, по которому и маршалу поступать. 30 июля 1676 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое: в 45 т. СПб.: Тип. П-го отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. I. № 12950.

² Инструкция Межевщикам 13 мая 1754 г. // ПСЗ РИ. Т. XIV. № 12237

³ Учреждения для управления Губерний Всероссийской Империи. 7 ноября 1775 г. // ПСЗ РИ. Т. XX. № 14392.

⁴ Манифест о распространении права собственности владельцев на все произведения земли на поверхности и в недрах ее содержащиеся. 28 июня 1782 г. // ПСЗ РИ. Т. XXI. № 15447.

⁵ Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского дворянства. 21 апреля 1785 г. // ПСЗ РИ. Т. XXII. № 16187.

⁶ Грамота на права и выгоды городам Российской Империи. 21 апреля 1785 г. // ПСЗ РИ. Т. XXII. № 16188.

экономической ситуацией, невозможно свести сущность данного института к обычной совокупности правомочий пользования, владения и распоряжения.

При этом не стоит забывать о неоднородности этих правомочий. «Владение» и «пользование» – экономические категории, а «распоряжение» – правовая категория. Распоряжение присуще не только собственности, но в той или иной степени владению и пользованию.

В Судебниках 1497 г. и 1550 г. закрепляются формы земельной собственности, ранее сложившиеся на Руси, в частности вотчинное и поместное землевладение. Несмотря на то, что в Судебнике 1497 г. отсутствовала четкая правовая регламентация права собственности, при этом имущество и земля упоминались в качестве объектов судебных споров, утверждался принцип частной собственности на землю, и предусматривалась ответственность за повреждение или уничтожение межевых знаков и запашку чужой земли. Нововведением по отношению к предыдущим правовым актам было установление двух сроков исковой давности судебных споров. Правовой режим вотчины и поместья более детально был регламентирован в Судебнике 1550 г.

Таким образом, рассматривая феодальную земельную собственность в XV–XVII вв., можно выделить: бессрочную полную форму – вотчину, а также условные или срочные формы – «владение» и «пользование» (поместье). Важно заметить, что поместные взаимоотношения базировались не на частной собственности, а на частном землепользовании. Владеть поместьями, как уже говорилось, могли представители всех родов государственной службы: бояре, дьяки, подьячие, придворные служители, гости.

Складывание системы поместного землевладения привело к изменению юридического характера вотчины. До возникновения поместья существовало разделение поземельных и служилых отношений, но уже со второй пол. XVI в. начинают стираться различия между этими формами землевладения. Происходит уравнивание поместного и вотчинного землевладения в отношении службы, сближение их правового режима, а к нач. XVIII в. вотчина и поместья становятся «недвижимыми имуществами».

Изучая вопрос земельных правоотношений, необходимо учитывать особенности становления и развития института права собственности и других вещных права на землю в России в XV–XVII вв., включая церковно-монастырское землевладение.

Использование современной юридической терминологии при исследовании средневековых поземельных отношений возможно лишь в том случае, если их рассматривать как эталон, а также с учетом следующих моментов:

1) До XVIII в. для обозначения права собственности используются разноположенные термины «вотчина», «владение» и «держание». Право собственности в XV–XVII вв. невозможно свести к простой совокупности правомочий: владение, пользование, распоряжение.

2) В каждой общественной системе взаимоотношений по поводу земли можно выделить несколько качественных ступеней, характеризующих разный уровень прав, однако их нельзя абсолютизировать, так как земельные отношения Средневековья и Нового времени были многоуровневыми. Особенности объектов недвижимых имуществ определялись их правовым режимом, статусом сособственников, который возникал из деления общества на отдельные социальные группы.

3) Использование формулировок и институтов, характерных для периода феодализма в Западной Европе, применительно к истории России XV–XVII вв. возможно лишь с оговоркой, так как становление и развитие феодализма в Русском государстве происходило по своему собственному пути, отличному от Западной Европы. В Русском государстве отсутствовала система вассально-ленных отношений, основой которой было господство условной частной собственности и четкой сословной организации общества в рамках феодальной лестницы.

4) Законодательные акты периода конца XV–начала XVII в., регулирующие вопросы собственности устанавливали: основные формы земельных владений (дворцовые земли, вотчины, включая монастырские, поместья и земли сельских общин, находившиеся в собственности государства).

Анализ прав на различные объекты земельной собственности (родовой, выслуженной, купленной вотчины и поместья) позволяет говорить о сложном дифференцированном характере отдельных правомочий собственника, правовая регламентация которых в это период не была предельно выдержанной (поместное владение передавалось по наследству и обменивалось на вотчину).

§ 2. Понятие правового режима церковно-монастырских земель и его элементы

Ключевое значение для характеристики правовой системы феодального общества имеет земельная собственность. Исследуя вопросы земельных правоотношений необходимо учитывать диалектическую природу института феодальной собственности, особенности структуры и содержания права собственности применительно к XV – XVII вв., а также полифункциональность объекта земельных правоотношений – земли.

Земля является наибольшей ценностью, которой обладает государство, общество и конкретный индивидуум. Земля – это не только природный объект, один из основных видов природных ресурсов, но и главное средство производства в сельском хозяйстве, основа всей общественной и экономической деятельности человека. Земля также выступает объектом гражданских правоотношений. Тем самым представляет собой сложный объект, который требует детальной разработки таких теоретических конструкций как «правовое регулирование» и «правовой режим».

Обратимся к первоначальному смыслу слова режим (от франц. *regime*, от лат. *regimen* – управление) определяется как государственный строй, порядок, метод правления. Данный термин, представляющий собой емкое понятие, имеет полисемантическую структуру. Режим понимается как: 1) установленный распорядок жизни, работы, отдыха, питания и сна; 2) совокупность правил,

мероприятий, норм для достижения какой-либо цели; 3) система обязательных принципов или правил, установленных для какого-либо вида деятельности.¹

Понятие «режим» первоначально появилось как государственная и политическая категория, а затем уже как правовая. В научный оборот термин «правовой режим» был введен в середине XX в. академиком А.В. Венедиктовым. В юридическом же аспекте правовой режим стал исследоваться в XX в., с одной стороны, в рамках проблемы правового регулирования, а с другой – разрабатывалась собственная теория правовых режимов. В настоящее время большое значение уделяется отраслевым исследованиям (экономические, технические и социальные), в которых изучаются конкретные правовые режимы – «пошлинный режим», «режим хозяйственной деятельности», «льготный режим» и др.

Категория «правовой режим» получила широкое толкование в научной литературе, поскольку является значимой в теории права. Как научная категория «правовой режим» имеет много аспектов, которые активно исследуются учеными-правоведами.

Несмотря на исследовательский интерес к проблеме правовых режимов (Э.Ф. Шамсумова, О.С. Родионов, А.С. Трифонов, Е.С. Болтанова, Е.С. Бедова и др.)² в современной научной литературе отсутствует единая концепция восприятия категории правовой режим, на теоретическом уровне не выработано единого подхода к определению его сущности и содержания.³ Общетеоретические аспекты правового режима освещены в меньшей степени в отличие от отраслевых.

В современных исследованиях проблема правовых режимов, по-прежнему, остается дискуссионной об этом свидетельствует большое количество

¹ Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.П. Горкин. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая Российская энциклопедия; СПб. : Норинт, 1999. С. 1005.

² Шамсумова Э.Ф. Правовые режимы (теоретический аспект) : дис...канд. юр. наук : 12.00.01. Екатеринбург. 2001. 213 с.; Родионов О.С. Механизм установления правовых режимов Российским законодательством: дис.... канд. юр. наук: 12.00.01. Саратов. 2001. 157с.; Трифонов А.С. О правовом режиме земель, входящих в категорию земель промышленности // Современное право. 2005. № 8; Болтанова Е.С. Правовой режим в земельном праве: теория вопроса // Вестник Томского государственного университета. Право. 2008 № 315; Бедова Е.С. Понятие правовой режим земель населенных пунктов // Молодой ученый. 2011. № 2. Т. 2. С.13-18.

³ Алексеева Н.И. Категория «правовой режим»: вопросы теории и применения в земельном праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 2 (51). С. 135-138.

диссертаций. Диссертанты по-разному определяют правовой режим: как особый порядок законодательного регулирования¹, как совокупность правовых принципов для регулирования общественных отношений², правовая характеристика явлений объективной действительности, социальных объектов.³

Теоретико-правовые аспекты правового регулирования и правового режима отражены в работах С.С. Алексеева, В.С. Анисимова, Л.В. Виноградовой, Н.И. Краснова, В.Б. Исакова, А.В. Малько, Н.И. Матузова, В.Д. Сорокина, Л.С. Явича, Э.Ф. Шамсумовой, О.С. Родионова, К.Х. Ибрагимова, В.А. Горленко и других авторов.

Анализ исследований, посвященных данной проблеме, позволил выделить несколько точек зрения относительно сущности категории правовой режим.

Так, под правовым режимом понимается социальный режим некоторого объекта, который закрепляется правовыми нормами и обеспечивается совокупностью юридических средств.⁴ В рамках этого направления акцент делается на нормативной составляющей указанной категории, несмотря на то, что в правовой режим включаются и другие юридические средства, автор сводит содержание правового режима к совокупности норм права.

Правовой режим определяется и как совокупность юридических средств регулирования, опосредованная императивным методом юридического воздействия и централизованным порядком.⁵ В рамках указанного направления делается акцент на государственно-властной природе режима, поскольку режим рассматривается «как результат регулятивного воздействия на общественные отношения».⁶

¹ Шамсумова Э.Ф. Указ соч.; Родионов О.С. Указ соч.; Горленко В.А. Режим правового регулирования (теоретико-прикладной аспект): автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03. СПб., 2002. 26 с.

² Егоров Ю.П. Правовой режим сделок как средств индивидуального регулирования общественных отношений: автореф. дис. ... д-ра юр. наук: 12.00.03. Екатеринбург, 2004. С.6.

³ Хабибуллина А.Ш. Гражданско-правовой режим управления юридическим лицом, находящимся на стадии ликвидации: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03. М., 2013. С. 15.

⁴ Исаков В.Б. Механизм правового регулирования и правовые режимы // Проблемы теории государства и права / под. ред. С.С. Алексеева. М. : Юридическая литература, 1987. С. 258-259.

⁵ См.: Бахрах Д.Н. Административное право: учеб. для вузов. М.: ВЕК, 1999. С. 202.

⁶ Морозова Л.А. Конституционное регулирование в СССР. М. : Юридическая литература, 1985. С. 123.

В рамках следующего направления правовой режим сводится к «системе юридических норм, устанавливающих положение объекта в праве».¹

Более глубокий анализ категории «правовой режим» был дан в трудах С.С. Алексеева, Н.И. Матузова и А.В. Малько.

Для С.С. Алексеева правовой режим – это порядок регулирования, выражающийся в комплексе правовых средств, создающих особую направленность регулирования за счет особого сочетания взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний. При этом он выявил особенности характера правового режима, который, по его мнению, выражает степень жесткости юридического регулирования, наличие известных ограничений и льгот, допустимый уровень активности субъектов, пределы их правовой самостоятельности.²

В представлениях Н.И. Матузова и А.В. Малько правовой режим отражает, прежде всего, функциональную характеристику права. Они определяют правовой режим как особый порядок правового регулирования, который выражается в определенном сочетании юридических средств, создающих требуемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности либо не благоприятности для удовлетворения субъектов права.³

Несмотря на то, что указанные авторы сводят сущность правового режима к порядку регулирования, в определении Н.И. Матузова и А.В. Малько особое внимание уделяется материальному признаку – степени благоприятности или не благоприятности. Они подвергли критике трактовку С.С. Алексеева, по мнению которого правовой режим характеризует, прежде всего, направленность правового регулирования (формальный признак).⁴

Аналогичной точки зрения придерживается О.С. Родионов, понимающий под правовым режимом особый порядок регулирования, установленный законодательством, и представляющий собой специфический комплекс правовых

¹ Сенчицев В.И. Объект гражданского правоотношения. Общее понятие // Актуальные проблемы гражданского права / под ред. М.И. Брагинского. М.: Статут, 1998. С. 109, 110, 140.

² Алексеев С.С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 2 : Специальные вопросы правоуказания. М.: Статут, 2010. С. 381-383.

³ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. 3-е изд. М.: Дело АНХ, 2009. С. 521-523.

⁴ Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоуказание. 1996. № 1. С. 17.

средств, создающих конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности в целях беспрепятственной реализации субъектами права своих интересов, при помощи оптимального сочетания стимулирующих и ограничивающих элементов.¹

В определении О.С. Родионова отмечаются характерные черты режима, в частности цель, ради которой он вводится (беспрепятственная реализация), а также затрагивается структура (оптимальное сочетание стимулирующих и ограничивающих элементов).

Подводя итог вышесказанному, резюмируем: правовой режим – это особый порядок правового регулирования, совокупность приемов и методов, используемых государственной властью в процессе регулирования правоотношений. Подчеркнем, что особенность термина заключается в том, что он применяется для характеристики объектов правоотношений. При этом различается юридическая сторона, определяющая правовые формы установленного режима, и содержательная – фиксирующая основания его установления.

Термин «правовой режим» в отношении земли впервые был использован в учебнике земельного права, изданном в 1940 г. для характеристики городских земель и земель государственного лесного фонда, то есть земель специального назначения. С 70-х гг. XX в. термин закрепился в правовой науке и стал использоваться для характеристики различных категорий земель в качестве универсального значения.²

В теории права вопрос о режиме земель впервые затронул И.И. Евтихийев, который отводил земле как объекту права особую роль. При этом он указывал, что для отдельных разрядов земель существуют разные земельные режимы, не совпадающие по объему.³

¹Родионов О.С. Механизм установления правовых режимов российским законодательством. С. 38.

²См.: Минаева А.А. Понятие правовой режим земель и его значение в земельном праве / А.А. Минаева // Правовые вопросы недвижимости. 2005. N 1.

³Евтихийев И.И. Земельное право. 2-е изд. / И.И. Евтихийев / М.: Новая деревня, 1929. С. 102.

Профессор И.И. Евтихийев, определив земельный режим как совокупность прав и обязанностей органов земельного управления, фактически свел это понятие к полномочиям органов управления землями.

Аналогичной позиции придерживался и А.В. Венедиктов, рассматривая вопрос о различиях правового режима отдельных видов имущества, в том числе и земли. Он считал, что только объем прав и обязанностей отдельных государственных органов отражается на правовом режиме соответствующего вида государственного имущества, которым они ведают.¹

Выдающийся ученый, специалист в области аграрного права Г.А. Аксененок указывал на связь между землей и правовым режимом, отмечая тот факт, что земля становится объектом права, объектом земельного правоотношения тогда, когда в ее отношении устанавливается определенный правовой режим. Для него правовой режим любой категории земель включает понятие этих земель как объекта данного земельного отношения, круг землепользователей этих земель, их права и обязанности, порядок государственного управления этими землями, а также формы и меры ответственности, определенные законом для пользователей.²

В советской науке правовой режим включал не только характеристику земли как объекта права, но и правовые отношения, возникающие по поводу земли. Данный термин использовался в отношении, как отдельных категорий земель, так и земельного фонда в целом.³

При этом следует отметить, что в этот период в земельном праве акцент был сделан на государственном земельном фонде, основу которого составляли институты государственной собственности, государственного управления, права землепользования и правовой охраны земли.⁴

Исследователь в области земельного права О.И. Крассов к основным элементам правового режима относит – право собственности на землю, права лиц

¹ Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. С. 352.

² Аксененок Г.А. Земельные правоотношения в СССР / Г.А. Аксененок / М.: Госюриздат, 1958. С. 13.; Аксененок Г.А. Правовой режим земель сельскохозяйственного назначения // Сельское хозяйство и право в СССР и Италии. М.: Институт государства и права АН СССР, 1977. С. 55.

³ Общая теория советского земельного права. М.: Наука, 1983. С. 21, С. 346.

⁴ Советское земельное право. Учебник / под ред. Н.И. Краснова. М.: Юридическая литература, 1981. С. 164.

– не собственников земельных участков, управление в сфере использования и охраны земель, правовую охрану земель. При этом он утверждает, что земельные правоотношения не возникают непосредственно по поводу земли, являющейся объектом и ресурсом природы. Они появляются тогда, когда в праве закрепляется определенный порядок использования и охраны земель, устанавливается их правовой режим. По его мнению «правовой режим земель представляет собой определение в законодательстве содержания права собственности, иных прав на земельные участки, управления использованием и охраной земель, мер по охране земель, выражающееся в правах и обязанностях лиц, использующих земельные участки, посредством установления основного целевого назначения земель, зонирования, ограничения прав».¹

А.С. Трифонов понимал под правовым режимом земель «совокупность всех действующих правовых предписаний, определяющих разрешенное использование, правила и условия включения в гражданский оборот земельных участков, их охраны, учета и мониторинга, в соответствии с принадлежностью земельных участков к той или иной категории земель и территориальным зонированием».²

Для Б.В. Ерофеева режим земель «установленный законом порядок государственного регулирования и охраны земли, обеспеченный мерами предупреждения и ответственности, установленной за их совершение.»³

Ведущий специалист в области земельного права И.А. Иконицкая определяет правовой режим земель как «установленное нормами права возможное и должное поведение по отношению к земле как к объекту права собственности и иных прав на земельные участки, объекту государственного управления земельными ресурсами и объекту правовой охраны земли как природного ресурса, выполняющего определенные Конституцией РФ важнейшие

¹ Земельное право: учебник / О.И. Крассов. 4-е изд., перераб и допол. М.: Норма: ИНФРА, 2012. С. 108, 317; *Крассов О.И.* Понятие и содержание правового режима земель / О.И. Крассов // Экологическое право. 2003. №1. С. 11.; *Его же* Земельное право: учебник / О.И. Крассов. М.: Юрист, 2000. С. 40.

² *Трифонов А.С.* О правовом режиме земель, входящих в категорию земель промышленности / А.С. Трифонов // Современное право. 2005. № 8.

³ Земельное право России: учебник для вузов / Б.Ф. Ерофеев. М.: Издательство Юрайт, 2012. С. 31.

социально-экономические функции – основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории».¹

Итак, правовой режим отдельных категорий земель является предметом диссертационных исследований многих современных ученых, однако, в их взглядах на указанную проблему также нет единства.

Так, правовой режим определяется как установленный нормами права общий порядок использования и охраны земель², как установленный нормами земельного и аграрного права порядок должного поведения собственников, землевладельцев, арендаторов и землепользователей по отношению к земле как объекту права собственности и иных земельных прав³; как особый порядок регулирования жизнедеятельности в границах городских и сельских поселений, осуществляемый посредством установления субъектам стимулов и ограничений в области разрешенного использования и охраны земель.⁴

Анализ существующих в земельном праве точек зрения относительно категории «правовой режим» позволяет сделать следующий вывод: разработка юридической конструкции «правовой режим» в земельном праве шла в общем русле разработки общетеоретической категории, по аналогии с выделенными ранее подходами. В земельном праве вопросы определения сущности «правового режима» дискутируются, поскольку ученые, исследуя правовой режим, как правило, делают акцент на отдельной категории земель.

Для одних авторов правовой режим земель – это совокупность прав и обязанностей органов земельного управления (И.И. Евтихеев, А.В. Венедиктов), для вторых – это совокупность способов и правовых институтов, определяющих содержание земельных отношений (О.И. Крассов), для третьих – установленный законом порядок государственного регулирования и охраны земли (Б.В. Ерофеев, О.В. Тарасенко), для четвертых – совокупность всех действующих правовых

¹ *Иконицкая И.А.* Земельное право Российской Федерации: учебник / И.А. Иконицкая. М.: Юристъ, 2002. С. 200.

² *Тарасенко О.В.* Правовой режим земель транспорта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / О.В. Тарасенко. М., 2009. С. 6.

³ *Никитина Е.Н.* Правовой режим земель сельскохозяйственного назначения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / Е. Н. Никитина. М., 2001. С. 7.

⁴ *Анисимов А.П.* Теоретические основы правового режима земель поселений в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук :12.00.06 / А.П. Анисимов. Саратов, 2005. С. 20.

предписаний (А.С. Трифонов); для пятых – установленный нормами земельного и аграрного права порядок должного поведения собственников, землевладельцев, арендаторов и землепользователей по отношению к земле (Е.Н. Никитина); для шестых – возможное и должное поведение по отношению к земле, как к объекту права собственности и иных прав на земельные участки, установленное нормами права (И.А. Иконницкая).

Обратим внимание, что данными представлениями не ограничивается весь спектр точек зрения, существующих в науке. Некоторые современные исследователи¹ наряду с категорией «правовой режим» в отношении земли используют такие категории, как «правовое положение» и «правовой статус». Так, Я.О. Торко обосновывает свою позицию тем, что в исключительных случаях, применительно к наиболее ценным объектам правоотношений принято говорить об их особом или привилегированном положении, то есть статусе. Таким образом, по его мнению, категория «статус», может употребляться не только в отношении субъекта, но и объекта.²

Несмотря на то, что в работах современных авторов, чьи исследования находятся в данной области научного поиска, зачастую отождествляются понятия «правой режим», «правовой статус» и «правовое положение», в современном Российском законодательстве термин «статус» в отношении земли и ее использования не употребляется. Как правило, категории «статус» и «положение», в первую очередь, используются в отношении субъекта. На наш взгляд, применительно к земле наиболее подходящим является использование категории «правовой режим», поскольку земля выступает объектом правоотношений.

В теории права неоднозначно трактуется соотношение категорий «правовое регулирование», «механизм правового регулирования» и «правовой режим», что обусловлено сложностью и отсутствием единого подхода к определению каждой категории в отдельности. В целом следует отметить, что эти правовые категории

¹ См.: Чебаев В.Н. О статусе объекта права в конституционном праве / В.Н. Чебаев // Государство и право. 2008. № 5. С. 90-94.

² Торко Я.О. Конституционно-правовой статус земли в России: «основа жизни и деятельности» или «достояние»? / Я.О. Торко // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 8. С. 31.

тесно взаимосвязаны. Правовое регулирование – это целенаправленное воздействие на общественные отношения с помощью правовых средств. В свою очередь механизм правового регулирования – это система юридических средств, при помощи которых осуществляется правовое регулирование.¹ С этой позиции правовой режим представляет собой процесс воздействия на общественные отношения, но, по справедливому замечанию Р.Т. Нуруллиной, это лишь динамическая составляющая режима, к статическому элементу относится положение объекта в праве, его правовое состояние.²

Правовой режим, являясь одним из инструментов правового регулирования, представляет собой совокупность приемов и методов, используемых государственной властью в процессе регулирования правоотношений. При этом, как справедливо отмечали Н.И. Матузов и А.В. Малько, правовой режим реализуется через механизм правового регулирования.³ С другой стороны, правовой режим выступает результатом правового регулирования, так как устанавливается в результате целенаправленного воздействия на те, или иные общественные отношения, и раскрывает характер регулирования этих отношений.

Анализ тенденций развития правового режима, как юридической категории, а также современного состояния проблемы как в теории права, так и в земельном праве, позволяет утверждать, что в некоторых случаях применительно к земельным правоотношениям требуется детальная разработка определения для того, чтобы более полно раскрыть сущность данной категории.

Основным критерием разграничения земель на категории является целевое назначение земель. Правовой режим соответствующей категории земель устанавливается в зависимости от определения целей, для которых эти земли могут быть использованы. Однако в земельном праве понятие «правовой режим» применяется не ко всем категориям земель, в частности, отсутствует понятие правовой режим церковных земель.

¹ См.: *Алексеев С.С.* Теория государства и права / учебник под ред. проф. С.С. Алексеева. М.: Норма, 2004. 283 с.

² *Нуруллина Р.Т.* К вопросу о понятии гражданско-правового режима антиквариата как объекта гражданских прав / Р.Т. Нуруллина // *Евразийский юридический журнал*. М. 2013. № 12 (67). С. 126.

³ *Матузов Н.И., Малько А.В.* Правовые режимы: вопросы теории и практики // *Правоведение*. 1996. № 1. С.16-29.

На наш взгляд, применение данной категории по отношению к церковно-монастырским землям XV–XVII вв. возможно, поскольку их целевое назначение было определено в канонах. Так, в соответствии с 25-м Правилom Антиохийского собора и 73 Апостольским правилом основная цель использования церковного имущества заключается в поддержании деятельности церкви и благотворительности, на пользу нуждающимся.

Следует отметить, что церковно-монастырская собственность в указанный период представляла собой особую форму собственности. И в настоящее время, по мнению некоторых ученых, собственность Русской православной церкви не является ни частной, ни коллективной (корпоративной) формой собственности, а относится к иным формам собственности, имеющим особый характер присвоения имущества (его обобществления), особенности субъектного и объектного состава, а также содержания правоотношений собственности.¹

В изучаемый период церковь являлась крупным феодалом наряду с князьями, боярами, а церковная собственность оказалась одним из видов феодальной собственности.

Таким образом, целевое назначение церковных земель и особый характер церковно-монастырской собственности в XV–XVII вв., позволяют выделить эти земли в особую категорию и говорить об установлении особого правового режима.

В данной части работы необходимо рассмотреть основные признаки и элементы правового режима и сформулировать определение «правовой режим церковно-монастырских земель».

Вопрос относительно элементов правового режима в науке дискутируется. Некоторые исследователи к основным элементам правового режима относят «права собственности на землю, права лиц – не собственников земельных участков, управление в сфере использования и охраны земель, правовую охрану земель»²; «объект, субъектный состав правоотношений, способы взаимосвязей

¹ Хлыстов М.В. Право собственности Русской Православной церкви и ее религиозных организаций : автореф. дис.... канд. юр. наук: 12.00.03. М., 2011. С. 9.

² Краснов О.И. Земельное право : учебник. М. : Юрист, 2000. С. 40.

конкретных видов субъектов с объектами и механизм правового регулирования»¹; «объект и его границы, порядок государственного регулирования использования земель, круг субъектов, обязанных соблюдать установленные правила земельного режима, содержание их прав и обязанностей, эффективный правовой механизм».²

В науке земельного права в качестве основных элементов правового режима земель также выделяются: формы собственности и иные права на соответствующие земли; особенности оборота земель; порядок изменения правового режима земель или земельных участков (перевод в другие категории, изменение разрешенного использования земельных участков); права и обязанности собственников, землепользователей и арендаторов по использованию и охране земель, основания и порядок реализации юридической ответственности в области использования и охраны земель.

В свою очередь Е.С. Болтанова ставит под сомнение необходимость выделять права и обязанности в качестве самостоятельных элементов правового режима: «Права и обязанности лиц, использующих земельные участки, порядок предоставления земельных участков, основания и порядок прекращения прав на земельные участки, могут быть рассмотрены только в системе соответствующих прав на земельные участки (вещных или обязательственных)». К основным элементам правового режима земель она относит: право собственности и иные права на землю, управление в сфере использования и охраны земель, правовую охрану земель и юридическую ответственность за земельные правонарушения.³

По мнению Г.С. Беляевой, точку зрения которой мы разделяем, к элементам (признакам), раскрывающим сущность правового режима, следует относить обязательное нормативно-правовое закрепление; специфическую цель; особый порядок регулирования; создание благоприятных (неблагоприятных) условий для

¹ Нуруллина Р.Т. Гражданско-правовой режим антиквариата: дис... канд. юр. наук : 12.00.03. Казань, 2014. С. 80.

² Ерофеев Б.В. Земельное право России: учеб. для высших юридических учебных заведений. М. : Профобразование, 2002. С. 416-420.

³ Болтанова Е.С. Элементы правового режима земель // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 2. С. 58.

удовлетворения интересов субъектов права; системный характер; комплексный характер; особую структуру.¹

Таким образом, одним из основных элементов правового режима является его нормативно-правовое закрепление. Он устанавливается законодательством и обеспечивается государством. Что касается нашего исследования, то правовой режим церковных земель в XV–XVII вв. устанавливался каноническими нормами, нормативно-правовыми актами, частноправовыми актами (различными видами грамот), регламентирующими определенный порядок приобретения земель (пожалования, покупка, мена, дарения, вклады при пострижении, вклады на помин души), права церкви и монастырей на недвижимое имущество (вотчинное право, право залога, аренды), а также определенные привилегии, переданные вместе с землей (монастырский иммунитет).

Следующий элемент – особый порядок регулирования, который характеризуется определенным сочетанием юридических средств, основанных на дозволениях и запретах, стимулах и ограничениях, обязываниях и рекомендациях. Характер правового режима, в основе которого лежит определенный порядок правового регулирования, проявляющийся в тех или иных способах воздействия на поведение людей (дозволение, запрет, разрешение), зависит от особенностей соотношения методов правового регулирования. С этим признаком тесно связан комплексный характер правового режима, поскольку лишь комплексное осуществление определенного сочетания юридических средств будет являться режимом.

Еще одним признаком, который Г.С. Беляева, относит к одному из доминантных, является создание оптимальных и благоприятных условий для субъекта права.²

Аналогичной точки зрения придерживаются Н.И. Матузов, А.В. Малько, О.С. Родионов, которые также к одному из главных признаков правовых режимов

¹ Беляева Г.С. Правовой режим: общетеоретическое исследование: дис. ... д-ра юр. наук : 12.00.01. Курск, 2013. С.13.

² Беляева Г.С. Правовой режим: к определению понятия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3. Ч. 2. С. 34.

относят степень благоприятности или не благоприятности и в зависимости от последствий делят правовые режимы на благоприятные и неблагоприятные.

В основе правового режима церковно-монастырских земель XV–XVII вв. лежит определенный способ правового регулирования, сочетающий в себе дозволения, запрет и разрешения. Считаем необходимым сделать акцент на том, что соотношение дозволений и запретов на разных исторических этапах не было равноположенным.

На наш взгляд, правовой режим церковно-монастырских земель с XV в. до 1550 г. можно охарактеризовать как определенный способ правового регулирования, в котором преобладали дозволения. Церковь имела право владеть недвижимым имуществом, которое было признано неприкосновенным, в том числе со стороны государства. Несмотря на то, что было запрещено отчуждение священных и освященных вещей, в отношении которых, был установлен особый правовой режим, исключаяющий их из гражданского оборота, в соответствии с каноническим правом допускалось отчуждение недвижимого имущества церкви и монастырей.

В период с 1550 г. до начала XVII в. изменился правовой режим, поскольку нормативно-правовыми актами были установлены ограничения, касавшиеся приобретения недвижимого имущества, в частности вкладов на помин души, продажи и залога имущества. Не допускалось совершать эти сделки без разрешения государя.

Начиная с 1649 г. вводятся запреты на личное имущество монахов, ограничиваются судебные полномочия, устанавливается контроль над земельными владениями церкви.

Таким образом, в отношении церковно-монастырских земель в XV–первой половине XVI в. был установлен правовой режим, основанный на преимуществах и имеющий благоприятные последствия. Так, неотъемлемым свойством церковно-монастырской вотчины был монастырский иммунитет. Получая иммунитет, владелец земли не только получал льготы и освобождался от уплаты

определенных налогов, но также наделялся властными полномочиями в своих землях.

Однако уже с середины XVI в. можно говорить об установлении правового режима, основанного на ограничениях, поскольку с этого времени царская власть начинает вводить ограничения и запреты, имеющие неблагоприятные последствия: круг правомочий, которыми обладали субъекты церковно-монастырского землевладения, сужался.

Наряду с элементами, присущими общетеоретическим правовым режимам, нами в качестве элементов, характеризующих правовой режим церковно-монастырских земель, были выделены: объект, поскольку в исследовании акцент делается на недвижимом имуществе, то под объектом нами понимаются земли церкви и монастырей; круг субъектов: коллективные (патриарший дом, митрополичьи кафедры, архиерейские дома, монастыри, приходские церкви), индивидуальные (патриарх, митрополиты, архимандриты, монахи, игумены, священники и старцы), обязанных соблюдать правила установленного правового режима в отношении церковно-монастырских земель; определенный объем прав и обязанностей церкви и монастырей по владению, пользованию и распоряжению землей, с учетом того, что в исследуемый период разнообразие прав в отношении одного объекта лишь условно можно свести к этим правомочиям.

На основании выявленных признаков и элементов правовой режим церковно-монастырских земель в XV–XVII вв. следует понимать как установленный каноническими нормами, нормативно-правовыми и частноправовыми актами особый порядок предоставления, оборота, использования и охраны церковных и монастырских земель, обязательный для всех субъектов земельных правоотношений.

На основании норм, закрепленных в каноническом праве, нормативно-правовых и частноправовых актах, можно следующим образом охарактеризовать церковно-монастырские земли и их правовой режим:

1) Русская православная церковь XV–XVII вв., как корпоративный субъект, не являлась верховным собственником всех церковно-монастырских земель, так как они принадлежали отдельным церквям, приходам и монастырям.

2) Границы церковных и монастырских земель определялись в соответствии с границами церквей, епархий и монастырей, в жалованных и разъездных грамотах, писцовых и переписных книгах.

3) Целевое назначение церковных земель было регламентировано каноническими нормами. Эти земли служили интересам церкви, и не могли быть использованы ни на какие иные цели. В их отношении действовал принцип неотчуждаемости. При этом в случае необходимости, в частности, в случае оказания помощи бедным, допускалось отчуждение недвижимого имущества (35-е и 42-е Правила Карфагенского собора).

Несмотря на то, что теоретические конструкции современного права невозможно в полной мере применить при изучении процессов, происходивших в XV–XVII вв., анализ нормативно-правовых актов, канонических норм, частноправовых актов, регулирующих вопросы имущественной правоспособности церкви, позволил резюмировать, что в отношении земель Русской православной церкви в XV–XVII вв. был установлен особый правовой режим.

На наш взгляд, правовому режиму церковно-монастырских земель XV–XVII вв. были свойственны следующие черты: 1) был установлен каноническими нормами, законодательными актами государства и частноправовыми актами; 2) имел особый порядок оборота этой категории земель, обусловленный принципом неприкосновенности и целевым назначением, которые регламентировались в канонах и признавались со стороны государства; 4) отличался особым порядком предоставления земель (вклады на помин души, вклады при пострижении); 5) характеризовался особым субъектом церковного и монастырского землевладения, которому была свойственна слабая консолидация, поскольку

собственность церкви была рассредоточена между отдельными приходскими церквями, монастырями и архиерейскими домами.

§ 3. Монастырский иммунитет как основа правового регулирования имущественных отношений государства и церкви

Понятие иммунитета и связанных с ним правовых реалий появилось еще во времена Римской империи – от лат. *immunitas* (свобода от *munitas* – повинностей).

В настоящее время существуют различные дефиниции рассматриваемого понятия. Так, иммунитет определяется – как привилегии крупных земельных собственников, заключающиеся в обладании правами политической власти над населением вотчины.¹ Иммунитет оформлялся королевскими или княжескими пожалованиями, которые передавали права на производство суда (как правило, в объеме низшей юрисдикции), взимание налогов, отправление полицейских и военно-административных функций в пределах их владений.

Словарь исторических понятий трактует иммунитет в феодальном праве как привилегию феодала осуществлять в своих владениях некоторые государственные функции (например, суд, сбор налогов, полицейский надзор) без вмешательства центральной власти.²

Существует определение феодального иммунитета, которое связано с политической автономией владения. Иммунитет – это совокупность налоговых, судебных и административных прав феодала, обеспечивающих в той или иной степени политическую автономию его владения.

В первых двух определениях иммунитет рассматривается как привилегии, при этом в первом указывается, что это привилегии, жалуемые королем или князем крупным земельным собственникам, то есть пожалование иммунитета находится в прямой зависимости от размеров земельного владения, а во втором – что это привилегии феодала в своем владении.

¹ Большая энциклопедия : в 62 т. / гл. ред. С.А. Кондратов. Т. 6. М. : Терра, 2006. С. 448.

² Словарь исторических терминов. URL: <http://historysibuti.narod.ru/slovar.htm>. (дата обращения 12.03.2012).

В последнем определении авторы сделали акцент не на освобождении от повинностей, а на политической автономии, которая представляет собой совокупность прав (налоговых, административных и судебных).

Несмотря на то, что иммунитет получал самостоятельность от верховной власти, на наш взгляд, феодальный иммунитет не предоставлял возможности политической автономии ни светскому, ни церковному владению, поскольку для феодального общества свойственна система вассалитета, в рамках которой существует зависимость вассала от сюзерена.

Нам представляется бесспорным вывод К.В. Хвостовой относительно того, что иммунитет, с одной стороны, отражает взаимоотношения феодалов и крестьян, но, с другой стороны, иммунитет отражает и взаимоотношения между феодалом-иммунистом и государством. Государство отказывается в пользу феодала от части своих прерогатив, феодал становится носителем функций публичной власти, что создает характерную для средневековья иерархическую структуру общества.¹

Иммунитет, являясь институтом феодального строя, привлекал внимание многих исследователей, изучавших проблемы феодального землевладения.

Дореволюционные историки и историки права занимались изучением проблемы древнерусского иммунитета. Так, К.А. Неволин, говоря о рассматриваемом понятии, землевладельца, получившего привилегии, сравнивает «с князем». Он на основе материала жалованных грамот приходит к заключению, что землевладелец получал наряду с землей по данному документу и другие права, в частности власть в своем владении. При этом К.А. Неволин отмечал, что такой порядок существовал «сам собой и по общему правилу».²

Русский историк права В.И. Сергеевич также относил к далекой древности возникновение иммунитета, как системы преимуществ и льгот, но в отличие от

¹ Хвостова К.В. Некоторые вопросы истории иммунитетных грамот Македонских монастырей в XIV в. // Византийский временник. 1961. Т. XIX. С. 39.

² Неволин К.А. История российских гражданских законов. Часть вторая : Книга вторая об имуществах. Раздел первый об имуществах вообще и раздел второй о правах на вещи. М. : Статут, 2006. С. 136-137.

К.А. Неволина, который находил истоки иммунитета в обычае, он связывал его с волей государя.¹

Наиболее подробно изучением иммунитета занимался Н.П. Павлов-Сильванский, который вслед за К.А. Неволиним утверждал, что источником иммунитетных прав было обычное право, а власть только оформляла и закрепляла их.

Временем появления иммунитета он считал XII в., ссылаясь на жалованную грамоту 1128—1132 гг. князя Мстислава Владимировича новгородскому Юрьеву монастырю, по которой село дается «с данию, с вирами и с продажами». Н.П. Павлов-Сильванский акцентировал внимание на том, что право суда и дани не всегда являлись предметом особого пожалования, так как составляло постоянную принадлежность крупного землевладения.²

Другая точка зрения относительно феодального иммунитета появилась в советское время. Некоторые ученые указывали на связь иммунитета с феодальной рентой. Так, К.В. Хвостова считала, что иммунитет на определенном историческом этапе в том или ином объеме присущ всякой частной феодальной земельной собственности и неизменно сопровождает всякое земельное пожалование, поскольку он представляет совокупность привилегий феодального класса, дающих ему возможность извлекать феодальную ренту. При этом она считала главными судебные и административные привилегии.³

Советский историк государства и права С.В. Юшков пришел к выводу, что феодальный иммунитет был свойственен не каждому крупному землевладению, а лишь тому, которое передавалось князем. Также он отметил, что к сер. XII в. «стирается грань между пожалованием сборов с территории и пожалованием собственно территории».⁴

¹ Сергеевич В.И. Древности русского права : в 3 т. Т.3 : Землевладение. Тягло. Порядок обложения. М. : Зерцало, 2006. С. 471-473.

² Павлов-Сильванский Н.П. Иммунитеты в Удельной Руси // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Ноябрь. Отд. 2. С. 353-354.; *Его же*. Феодализм в России. М. : Наука, 1988. С. 383.

³ Хвостова К.В. Указ. соч. С. 38-39.

⁴ Юшков С.В. Феодальные отношения в Киевской Руси // Ученые записки Саратовского университета. 1925. Т. 3. Вып. 4. С. 87; *Его же*. История государства и права России (IX-XIX вв.). Ростов н/Д. : Феникс, 2003. С. 310.

Академик С.Б. Веселовский выводил иммунитет из княжеских пожалований и отмечал, что он давался не только церкви, монастырям и другим крупным землевладельцам, но и тяглым людям, так как князья преследовали различные цели: религиозные мотивы, освоение пустынных земель и обеспечение службы.¹

Его точку зрения не разделяли А.Е. Пресняков и М.Н. Тихомиров, которые считали, что жалованные грамоты лишь закрепляли и юридически оформляли существующий порядок вещей. Так, жалованная князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Юрьеву монастырю с. Буец «с данию, вирами, продажами и венном» была определена А.Е. Пресняковым как «земельное пожалование, соединенное с передачей определенных прав на княжеские доходы».²

Изучая проблему иммунитета, некоторые исследователи считают необходимым разделять «феодальный иммунитет», непосредственно связанный с землей, а также дофеодальные институты, возникшие на Руси – судебный и финансовый иммунитет. Так, иммунитетный суд предоставлял феодалу или церковному учреждению публично-правовые функции в области судопроизводства, а финансовый иммунитет освобождал от уплаты пошлин и сборов. Таким образом, возникновение иммунитета не связывалось с появлением крупной земельной собственности.³

Российский историк, профессор И.Я. Фроянов, не связывая иммунитет с размерами собственности, указывал на то, что положительный иммунитет (предоставление дани и суда) существовал уже во времена Киевской Руси. Он считал, что церковно-монастырский иммунитет в своем развитии опережал иммунитет светских владельцев и был более распространен. Действительно, изначально духовенство имело незначительное хозяйство, что не всегда позволяло удовлетворять собственные нужды, поэтому власть начинает

¹ Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 114-115.

² См.: Пресняков А.Е. Вотчинный режим и крестьянская крепость (По поводу книги С.Б. Веселовского «К вопросу о происхождении вотчинного режима») // Летопись занятий археографической комиссии. Вып. 34. Л. : Изд-во АН СССР, 1927. С. 180; Тихомиров М.Н. К вопросу о генезисе и характере иммунитета в феодальной Руси // Историк-марксист. 1936. № 3. С. 3.

³ См.: Шапов Я.Н. К истории соотношения светской и церковной юрисдикции на Руси в XII – XIV вв. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII – XIV вв. : сб. ст. / под ред. Б.А. Рыбакова. М. : Наука, 1974. С. 172-187; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. С. 111-116.

предоставлять церковным учреждениям иммунитет, который становился источником материального достатка духовных иерархов.¹

Иной точки зрения придерживалась Л.В. Данилова, по мнению которой, иммунитет возник и развивался в период складывания феодального землевладения, являясь средством внеэкономического принуждения феодально-зависимого крестьянства. Свои умозаключения о передаче судебных и податных прав вотчинника автор сделала на основе анализа грамот. (Данная князя Всеволода Мстиславовича Юрьеву монастырю на Терпужский погост и Ляховичи (1125-1137), по которой владения передаются в полную собственность «с землею и с людьми, и с коньми и борти, и ловища»; данная князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю на села Витославиць и Смерд (1147): «А в тое земли, ни в пожьни, ни в тони не вступатися ни князю, ни епискупу, ни боярину, ни кому»)²

Один из крупных исследователей землевладения и хозяйства Троице-Сергиева монастыря М.С. Черкасова считает, что понятие вотчины-сеньории не может быть раскрыто без иммунитета, который являлся юридическим выражением совокупности административно-судебных, налоговых, таможенных и иных прав собственника. По ее мнению, иммунитет выступает атрибутом крупной феодальной собственности.³

Анализ источников и научной литературы, а также сопоставление взглядов авторов (К.А. Неволина, С.В. Каштанова, С.В. Юшкова, К.В. Хвостовой и Г.А. Острогорского и др.), затрагивающих в своих исследованиях различные аспекты иммунитета, позволили определить предпосылки возникновения и основные черты феодального иммунитета.

Относительно источников возникновения феодального иммунитета можно выделить несколько точек зрения: одна группа ученых выводит иммунитет из обычного права (Н.П. Павлов-Сильванский, К.А. Неволин); другая – из

¹ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 117.

² Данилова Л.В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV – XV вв. М. : АН СССР, 1955. С. 54-55.

³ Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI – XVII века (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М. : Древлехранилище, 2004. С. 238.

пожалования князей (В.И. Сергеевич, С.Б. Веселовский, С.В. Юшков). На наш взгляд, более убедительным и обоснованным является мнение авторов, связывающих возникновение иммунитета с пожалованиями князей, так как предоставление привилегий, каких-либо полномочий или освобождение от податей и повинностей, осуществлялось в рамках определенного владения.

Говоря об основных чертах, следует отметить, что иммунитет, являясь юридической категорией, имеет тесную связь с такой экономической категорией, как феодальная рента. Иммунист, получая феодальную ренту в своем владении, наделялся экономическим властвованием. Также иммунист в своем владении выполнял функции публичной власти. Государственная власть переносит часть своих прерогатив и прав путем пожалований на землевладельца-иммуниста, который в своих владениях по отношению к подвластному населению начинает выполнять функции, присущие государству.¹

Вышеизложенный материал позволил диссертанту выделить следующие черты, которые были присуще феодальному иммунитету:

- 1) феодальное властвование, выразившееся в распространении власти иммуниста на территорию его владения;
- 2) экономическое властвование, заключавшееся в получении феодальной ренты, а также в эксплуатации подвластного населения, то есть получение дани;
- 3) административно-публичное властвование (право суда, судебные пошлины и финансовые привилегии).

Анализируя феодальный иммунитет, стоит обратить внимание на тот факт, что он появился в качестве законченного института не сразу. Изначально он предоставлялся князем в форме личного иммунитета дружинникам, княжеским мужам, а также церковным учреждениям. Впоследствии личный иммунитет перерастал в права крупных землевладельцев по отношению к зависимому населению вотчины и распространялся на феодальное владение.

Изучая понятие феодального иммунитета, следует отметить, что он мог иметь всеобщее значение, а мог касаться только конкретных привилегий или

¹ *Острогорский Г.А.* К истории иммунитета в Византии // Византийский временник. 1958. Т. XIII. С. 55.

определенных сторон вотчинных прав. Что касается иммунитета церковных владений, то он был более широким, по сравнению с другими категориями земельных владений.

Источником для изучения церковно-монастырского иммунитета являются жалованные, подтвердительные, указные грамоты великих и удельных князей и царей; а также грамоты, предоставляющие привилегии (несудимые, льготные проезжие, тарханские и др.).

В жалованных грамотах определялись границы земельного участка, и закреплялся правовой режим земель, полученных монастырем или церковью, предоставлялись привилегии, связанные с освобождением от дани и пошлин, от суда и управления наместников и тиунов, регламентировался вопрос о смешанном суде. Также перечислялись предоставляемые административно-финансовые привилегии или льготы по отбыванию повинностей, которые распространялись на население, проживающее на этой территории: «...и которые люди ...жити на тех землях монастырских, и тем людям ненадобе моя дань, ни ям, ни поводы, ни мыт, ни тамга, ни писчая белка, ни явка, ни иная которая пошлина...»¹

В подтвердительных грамотах, как правило, утверждалось право на уже имевшиеся земли, льготы и привилегии.

По указным грамотам предоставлялись финансовые льготы, в соответствии с которыми монастыри освобождались от податей, либо подтверждались ранее выданные льготы в случае их нарушения со стороны городских приказчиков, целовальников и губных старост.

Существовали жалованные грамоты митрополитов (патриарха), которые аналогичные права предоставляли игуменам (архимандритам) монастырей. Жалованная грамота, тарханно-несудимая и с другими привилегиями, митрополита Зосимы игумену Антонию Сновидского монастыря предоставляла следующие льготы: «И не надобне ...мое сборное, ни петровское, ни рождественное, ни к старосте поповскому с тяглыми попы тянути, ни иная некоторая пошлина ...

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. СПб.: Тип. II-го отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1841–1842. Т. 1. № 15. С. 39.

А ведает и судит сновидский игумен Антоней того своего игумена, что служит у Пречистые на Любце, и старцев того монастыря, и того своего попа никольского, и всех своих крестьян монастырских сам, или кому прикажет».¹

Наряду с жалованными грамотами существовали и жалованные несудимые грамоты, выдававшиеся, как правило, духовенству, которое освобождалось от подсудности определенным судьям и получало определенные судебные привилегии: «... А наместницы мои углецкие и волостели устюженские и кистемские и их тиуны тех их людей не судят ни в чем, опричь душегубства и разбоя с поличным...»; «...наместники наши новгородские и их тиуны игумена и его братью не судят ни в чем, опричь душегубства и разбоя с поличным.»²

Анализ жалованных грамот позволил исследователям выделить отдельные группы привилегий, предоставляемых иммунитету, и классифицировать их.

Так, в классификации А.Н. Горбунова выделены следующие группы монастырского иммунитета – таможенные и административные пошлины.³

По мнению К. Высоцкого, освобождение церковных установлений от разных повинностей было исключительной привилегией, а не общим правилом. При этом он выделял судебные и экономические льготы.⁴

Считая основным источником иммунитета феодальную собственность на землю, С.М. Каштанов в основу своей классификации положил объем и вид привилегий. Все иммунитетные грамоты им были разделены на грамоты «чистого типа» (несудимые, льготные, проезжие) и комбинированные (данные и несудимые; несудимо-заповедные, обельно-несудимые, тарханно-несудимые и заповедные, тарханно-несудимые; тарханно-оброчные; несудимые и заповедные).

¹ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XVI веков : в 3 ч. / отв. ред. С.В. Бахрушин, Л. В. Черепнин. М. : Изд-во АН СССР, 1951–1961. Ч. 1. № 190. С. 171.; Ч.3. № 44. С. 77.

² Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря (1506 – 1613 гг.). Л. : Наука, 1983. № 1. С. 7.; Акты Новгородского Вяжицкого монастыря конца XV – начала XVII в. / подгот. публ. И.Ю. Анкудинов. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2013. № 6. С. 15.

³ Горбунов А.Н. Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквам в XIII, XIV и XV вв. // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб. : Тип. II-го отд-ния Е.И.В. канцелярии, 1860. Кн. 2. С. 64-69.

⁴ Высоцкий К. Церковно-имущественное право по русскому законодательству // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. Янв. Кн.1. С. 105.

При этом автор отмечал, что тарханские грамоты освобождали не от всяких налогов вообще, а от главных казенных податей и повинностей.¹

Изучая монастырский иммунитет, М.С. Черкасова выделала административно-судебные, финансовые и таможенные льготы.²

Таким образом, мы видим, что привилегии церковных учреждений были очень разнообразны: финансовые (освобождение от сборов и пошлин); таможенные (предоставление льготных условий для провоза товара и торговли); административно-судебные полномочия, в том числе право церкви освобождать своих приверженцев, служащих и подвластных, от финансовых и натуральных повинностей в пользу государства, получение доходов от отправления суда и др.

При этом привилегии предоставлялись не всему духовному сословию сразу, а отдельным лицам и отдельным монастырям. В связи с этим привилегии были распределены неодинаково. Например, такие монастыри, как Троице-Сергиева лавра или Кирилло-Белозерский монастырь, имели больше привилегий, чем остальные.

Сопоставление текстов грамот XV–XVII вв. и XIV в. позволяет проследить эволюцию иммунитетной политики, направленной на ограничение привилегий церкви, и аналогичной политике, проводимой в отношении церковного землевладения в указанный период.

Объем иммунитетных прав, предоставляемых землевладельцам, зависел от конкретной исторической обстановки. В жалованных грамотах XIV в. освобождение от дани и пошлин формулировалось следующим образом: «ненадобне им потянути к городу ни в которую дань»; «ненадобне им никакой дани... ни к городу, ни к волостям...»; «нанадобне дань в прок, никаторые пошлины... не имать торговых пошлин...»³. Формуляр грамот, начиная со второй половины XVI в. значительно изменился, что выразилось в сужении списка предоставляемых льгот по отбыванию повинностей и уплате платежей: «...и тем людем не надобне моя царева и великого князя дань, ни мыт, ни тамга, ни коня

¹ Каиштанов С.М. Жалованные и указные грамоты как источник по истории феодального иммунитета на Руси в первой половине XVI в.: автореф. дис.... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 1958. С. 4-6.

² Черкасова М.С. Указ. соч. С. 238-257.

³ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. № 4, № 5, № 7. С. 19-20.

моего не кормят, ни сен не косят...ни в какие протори, ни в размеры, ни иные некоторые пошлины не надобе, опричь ямских денег, и посошные службы, и городовые дела.»; «А наши князи и бояре и воеводы ратные и всякие ездоки въ их монастырских селех и в деревнях сильно не ставятца, ни кормов ни подвод ни проводников у них не емлют, опричь ратного дела».¹

Аналогичная тенденция наблюдается и в предоставлении административно-судебного иммунитета. Так, для грамот XIV в. была характерна следующая формулировка: «... а судит их монастырский тиун один, а нашим судьям ненадобне ничто...»; «... а в разбое и татьбе их бояре мои не судят...»², однако, начиная со второй половины XVI в., происходит ограничение судебного иммунитета, из ведения церковных судов были изъяты дела о душегубстве, татьбе и разбое: « ... и не судят их не о чем, опричь душегубства и татьбы с поличным...»; «.. их людей не судят ни в чем, опричь душегубства и разбоя с поличным...».³

Ограничения коснулись и таможенных привилегий. Пошлины стали взиматься с товаров, приобретаемых на продажу, льготы же сохранялись при покупке товара для монастыря или «на монастырский обиход».⁴

Таким образом, мы видим, что со второй половины XVI в. с церкви начинают взиматься основные налоги, от которых она ранее была освобождена (ямские и стрелецкие деньги, исполнение городского и засечного дела, предоставление стрелецких и казачьих кормов и т.п.).⁵

Колоссальная работа по исследованию иммунитетных грамот и составлению их хронологического перечня была проведена в 1958–1968 гг. С.М. Каштановым, В.Д. Назаровым и Б.Н. Флорей. Грамоты, входящие во вторую часть Археографического ежегодника, отражают положение феодального иммунитета во второй половине XVI в. : 1549–1560 гг. – проведение политики сокращения

¹ Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря. № 161. С. 207.; Акты Новгородского Вяжицкого монастыря конца XV – начала XVII в. № 93. С. 114.

² Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. № 4, № 5, № 7. С. 19-20.

³ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XVI веков. Ч. 3. № 14 С. 32–34; Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря. № 112. С. 124-125.

⁴ Акты Новгородского Вяжицкого монастыря конца XV – начала XVII в. № 94. С. 118.

⁵ Черкасова М.С. Указ соч. С. 245.

иммунитетных привилегий; 1561–1579 гг. – новые расширения монастырского иммунитета; 1580–1583 гг. – переходный период от собора 1580 г., ограничившего рост монастырского землевладения, к собору 1584 г., отменившего тарханы.¹

Изменения финансовой политики Московского государства в 1560–1570 гг. были обусловлены хозяйственным кризисом. Монастырям вновь стали выдаваться льготные грамоты и предоставляться привилегии (некоторые монастырские дворы на посаде освобождались от уплаты налогов; запустевшие земли вотчины монастыря освобождались от уплаты налогов на определенный срок; предоставлялось право самостоятельно платить дань и подати, тем самым исключался въезд на территорию вотчины кормовых сборщиков, ямских стройщиков).²

Несмотря на ограничения таможенных привилегий, во второй половине XVI в., по-прежнему, подтверждались иммунитетные пожалования монастырям и предоставлялись новые льготы отдельным монастырским промыслам (соляные варницы, рыбные ловли).³

Таким образом, несмотря на отмену тарханов в 1584 г., грамоты церквям и монастырям продолжали выдаваться. Только за 1584–1585 гг. по сведениям Д.А. Тебекина, льготы на свои владения получили митрополит Дионисий, Соловецкий, Антониево-Сийский, Покровский Угличский, Спасо-Варлаамов Хутынский и другие монастыри. В годы царствования Бориса Годунова духовенству выдавались новые и подтверждались старые жалованные грамоты. 148 жалованных и указных грамот было выдано Борисом Годуновым и 168 подтверждений старых грамот.⁴

¹ Археографический ежегодник за 1960 год / под ред. Академика М.Н. Тихомирова. М. : Издательство АН СССР, 1962. С. 129.

² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. : в 3 т. Т. II : Акты монастырей Кириллова, Ферапонтова, Московского Симонова, Суздальского Спасо-Евфимиева. М. : Изд-во АН СССР, 1958. № 160. С. 206.; № 186. С. 234.; Жалованная подтвердительная грамота царя Михаила Федоровича игумену Варлааму с братией Спасо-Преображенской Александровой пустыни на Спасскую волость Галичского уезда [URL: http://www.rusarchives.ru/projects/smuta/09-48-zhalovannaja-podtverditelnaja-gramota-spaso-preobrazhenskoj-aleksandrovoj-pustyni.shtml](http://www.rusarchives.ru/projects/smuta/09-48-zhalovannaja-podtverditelnaja-gramota-spaso-preobrazhenskoj-aleksandrovoj-pustyni.shtml) (дата обращения 15.05.2014)

³ Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря. № 223. С. 270.; № 224. С. 271.

⁴ Археографический ежегодник за 1978 год / отв. ред. С.О. Шмидт. М. : Наука, 1979. С. 191-193.

Анализ жалованных грамот позволил выявить следующие черты монастырского иммунитета:

1) феодальное властвование, которое выражалось в воспрещении княжеским властям доступа в частное имение – «...к тем людям наместники мои городские и их тиуны не всылают к ним ни по что...»;¹

2) экономическое властвование – податные привилегии, включающие подати, пошлины и повинности – «...не надобе им моя дань, ни иная некоторая пошлина»; «... и тем людям не надобе моя дань, ни городное дело, ни ям, ни подводы, ни писчая белка, ни явка, ни тамга, ни иная некоторая пошлина...»;²

3) административно-публичное властвование, заключавшееся в получении судебных привилегий – «...а придал есмь ту деревню к его монастырю с судом и з данью и со всеми пошлинами».³

Автор диссертации пришел к выводу, что монастырский иммунитет – это разновидность феодального иммунитета, в котором иммунистом выступал монастырь. Монастырский иммунитет – это освобождение от повинностей, либо предоставление привилегий, связанных с наделением монастыря земельным владением. От объема полномочий и привилегий зависела полнота власти, которую получал иммунист на территории своего владения.

Обратим внимание, что объем и полнота монастырского иммунитета не всегда находились в прямой зависимости от размеров монастырской вотчины. Так, в XII–XIII вв. юрисдикция церковных учреждений по некоторым вопросам (суд по наследственным и уголовным делам, ведомственная принадлежность службы мер и весов и суд по этим делам) была шире, чем в XIV в., на время которого приходится значительный рост и укрепление монастырского землевладения.⁴

Таким образом, монастырский иммунитет, будучи разновидностью феодального иммунитета, представлял собой совокупность привилегий,

¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. II: № 125 С. 76.

² Там же. № 45. С.31.; № 136. С. 81.

³ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XVI веков. Ч. 1. № 283 С. 245.

⁴ *Алексеева Н.И.* К вопросу о понятии «монастырский иммунитет» // I Междунар. заочной науч.-практ. конф. «Современные проблемы социально-гуманитарных и юридических дисциплин: вклад молодых ученых в развитие науки» (15 июня 2012 г.). Краснодар, 2012.С. 173.

получаемых монастырем на осуществление публично-правовых функций внутри вотчины. От широты привилегий, получаемых по жалованным, указным, тарханным и несудимым грамотам, которыми пользовалось монастырское владение, зависело не только его положение, развитие, размеры ренты, но и степень самостоятельности монастыря от верховной власти.

Изменение иммунитетной политики государства в отношении церковно-монастырского землевладения во второй половине XVI–первой половине XVII в. было обусловлено укреплением абсолютизма, хозяйственным кризисом 60-х гг. XVI в. и политическим кризисом начала XVII в., что первоначально проявилось в ослаблении налогового иммунитета, а впоследствии в отмене отдельных привилегий, одной из которых были тарханы. При этом льготные грамоты по-прежнему продолжали выдаваться (особенно в период после Смуты и утверждения на престоле новой династии Романовых), но в большинстве случаев льготы предоставлялись не на всю вотчину монастыря, а на отдельные его владения. В связи с этим в период складывания единого централизованного государства объем прав иммунитетов значительно сократился.

Привлечение церкви к уплате основных государственных налогов, уменьшение судебных полномочий, путем изъятия части дел из ведения церковного суда, отмена тарханов, предоставление льгот на провоз только для товаров, необходимых для собственных нужд монастыря, привели к утрате к середине XVII в. того привилегированного положения, которым церковно-монастырские земли, обладали в предшествующий период.

ГЛАВА 2. ЦЕРКОВНО-МОНАСТЫРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В XV–XVII ВВ.: ЭВОЛЮЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

§ 1. Государственные и церковные органы управления церковно-монастырским имуществом Московской Руси

Изменения во взаимоотношениях церкви и государства происходят в XV–XVII вв., в этот период наблюдается тенденция, связанная с усилением вмешательства светской власти во внутренние церковные дела. Падение Константинополя в 1453 г. и учреждение патриаршества в 1589 г. сделали Русскую православную церковь независимой от Константинопольского Патриархата, но более зависимой от светской власти.

С одной стороны, это проявилось в инициировании государством норм, касающихся светских направлений жизни и находившихся в ведении церкви, таких как брачно-семейные отношения, а также норм, регулирующих имущественную правоспособность церкви. Однако это «не означало отказ от церковных канонов. Каноническое право оставалось неотъемлемой частью системы права России по вопросам церковного управления и церковной жизни».¹

С другой стороны, в установлении к середине XVII в. надзора государственной власти над церковным управлением: царь назначал и смещал патриархов, созывал церковные соборы, направлял их деятельность, изменял их решения, иногда сам издавал церковные законы.²

Управление церковно-монастырским имуществом в этот период имело многоуровневую систему. Так, на уровне государства, как социально-политического института, непосредственные функции по управлению церковно-

¹Дорская А.А. Эволюция места канонического (церковного) права в системе права России // Юриспруденция. 2010. Вып. № 2. Т.18. С. 39.

² Заозерский А.И. Никон // Христианство: энциклопедический словарь: в 3 т. Т.2.: Л – С / гл. ред. С.С. Аверинцев. М. : Большая Российская энциклопедия, 1995. С. 215.

монастырским имуществом в XV–XVII вв. осуществлял государь (великий князь, а с 1547 г. – царь).

Государи начинают избирать митрополитов, а с введением патриаршества – оказывают влияние на избрание патриарха, утверждая его в должности. В ведении царя находилось правовое регулирование по делам церкви, им устанавливались нормы церковного порядка, за исполнением которых царь следил через архиереев и воевод; предоставление монастырям руги; выдача жалованных грамот церквям и монастырям; издание царских указов об исповеди, о хождении в церковь, о посте.

Московские государи оказывали влияние на решение канонических вопросов, внутрицерковных споров, на состав и на постановления Поместных Соборов, являвшихся главным церковным законодательным органом. В делах церковного управления царь действовал совместно с митрополитами, а впоследствии с патриархами, и с собором епископов.

По словам историка церковного права А.С. Павлова, великие князья и цари «сами указывали предметы соборных рассуждений, и при том такие, которые относились не только к сфере внешнего, но и внутреннего права церкви, они же нередко публиковали соборные постановления от своего собственного лица».¹

Таким образом, можно сделать вывод, что царская власть в этот период простиралась на все стороны церковной жизни. Так, Н.С. Суворов в своем труде «Курс церковного права» следующим образом охарактеризовал этот период «нельзя было указать какую-либо область, или какой-либо род дел церковных, которые принципиально изъяты были бы из компетенции царской власти. Церковные обряды, церковная дисциплина, церковно-юридический порядок вообще входили в круг попечений царской власти».²

На уровне органов центрального управления регулирование церковно-монастырского имущества находилось в ведении приказов: Приказа Большого

¹ Павлов А.С. Курс церковного права. Св. Троице-Сергиева Лавра : Собств. тип. 1902. С. 169.

² Суворов Н.С. Курс церковного права. Т. 1. Ярославль, 1889. С. 141-142.

Дворца (с 1547 г.), Большого Прихода (с 1554 г.) и Монастырского приказа (со вт. пол. XVI в. по 1649 г. и с 1677 г.).

Русский чиновник Г.К. Котошихин в своем сочинении «О России в царствование Алексея Михайловича» так описывал Приказ Большого Дворца, который в актах впервые упоминается в 1547 г.: «...а в нем бывает и сидит боярин и дворецкий, да окольниковый, да думной человек, да два или три дьяка, и тот боярин честью бывает другой человек, под конюшим первой; а когда дворецкого не бывает, и тогда ведает окольниковый. А ведомы в том Приказе дворы: Сытенной, Кормовой, Хлебной, Житенной и дворные люди; и указ и досмотр тем дворам чинят во всем они.»¹

Под контролем Приказа Большого Дворца находились различные дворы, что свидетельствует о многочисленности его функций: финансовые (сбор податей, повинностей, хлеба, даточных людей для военной службы со всех церковных вотчин, за исключение вотчин непривилегированных монастырей, в которых эти функции осуществляли воеводы); выдача новых и подтвердительных жалованных грамот монастырям от имени государя; учет церковно-монастырского имущества (опись владений и имуществ церковных учреждений, монастырских расходов). В его ведении находились вопросы выдачи руги монастырям из государевой казны, а также судебные-гражданские функции в делах, подвластных суду государя относительно привилегированных церковных властей и учреждений.²

Приказ Большого прихода являлся центральным финансовым учреждением Московского государства XVI в. В его ведении находился сбор налогов с городов, с лавок, гостиных дворов, в том числе и с монастырей, таких как ямские и приметные деньги, а также деньги за городовое, ямчужное и засечное дело; контроль за правильностью мер и весов на всей территории государства.

На уровне местного самоуправления финансово-податные и финансово-распорядительные функции в отношении монастырей и их имущества

¹ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М. : РОССПЭН, 2000. С. 110.

² Горчаков М.И. Монастырский приказ. (1649–1725 г.): Опыт историческо-юридического исследования. СПб. : Тип. А. Траншеля, 1868. С.41-42.

осуществляли земские избы, а также дьяки и подьячие, которые стояли при воеводах, проводивших политику Приказа Большого Дворца и Монастырского приказа в рамках управляемого уезда.

В XVI в. царская власть начинает сосредоточивать в своих руках верховную юрисдикцию по земельным делам церковных установлений и населения, жившего на их землях. Большая часть административных и судебных дел в XVI–первой половине XVII в. поступала к царю через особое отделение Приказа Большого дворца. В царствовании Михаила Федоровича это отделение встречается в актах под названием Монастырского приказа или Приказа монастырских переносных (апелляционных) дел.¹

Обратим внимание, что Монастырский приказ первоначально был создан как общее судебно-гражданское государственное учреждение для лиц духовных и подвластных им людей по служебным и владельческим отношениям.²

Впоследствии в Монастырский приказ перешли не только все судебные дела церковных властей и установлений, а также финансовые (сбор доходов с церковных вотчин) и административные дела населения, проживающего на церковных землях. В его ведение были переданы все церковные и монастырские земли и связанные с ними землевладельческие отношения. В тоже время контроль за исполнением запрета передачи вотчин в монастыри по завещанию и обмен вотчинами возлагался на Поместный приказ.

Также Монастырский приказ распоряжался назначениями на должности настоятелей, келарей, строителей, казначеев, ведал и некоторыми духовными делами монашествующих.³

Таким образом, создание Монастырского приказа позволило светской власти сосредоточить в своих руках не только судебные функции в отношении монастырских людей и духовенства, но и управление значительной долей монастырских финансов. Это привело к усилению государственного аппарата и ослаблению церковной юрисдикции. Церковь попадает под юрисдикцию ряда

¹ Горчаков М.И. Указ. соч. С. 41.

² Там же. С. 66.

³ Сеницына Н.В. Русское монашество и монастыри. X–XVII вв. // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. С. 324.

ведомств государственной власти (Монастырский, Поместный приказы), что закрепило ее подчинение системе государственных органов.

Управление церковно-монастырским имуществом на уровне церкви, как социального института, также имело уровневую систему, связанную с церковной иерархией. Русская православная церковь в XV–XVII вв. представляла собой в организационном плане сложную систему. Во главе церкви находился митрополит, избрание которого зависело от Константинопольского патриарха вплоть до середины XV в., ознаменовавшегося чередой событий, повлиявших на дальнейшее осмысление Русской православной церковью своей независимости. Избрание рязанского епископа Ионы на митрополичью кафедру в 1448 г., падение Константинополя в 1453 г., прекращение существования Византийской империи и установление власти турок над Константинопольской церковью – все эти события положили начало автокефалии Русской православной церкви.

С этого времени митрополиты стали избираться собором русских епископов первоначально по согласованию со светской властью, а впоследствии по прямому указанию московских великих князей.

Несмотря на то, что Русская церковь становится автокефальной еще с середины XV в., ее самостоятельность не признавалась вплоть до конца XVI в.: митрополит продолжал формально подчиняться Константинопольскому патриарху, и только с введением патриаршества в 1589 г. и учреждением Московской патриархии ее глава – патриарх по своему сану стал равен Константинопольскому патриарху.

Высшим органом управления и суда был патриарх (до 1589 г. – митрополит), имеющий свой собственный двор, в состав которого входила Патриаршая боярская дума и приказы. Патриарший двор окончательно оформился после Смуты и представлял собой сложную конструкцию, имевшую черты государственного учреждения, крупного феодального хозяйства и собственно конфессиональной структуры.¹

¹ Устинова И.А. Книги патриарших приказов первой половины XVII века как исторический источник : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. М., 2007. С. 33.

Управление патриаршей областью при патриархе Филарете выстроилось по аналогии с государственным управлением. В церкви появился Патриарший двор и суд. Административно-финансовым звеном Патриаршего двора была группа приказов, являвшихся частью общегосударственной системы управления, в которых было сосредоточено управление делами Патриаршей области. Количество приказов в разные годы менялось. В ведении Патриаршего Дворцового приказа находилось хозяйство патриарших вотчин. Патриарший Казенный приказ ведал казной и сборами с духовенства. Судебные дела входили в компетенцию Патриаршего Разрядного приказа.

По своему статусу они приравнивались к государственным учреждениям, в каждом приказе сидел патриарший боярин с дьяками и подьячими. Патриаршие дьяки, управлявшие приказами, фактически являлись государственными служащими, ответственными не только перед патриархом, но и царем, который в случае отсутствия патриарха брал управление Патриаршей областью в свои руки. Дворяне, бояре и боярские дети, находящиеся на службе у патриарха и у наиболее влиятельных архиереев, получали земельные пожалования.¹

В ведении Дворцового приказа находилось управление вотчинами, в его состав входили дьяки, подьячие и стряпчие, а возглавлял – дворецкий. В Казенном приказе эти функции выполнял казначей-старец, контролирующий денежные сборы с подведомственных церковных учреждений. Разрядный приказ, во главе которого бы патриарший боярин, отвечал за назначение высшего духовенства и патриарших служилых людей, занимался их испомещением и судом. Поскольку все, за исключением казначея, были лицами светскими, то вопросы назначения их на службу и увольнения были исключительно в ведении государя.²

Главным церковным законодательным органом были Поместные соборы, акты которых являлись источниками церковного права и носили обязательный характер для широкого круга лиц.

¹ Преображенский А.А. О православной церкви в истории России XVII века // Православная церковь в истории России. М., 1991. С. 92-93.

² Устинова И.А. Патриаршие приказы и Патриарший дом (о соотношении административных структур в XVII в.). URL: // <http://www.mkonf.iran.ru/archive.php?id=45> (дата обращения 13.03.2015).

Епархиальные архиереи собирались в Москве для соборных совещаний ежегодно, иногда и чаще. Однако при патриархах Поместные соборы стали созываться реже. Заседание высшего церковного органа («Освященного Собора») первоначально в Боярской Думе, а затем включение его в полном составе в «верхнюю палату» Земского собора свидетельствовало о том, что Русская православная церковь занимала особое место в системе власти. Поскольку церковь в исследуемый период имела определенный вес в государстве в духовном плане (монастыри – всеобщие молитвенники), при этом являлась крупной финансовой силой, то без участия представителей церкви, епархиальных архиереев, не решалось ни одно общегосударственное дело. В связи с этим их присутствие на Земских соборах было обязательным.

Вся территория русского государства делилась на епархии – церковные округа. В Московской митрополии до учреждения патриаршества существовало 11 епархий: Московская – в ведении самого митрополита, три архиепископии – Новгородская, Казанская и Ростовская и 7 епископий – Вологодская или Великопермская, Суздальская, Рязанская, Тверская, Смоленская, Сарская или Подонская и Коломенская.¹

Во главе епархий стояли епископы, обладающие широким кругом полномочий, которые закреплялись в жалованных грамотах. Епископ в епархии выполнял административные, финансовые и судебные функции. В его ведении находились духовные дела, церковное имущество, открытие новых монастырей, назначение поповских старост, с разрешения государя – игуменов и архимандритов, а также отправление святительского суда. Епископу принадлежало право собирать в казну окладные и неокладные пошлины с духовных и светских лиц своей епархии.

Епископ имел собственный двор из бояр, боярских детей, окольных, в его распоряжении находился штат чиновников не только духовных, но и светских

¹ Николаевский П.Ф. Патриаршая область и русские епархии в XVII веке. СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К, 1888. С. 22.

(бояре, дворяне, дворецкие, дьяки, тиуны, волостели и др.), с помощью которых епископ управлял епархией.

В каждой епархии было несколько приходов, первичных церковно-административных единиц, состоявших из храма с причтом и церковной общины, также в состав епархии входили монастыри. Священники, возглавлявшие приходы, могли быть назначены в епархию государственными чиновниками, а могли быть избраны населением прихода.

За церковным порядком и благочестием в городах епархии наблюдали поповские старосты, которые назначались епископом, и были подотчетны архимандритам и игуменам. В их компетенцию входил сбор венечных пошлин и контроль за поведением священников и причта.

На уровне монастыря также существовала иерархическая система управления. Каждый монастырь возглавлял настоятель, которым мог быть архимандрит, игумен, строитель или просто черный священник, управлявший вместе с соборными старцами по общему монастырскому уставу и уставу основателя монастыря.

Монастыри друг от друга отличались по размеру и имуществу, которое находилось в их ведении, по юрисдикции, а также по настоятелю (архимандрит, игумен, или строитель). Большинство монастырей подчинялось архиерею той епархии, в пределах которой они размещались. Исключением были ставропигиальные монастыри, непосредственно подчинявшиеся патриарху. Таким был Соловецкий монастырь, во главе которого стоял наместник патриарха в сане архимандрита.¹

В небольших монастырях административные функции выполняли настоятель, келарь и соборные старцы. Структура органов управления монастырским имуществом и количество должностных лиц, в нее входящих, находились в прямой зависимости от размера монастыря. В одном из крупных монастырей к. XVI в. Кирилло-Белозерском «состав монастырской общины в

¹ Камкин А.В. Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 г. / Ин-т этнологии и антропологии РАН. Вологда : ВГПИ., 1992. С. 72.

административном отношении был следующий: настоятель монастыря – игумен, соборные старцы, составлявшие монастырский собор, строитель, келарь, казначей, житник, уставщик, конюший, меньшей казначей, ризничий, книгохранитель, подкеларник, чашник, хлебник, поваренный старец, кулачник, мельничный и др.»¹

Главным лицом, наделенным духовными и судебными полномочиями в монастыре, был настоятель, в руках которого сосредоточивалось и административно-хозяйственное управление имуществом. Жалованные и несудимые грамоты, полученные на владение, закрепляли правовую основу власти монастыря и его настоятеля, а также право самостоятельно вершить суд в своих владениях. Так, в жалованной несудимой грамоте 1518 г. Чухломскому Покровскому монастырю определялись следующие права игумена монастыря в его вотчине: ему предоставлялось право судить своих крестьян «опричь душегубства и разбоя с поличным», не прибегая к вмешательству волостных и уездных властей. Князьям, боярам, воеводам, а также «всяким ездокам», грамота запрещала собирать «корм» с монастырских крестьян.²

Основатель монастыря, как правило, становился его первым настоятелем. Так, первым настоятелем Троице-Сергиева монастыря, основанного в 1337 г. (1342 г.), был его основатель Сергей Радонежский. Впоследствии настоятели избирались братией монастыря, как правило, на третий день после смерти своего предшественника и носили это звание пожизненно. В случае невозможности достигнуть единогласия при избрании настоятеля, братия обращалась за помощью к главе церкви, который должен был выбрать настоятеля из трех предложенных кандидатов, имевших сан священника и проживающих в данном монастыре. Однако нередкими были случаи, когда настоятели направлялись царем из других монастырей. Так, архимандритами Троице-Сергиева монастыря, направленными

¹ Из рукописного наследия: Н.К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397 – 1625 гг.). Т. 2 : Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение / подгот. изд. З.В. Дмитриева, Е.В. Крушельницкая, Т.И. Шаблова. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. С. 58-59.

² Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. СПб. : Тип. II-го отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1841–1842. Т. I. 1334-1598. № 125. С. 183-185.

из других монастырей были Кирилл II (1594 г.), Иосаф (1605 г.) Дионисий (1610 г.).¹

Правой рукой настоятеля монастыря был келарь, который, как и настоятель обычно избирался братией. Он заведовал обширным монастырским хозяйством, вотчинными владениями, столовыми запасами, участвовал в монастырской торговле. В круг обязанностей келаря были включены судебные разбирательства в монастырской среде, а также среди населения вотчин, в частности монастырских крестьян. Роль келаря в управлении монастырским имуществом была велика. Так, Павел Алеппский в своем произведении «Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию» отмечал, что в этой стране «почитают трех правителей – царя, патриарха и келаря Святой Троицы».²

Другим не менее важным лицом в монастыре был казначей, который заведовал монастырской казной и всем тем, что в ней хранилось: «деньги вкладные, кормовые, оброчные, пошлинные; крепостные акты на монастырские владения, кабалы; разное платье, обувь, одежда, образа, ризы, сосуды золотые и серебряные, покровы, пелены, овчины и т.п.».³

Таким образом, в его ведении были доходы и расходы монастыря, он составлял приходно-расходные книги, также осуществлял контроль за монастырскими постройками, и даже за тем, как и во что, одевается братия, и отчасти за монастырскими припасами. Казначей занимал свою должность не менее двух лет. Иногда его обязанности переплетались с обязанностями келаря.

Несмотря на то, что казначей выполнял важные функции в управлении имуществом монастыря, что касается расходов, то он самостоятельно не мог делать ни одного общего распоряжения. В своих действиях он руководствовался постановлениями Монастырского собора или распоряжениями игумена, а по отдельным вопросам – келаря. Ежегодно или раз в полгода, соборные старцы

¹ *Кириченко Л.А.* Актовый материал Троице-Сергиева монастыря 1584 – 1641 гг. как источник по истории землевладения и хозяйства. М. : РГГУ, 2006. С. 139-140.

² Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в середине XVII века (1628–1631). Описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М. : Унив. тип., 1897. С. 55.

³ Из рукописного наследия Н.К. Никольского. С. 73.

проверяли монастырскую казну по приходно-расходным книгам, которые вел казначей.¹

Итак, Монастырский собор, являвшийся коллегиальным органом, играл важную роль в управлении монастырем. Игумен возглавлял собор, в его состав входили келарь и казначей, а также другие старцы монастыря. Монастырский собор участвовал в принятии важнейших постановлений, в том числе по управлению имуществом монастыря. Обычно общее число соборных старцев в разных монастырях не было одинаковым и составляло от 3 до 12 человек, оно зависело, в первую очередь, от величины монастыря, при этом в одном монастыре могло меняться в различные исторические периоды.²

В монастырях было немало других, менее значимых должностей, так называемых служебных монахов, контролирующих различные отрасли и службы монастырского хозяйства, количество которых также зависело от размеров монастыря. Так, в ведении конюшенного старца находились монастырские конюшни и скотный двор, ему подчинялись конюхи, ясельничие, сторожа.³ Ризничий являлся хранителем монастырских ценностей, уставщик был начальником церкви, книгохранитель возглавлял библиотеку и заботился о сохранности всех книг, трапезник – старший в трапезной, кутник – разносчик блюд, изготовлением и расходом напитков ведал старец-чашник.

Зачастую монастыри имели большое хозяйство, выходящее далеко за пределы самого монастыря, в частности вотчинные села и деревни. На этих территориях управление монастырским хозяйством было возложено на посельских старцев, которые проживали в вотчинных монастырских дворах.⁴

Обобщая вышеизложенный материал, можно резюмировать, что в изучаемый период существовала иерархическая система управления имуществом монастыря, во главе которой находился настоятель и Монастырский собор,

¹ Из рукописного наследия Н.К. Никольского. С. 74.

² Баскова А.В. Монастырские органы управления монастырским имуществом в XVI–XVII вв. // История государства и права. 2012. № 8. С. 30.

³ Шамина И.Н. Из истории Вологодских монастырей XVI–XVII века (состав насельников) // Отечественная история. 2003. №1. С. 146.

⁴ Баскова А.В. Указ. соч. С. 31.

основные функции были возложены на келаря и казначея, а также отдельных старцев, в ведении которых находились определенные отрасли хозяйства. Монастырский собор обеспечивал функционирование органов и единство действий системы управления монастырским имуществом.

Исследование полномочий государственных и церковных органов позволило прийти к выводу, что в XV–XVII вв. сложилась многоуровневая система управления церковно-монастырским имуществом. Так, на уровне государства эти функции осуществлял царь с помощью системы государственных органов: приказы (Приказ Большого дворца, Большого Прихода и Монастырский приказ) и земские избы.

При этом подчеркнем, что до конца XVI в. полномочия государственных органов власти в управлении церковно-монастырским имуществом сводились к установлению и освобождению от налогов духовных корпораций, а также предоставлению финансирования в виде руги монастырям. Однако уже в XVII в. государство пытается расширить свои полномочия в этой сфере.

Управление церковно-монастырским имуществом на уровне церкви имело сложную иерархическую систему, во главе которой находился митрополит, а с 1589 г. – патриарх. В первой половине XVII в. начинает функционировать Патриаршая приказная система, с помощью которой патриарх управлял Патриаршей областью.

На наш взгляд, патриаршие приказы, будучи самостоятельной структурой, имеющей определенное значение в управлении церковным имуществом, после принятия Соборного уложения 1649 г. становятся частью общегосударственной приказной системы управления, в задачи которой входило, в том числе, и управление церковно-монастырским имуществом.

Полномочиями законодательного характера в сфере управления церковно-монастырским имуществом были наделены церковные соборы. При этом следует отметить, что государственная власть оказывала значительное влияние и на эти органы. На практике это приводило к тому, что церковные соборы зачастую принимали решения, отражавшие интересы в первую очередь светской власти,

пытавшейся в этот период всячески ограничить имущественную правоспособность церкви.

Что касается вопроса управления непосредственно имуществом монастыря, подчеркнем, что в отношении его, патриарх, как глава Русской православной церкви, и епископы, не имели конкретных полномочий за исключением сбора церковных пошлин.

Нами было установлено, что отличительной чертой иерархической системы управления монастырским имуществом, во главе которой находился настоятель и Монастырский собор, было то, что ее отдельные части представляли собой определенную область управления, при этом каждое хозяйственное ведомство непосредственно не подчинялось одно другому. Единство действий системы управления монастырским имуществом обеспечивал Монастырский собор, выступавший хранителем интересов общины.

Вышеизложенный материал позволяет заключить, что в первой половине XVII в. в государственном управлении наблюдаются тенденции к унификации механизмов управления как светских, так и церковных структур, проявившиеся в складывании Патриаршей приказной системы. Развитие в XVII в. епархиальной приказной системы, являющейся инструментом управления Патриаршей областью, свидетельствовало о проникновении светских элементов в епархиальное управление.

На наш взгляд, в период с XV в. до середины XVII в. влияние государственных органов в системе управления церковно-монастырским имуществом возрастает, что было обусловлено вмешательством светской администрации в церковное управление. Передача отдельных полномочий в ведение Поместного приказа (учет, описание и межевание земель, решение споров по земельным вопросам), а также создание Монастырского приказа, наделенного полномочиями по управлению церковным имуществом, означали ослабление юрисдикции церкви, которая со второй половины XVII в. начинает занимать подчиненное положение в системе государственных органов.

§ 2. Церковная и земельная собственность в России XV–начала XVII в.: соотношение государственного и церковного регулирования

Бесспорным остается тот факт, что церковь, как любой институт, для достижения своих основных целей имеет потребность в материальных средствах. Уже первые христианские общины владели имуществом, но признание со стороны государственной власти, широкие права и привилегии церковное имущество получило во времена Константина I. Как отмечал Н.Д. Кузнецов «...государственные законы Византии способствовали образованию церковных имуществ и их охранению...».¹

Вопросы церковного имущества и его правовой режим, регулировались не только положительным правом, но и системой норм канонического права – особой ветви права, которая возникла с момента появления церкви.

По справедливому заключению М.Ю. Варьяса: «... церковное право стало первой общеевропейской наднациональной системой права. Институты и правовые процедуры, порожденные ею, опередив национальное правовое регулирование по времени своего появления, легли в основу сформировавшихся позднее национальных правовых систем Европы».²

Государство в разные исторические эпохи не одинаково воспринимало соотношение правовых норм и церковных канонов в решении гражданско-правовых вопросов, в том числе и вопросов, касающихся имущественных отношений.

Для выявления особенностей правового регулирования церковно-монастырского землевладения, обратимся к анализу канонических норм, законодательных и частноправовых актов, которыми регулировались имущественные отношения в XV–первой половине XVII в., и определим как

¹ Кузнецов Н.Д. К вопросу о церковном имуществе и отношении государства к церковным недвижимым имениям в России. Сергиев Посад : б.и., 1907. С. 8.

² Варьяс М.Ю. Церковное право как корпоративная правовая система: опыт теоретико-правового исследования. URL: <http://www.pravo33.wordpress.com> (дата обращения 14.04.2014).

появление тех или иных норм влияло на политику государства в сфере церковного землевладения.

XV–середина XVII в. – период создания и укрепления централизованного Русского государства и единого русского права.¹

Одним из основных источников права Московского государства выступал обычай, который с течением времени репрезентировался в письменных источниках. Основными источниками общерусского права были: княжеское законодательство, постановления Земских соборов, отраслевые распоряжения приказов. В XV–XVII вв. появляются новые формы законодательства – общерусские кодексы: Судебники 1497, 1550 гг. и Соборное уложение 1649 г.

Среди письменных источников права Московского государства XVI в. можно выделить губные и земские уставные грамоты. Нормы, не вошедшие в основной текст книги Судебников, систематизировались в уставных и указных книгах (Уставная книга Разбойного приказа, указные книги Поместного и Земского приказов).

В XV–XVII вв. гражданско-правовые отношения постепенно выделяются в особую сферу, их регулирование начинает осуществляться специальными нормами, которые одновременно отражали и регламентировали процесс развития товарно-денежных и обменных отношений, а также отношений феодальной эксплуатации, основанной на различных формах земельной собственности (вотчины и поместья).

Поскольку нами рассматривается церковное имущество, то следует учитывать его регламентирование и каноническими нормами. По справедливому замечанию Д.Д. Борового, каноническое (церковное) право «обеспечивает внутреннее воздействие на узкий круг общественных отношений, в то время как государственно-правовым воздействием достигается регламентация данных общественных отношений с внешней стороны». Вместе они образуют механизм социально-правового регулирования, где каждый из названных элементов

¹ Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М. : Наука, 1986. С. 5.

находится в диалектической взаимосвязи, а вместе они образуют единую систему.¹

Принятие христианства на Руси сопровождалось заимствованием не только церковных норм, ставших источником развития религиозной жизни и канонического права, но и норм византийского права, которые не просто вышли за рамки жизни отдельно взятого государства, включились в религиозную жизнь русского народа, но и стали источником для формирования церковных канонов. Таким образом, источниками канонического права выступали как церковные нормы, так и нормы византийского права.

Обратим внимание, что с начала своего существования Русская церковь, являвшаяся одной из метрополий Константинопольского Патриархата, практически в полном объеме заимствовала канонические основы внутреннего и внешнего церковного устройства, а также руководствовалась сборниками церковно-законодательных документов, нормы которых использовались в судах по церковным делам и над церковными людьми.

Заимствование церковью существующих в Византии церковно-правовых норм в форме Номоканонов для организации и руководства церковной жизнью на Руси было естественным организационно-культурным процессом.²

Главная роль в рецепции византийского права у славян принадлежала юридическим сборникам – кормчим книгам (иногда называемым также «номоканонами»). Номоканоны, распространившиеся с VI в., представляли собой новый тип сборника, объединяющего соборные и святоотеческие каноны с императорским законодательством о церкви.³

В Номоканоны вошли 85 Апостольских правил, постановления первых четырех Вселенских и шести Поместных соборов. Они предназначались для епископов и их чиновников для церковного управления и суда.⁴

¹ Боровой Д.Д. Правовая природа канонического (церковного права). URL: <http://www.superinf.ru> (дата обращения 29.04.2014).

² Страдченков А.С. Рецепция Римско-византийского законодательства на российской почве как культурологическое явление. URL: <http://www.sociosphera.com> (дата обращения: 15.02.2013).

³ Максимович К.А. Византийская империя. Право и Церковь // Православная энциклопедия. Т. VIII. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. С. 181-192.

⁴ Памятники российского права : в 35 т. : учеб.-науч. пособ. Т. 1 : Памятники права Древней Руси. С. 428-429.

Славянские переводы номоканонов, содержащие церковные каноны, а также светские законы по делам церковным, были известны еще до принятия христианства. Одним из первых таких сборников был «Номоканон в 50 титулов», который был составлен Иоанном Схоластиком. В него вошли Правила четырех Вселенских, шести Поместных соборов и Правила Василия Великого.¹

Другим известным каноническим сборником был Номоканон Фотия, изданный в 883 г. и состоявший из 14 титулов, на Руси называвшихся гранями. Номоканон Фотия содержал судебные правила, которые касались не только церковных дел и духовных лиц, но и людей иных гражданских состояний (XIII и XIV титулы о мирских людях и о всех чинах).

На Руси номоканоны получили название «Кормчих книг». Кормчие книги включали Постановления церковных соборов, законодательные акты византийских императоров, памятники ближневосточного права, монастырские уставы. XIII в. стал временем распространения рукописных Кормчих книг: Рязанского и Софийского списков. Рязанская Кормчая основывалась на Кормчей книге, переведенной на церковнославянский язык в Сербии, в основе Софийского списка лежал «Номоканон в XIV титулах». Официальным каноническим сборником Кормчая книга стала в 1653 г. при патриархе Никоне.²

Поскольку Русская православная церковь выполняла судебные функции, то наряду с каноническими сборниками непосредственное влияние оказывали церковно-гражданские правовые сборники византийского происхождения. Так, в XIV в. появляется «Мерило праведное» – сборник церковных и гражданских законов, творений церковных соборов и византийского законодательства.

Несмотря на то, что Русская церковь до второй половины XIV в. являлась частью Константинопольского Патриархата, она осуществляла самостоятельную законодательную деятельность в пределах своей автономии. Это в первую очередь постановления митрополичьих и епархиальных Соборов (Митрополичий Собор 1274 г. – принятие Кормчей книги святителя Саввы Сербского),

¹ Розенкампф Г.А. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М. : Тип. Императорской Академии наук, 1829. С. 143-144, С. 268.

² Памятники русского права. Т. 1 : Памятники права Древней Руси. С. 430.

канонические ответы и послания церковных иерархов (канонические ответы митрополита Иоанна II; вопросы Кирика, Саввы и Ильи; канонические послания митрополита Алексия).¹

Поскольку византийское право представляло собой систематизированное римское право, то Русь восприняла частично и нормы римского права через Кодекс Юстиниана, которому было несвойственно четкое разграничение на гражданские и церковные нормы. Таким образом, наряду с церковными нормами были заимствованы и правовые нормы.

Так, «Эклога», изданная Львом III Исаврийским в 726 г., под заглавием «Главизны премудрых и верных царей Леона и Константина» использовалась, в первую очередь, в церковном суде. Она представляла собой краткий свод византийского законодательства, в который вошли нормы брачного, вещного, наследственного, процессуального и уголовного права.

«Прохиرون», состоящий из норм, регламентирующих брачные отношения, наследственное и обязательственное право, представлял собой руководство для судей. Под названием «Градского закона» он использовался вплоть до 1649 г. духовенством, «...получившем, права привилегированного вотчинника с огромным количеством населенных земель, чинившего в них суд и расправу во всех делах, за исключением душегубства, татьбы и разбоя».²

В XVII в. с утратой прежних позиций духовенства «Прохиرون» в основном стал использоваться светской властью.

Вместе с Номоканоном Эклога и Прохирон являлись составными частями Кормчей книги. Наряду с ними распространение получили такие законодательные сборники Византии как «Закон судный» (X в.), «Книги законные» (XII в.), а также компиляции частных лиц.

Древнеславянские списки Правил Святых отцов появляются со времен митрополита Кирилла III (1250 г.), до этого употреблялись греческие списки

¹ *Болоховский Н.И.* Источники канонического права русской православной церкви // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 1. Минск : Изд-во БДУ, 2002. С. 125.

² *Бенеманский М.И.* Закон градский. Значение его в русском праве. М. : Печатня А. Снегиревой, 1917. С. 15-16.

Номоканонов и Соборных Правил.¹ Это было обусловлено, в первую очередь, зависимостью Русской митрополии от Константинопольского патриархата, а также тем, что она возглавлялась, как правило, греческим митрополитом.

В XVI в. источники церковного права существенно не изменились, ими по-прежнему были: Кормчая Книга, Уставы святого князя Владимира и Ярослава Мудрого, канонические ответы и послания иерархов, постановления Соборов. При этом следует отметить, что все чаще издаются самостоятельные постановления Соборов по различным вопросам внутрицерковного права, среди них можно выделить те, которые регламентировали и имущественную правоспособность церкви: Московский собор 1503 г. (о монастырских вотчинах); Стоглавый собор 1551 г., Соборный приговор 1580 г., запрещающий вновь приобретать населенные земли.

Таким образом, церковно-имущественные отношения в изучаемый период регулировались законодательными актами, нормами канонического права, содержащимися в Кормчей книге, Правосудье митрополичьем и Стоглаве – сборнике норм церковного права, принятом в 1551 г., и другими нормативно-правовыми документами, в том числе актами частного характера. Среди последних особого внимания заслуживают грамоты: жалованные – пожалования князей или царской власти, которые предоставляли наряду с землей определенные привилегии или иммунитеты; данные, оформлявшие передачу имущества монастырю или частному лицу; купчие – покупку и продажу имущества; духовные – завещание имущества: движимого и недвижимого; указные, отказные, меновые, послушные, рядные; разъезжие, оформляющие размежевание угодий; межевые, устанавливающие границы земельных владений; и закладные.

По мнению В.А. Томсинова, жалованные грамоты, являющиеся по своей первоначальной природе актами частного характера, можно отнести к числу источников права Московского государства, поскольку содержание многих

¹ Розенкампф Г.А. Указ. соч. С. 52.

подобных документов было одинаковым, исключения превращались в правила – частные привилегии и иммунитеты становились общесловными.¹

Тесную связь с землевладением имел церковно-монастырский иммунитет, в соответствии с которым церковь и монастыри получали привилегии. Несудимые грамоты освобождали от суда местных властей, обельные – отменяли дани, повинности и пошлыны в пользу местных властей, а тарханские – освобождали от подсудности и управления княжеских чиновников.

Церковь в XV–XVI вв. была крупной духовной и политической силой, обладающей определенной экономической базой. Обогащение церкви и монастырей за счет увеличения недвижимого имущества, включая иммунитеты, освобождавшие церковь и монастыри от различных пошлын и сборов, привело к лишению царской казны огромных средств и нарушению экономического равновесия в государстве.

В эпоху Московского государства, также как и в эпоху Киевской Руси одной из важных политических проблем русского общества оставалась проблема соотношения светской и церковной власти.

В этот период государственная власть нуждалась в освоенных землях для обеспечения военно-служилого сословия. Один из источников разрешения этой проблемы царское правительство видело в ограничении церковно-монастырского землевладения. Так, Иван III в 1478 г., подчинив Новгород, захватил монастырские земли, также переселил новгородских бояр под Москву, дав им поместья на условии несения службы, а их вотчинные земли отписал на себя, заселив помещиками и свободными крестьянами-общинниками. Уже при Иване IV была завершена ликвидация боярских вотчин, охраняемых правом феодального иммунитета.

В конце XV–начале XVI в. в отношениях между церковью и государством наметилось много спорных вопросов, среди которых центральное место занимали вопросы церковной собственности и устройства монашеской жизни. В связи с

¹ *Томсинов В.А.* Судебники 1497 и 1550 годов как памятники юриспруденции Московского государства // Проблемы истории государства и права: сборник науч. тр. в честь юбилея проф. Н.А. Крашенинниковой / отв. ред. В.А. Томсинов. М. : Зерцало, 2009. С. 263.

этим был поднят вопрос о неприкосновенности церковного имущества и о правомерности монастырского вотчинного владения.

Ликвидация монастырского землевладения отвечала насущным потребностям Ивана III. На рубеже XV–XVI вв. резко обострилась борьба крестьян за землю, многие из них проживали на монастырских землях, в связи с этим выросло и число духовных феодалов, втянутых в поземельные споры с крестьянством. Ведя подготовку к широким секуляризационным мероприятиям, правительство Ивана III с середины 1502 г. до середины 1503 г. перестало выдавать иммунитетные грамоты духовным вотчинникам, переходя в отдельных случаях к денежной системе обеспечения церкви – руге.¹

Вопрос о церковном землевладении был поднят на Соборе, состоявшемся в августе—начале сентября 1503 г., который вошел в историю под названием «собор о вдовых попах».

Главной целью Собора были вопросы повседневного монастырского быта, в результате было вынесено два соборных приговора. Первый, датированный 6 августа 1503 г., согласно которому было решено отменить взимаемые епископами платы за поставление в священники и диаконы. В сентябре 1503 г. был утвержден второй приговор, запрещающий вдовым попам служить в церкви и грозивший лишить чина тех из них, кто держал наложниц.

Относительно церковного землевладения на Соборе 1503 г. не было принято никаких постановлений. Часть исследователей рассматривает спор нестяжателей и иосифлян в качестве дискуссии по вопросу церковного землевладения, при этом делая акцент на социально-экономическую сторону вопроса (В.О. Милютин, А.С. Павлов, В.О. Ключевский). В свою очередь, отсутствие постановлений по этому вопросу и каких-либо упоминаний о его решении в других документах позволили заключить некоторым исследователям, что вопросы церковного землевладения на Соборе 1503 г. вообще не поднимались (А.И. Плигузов).²

¹ *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М. : Мысль, 1982. С. 199.

² См.: *Плигузов А.И.* Полемика в Русской Церкви первой трети XVI столетия. М. : Индрик, 2002.

Несмотря на то, что специального приговора в отношении церковно-монастырского землевладения не было принято на Соборе 1503 г., на наш взгляд, не стоит отрицать факта обсуждения этого вопроса. На Соборе 1503 г. в решении вопроса о церковном вотчинном владении наметилось два течения: «нестяжатели» и «иосифляне».

Во второй половине XV–начале XVI в. одним из идеологических течений русской православной мысли оказалось нестяжательство, основные идеи которого (отказ от владения имуществами, в том числе земельными угодьями и селами) были выработаны старцами Заволжья, поэтому это направление иногда называют учением «заволжских старцев».

Главным идеологом данного духовного направления был Нил Сорский (1433–1508 гг.). Сосредоточив свое внимание на вопросах совершенствования личности, он выступал против крупного церковно-монастырского землевладения.

Нил Сорский – основатель монашеского товарищества, в основу которого было положено «скитское житье», принцип характерный для Востока. В своих сочинениях он следующим образом изложил сущность отшельничества: «Мир ласкает нас сладкими вещами, после которых бывает горько. Блага мира только кажутся благами, а внутри исполнены зла».¹

Духовные взгляды Нила Сорского определили его позицию относительно собственности монастырей. Он выступал против любостяжания монахов и монастырских богатств, против крупного церковного землевладения, за аскетический образ монашеской жизни, призывал к отказу от личного имущества.

«Нестяжатели», признавая только то имущество законным и богоугодным, которое приобреталось собственным трудом, на соборе 1503 г. выступили за проект секуляризации монастырских вотчин. Нил Сорский имел огромную поддержку со стороны влиятельных бояр, усматривавших в церковных землях свою выгоду – источник для увеличения поместных владений дворянства.

Иного мнения придерживались «иосифляне», возглавляемые Иосифом Волоцким. Негативно относясь к личному обогащению, они поддерживали

¹ Цит. по: *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М. : Мысль, 1993. С. 223.

богатство монастырей, как источник социальной благотворительности и православного образования.

Иосиф Волоцкий сосредоточил внимание на социальном служении. Монастырь при нем становится центром распространения образования, презрения неимущих, помощи детям. Отстаивая идею «стяжания» монастырей, а также высказывая мысль о том, что духовная власть выше светской, Иосиф Волоцкий, по сути, создал оппозицию царской власти.

В связи с отсутствием принятых постановлений на соборе 1503 г. относительно решения вопроса о церковном землевладении в историографии нет единства. В сохранившихся документах представлена разная информация относительно решения данного вопроса, в связи с этим очень сложно определить, какая из них является достоверной.

Согласно документу середины XVI в. «Письмо о нелюбках» на Соборе был поднят спор о монастырском землевладении между Нилом и Иосифом.

В 60-е годы XX в. академиком Ю.К. Бегуновым был обнаружен документ, посвященный Собору 1503 г., «Слово иное». В нем приводится иная трактовка этого спора. В соответствии с этим документом спор на Соборе произошел между великим князем Иваном III и соборным большинством во главе с митрополитом Симоном. Из первых строк документа видно, что секуляризационные планы Ивана III относились ко всем землям: «В та же времена восхотел князь великий Иван Васильевич у митрополита и у всех владык и у всех монастырей села поимати и вся к своим соединити.»¹

Макарий в своем труде «История Русской церкви» сообщает, что Собор 1503 г. вынес отрицательный ответ и заключил следующее по вопросу о церковных имуществвах: «Святители и монастыри земли держали и держат, а отдавати их не смеют и не благоволят, понеже вся таковая стяжания церковная

¹Бегунов Ю.К. «Слово иное» – новонайденное произведение русской публицистики XVI века о борьбе Ивана III с землевладением церкви // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XX. М.; Л.: Наука, 1964. С. 351-364.

Божия суть стяжания, нареченна и данна Богу, и непродаема, ни отдаема, ни емлема никим никогда ж в веки века.»¹

Подводя итог Собору 1503 г., резюмируем, что планы Ивана III в отношении монастырского и архиерейского имущества не увенчались успехом, так как великокняжеская власть в этот период еще вынуждена была считаться с церковью. Соборное большинство не позволило реализовать первоначальные планы царя. Несмотря на позицию Иосифа Волоцкого в отношении царской власти, произошло сближение Ивана III с иосифлянами. Иосифляне поддержали светскую власть при условии, что Иван III не стал покушаться на земельные богатства церкви.

На наш взгляд, полемика нестяжателей и иосифлян была гораздо глубже, чем, казалась изначально, и касалась не только вопросов церковного имущества, отношения к монашеским обетам и к еретикам. Одним из важных положений этой полемики являлось отношение к возможности достижения так называемой «симфонии церкви и государства».

При супруге Василия Ивановича Елене Глинской (1533–1538 гг.) были приняты решения, касавшиеся средств церкви. Духовенство наряду с другими слоями населения обязали платить сбор на постройку для возведения городских укреплений в Москве и Новгороде. Затем новгородский архиепископ и его монастыри вынуждены были заплатить большую сумму денег за выкуп русских людей из татарского плена. Позже власти отписали все пожни, принадлежавшие городским церквам и подгородным монастырям Новгорода, и заставили арендовать их у государства. Все эти меры были попыткой светских властей привлечь средства церкви и ограничить ее богатства.²

Несмотря на попытки государственной власти подчинить церковь своему контролю, что, по мнению А.А. Зимина, в начале XVI в. было «составной частью борьбы за преодоление удельных порядков и развитие государственной

¹ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви : в 5 т. Кн. 4, ч. 2, отд. 2 : Состояние Русской церкви от митрополита святого Ионы до патриарха Иова, или в период разделения ее на две митрополии (1448 – 1589). М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. С. 122.

²Русское православие: вехи истории / науч. ред. А.И. Клибанов. М. : Политиздат, 1989. С. 89.

централизации»¹, церковь, по-прежнему, остается крупным землевладельцем, пользуется привилегиями и льготами, получает тарханы, освобождается от уплаты налогов.

В ходе проведения реформ Ивана IV проблема церковного недвижимого имущества оказалась вновь в центре внимания. Сокращение размеров светского землевладения в этот период, а также необходимость власти удовлетворять интересы помещиков и служилых людей с помощью раздачи им земель, поставили вопрос об ограничении церковно-монастырского землевладения. Также негативно сказывалось на государственной казне и освобождение церкви от уплаты налогов в результате получения тарханных грамот. Таким образом, на этом этапе царская власть ставила перед собой следующие задачи: ограничение роста церковного землевладения и отмена иммунитетных пожалований.

В середине XVI в. царской властью были предприняты меры, направленные, с одной стороны, на регулирование отношений между церковью и государством по ряду вопросов, основным из которых был вопрос землевладения. С другой стороны, деятельность государства была связана с вопросами унификации внутренней жизни церкви. Это отразилось в принятии ряда указов, решений, в том числе и Стоглава в 1551 г.

В 1550 г. появляется указ о разрешении продавать, закладывать и завещать купленные земли полностью, а вотчинные – до половины: «Которые князи, и бояре, и дети боярские, и всякого чина люди детей не имеют, а похотят свои вотчины продать, или заложить, или в монастырь по душе дать, и им продать, и заложить, и по душе отдать вольно все свои купли;...ино из вотчин до половины».²

Обратим внимание, что согласно этому указу бездетным вотчинникам всех категорий разрешалось отчуждать купленные земли полностью, а вотчинные частично. Поскольку монастыри являлись главными покупателями вотчинных земель, увеличивая за счет этого свои недвижимые имущества, также брали

¹ Зимин А.А. Россия на рубеже XV – XVI столетий. С. 210.

² Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. № 1. С. 29

частновладельческие вотчины в залог, то этот указ, в первую очередь, ограничивал их права.

15 сентября 1550 г. появился Соборный приговор о монастырских слободах, который впоследствии был помещен в 98 главу Стоглава.¹ Он предусматривал: всем новым слободам тянути с городскими людьми всякое тягло с судом; дворов новых в старых слободах не ставить; в слободах, в которых дворы опустеют, в те дворы призывать сельских людей, пашенных и не пашенных по старине, и отпускать тех людей в Юрьев день осенний; крестьяне, живущие в архиерейских и монастырских слободах, могут уходить на посад или в села в тот же срок, в Юрьев день.²

Российский историк Н.Е. Носов оценил этот приговор как отражение возрастающей позиции посада.³ На наш взгляд, более обоснованной является позиция А.А. Зимина, по мнению которого, соборный приговор был своеобразным компромиссом между церковью и светской властью, так как за духовными феодалами сохранялись старые слободы, но им пришлось поступиться рядом своих земельных привилегий.⁴

Следующим шагом в отношении церковного имущества был дополнительный Соборный приговор от 11 мая 1551 г., который стал 101 главой Стоглава. В нем были вынесены следующие постановления:

1. Запрещалось покупать землю и брать земельные вклады без разрешения верховной власти под залог или принимать «по душе»: «...что впредь архиепископам и епископам, и монастырям вотчин без царева великого князя ведома и без доклада не покупать ни у кого. А князьям и детям боярским, и всяким людям вотчин без доклада им не продать ...».⁵

2. Изъятие у архиереев и монастырей незаконно приобретенных владений с целью возвращения их прежним владельцам. Прежде всего, это

¹ Стоглав и история собора 1551 года. Историко-канонический очерк В. Бочкарева. Юхнов : Тип. Подземского, 1906. С. 114.

² Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. № 3. С. 30.

³ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л. : Наука, 1969. С. 108.

⁴ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М. : Соцэкгиз, 1960. С. 376-377.

⁵ Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. № 5. С.32.

относилось к поместным и черным землям, которые отнимались за долги у детей боярских и у крестьян или которые неправильно записали писцы за владыками и монастырями.

3. Изъятие вотчин, которые подавались на помин души монастырям без разрешения государя жителями городов Твери, Микулинска, Торжка, а также потомками князей суздальских, ярославских и стародубских.

Обратим внимание, что согласно этому приговору никто не мог продать вотчины архиереям и монастырям, а они не могли покупать эти вотчины без царского разрешения. Аналогичное ограничение касалось и вкладов на помин души, которые были одним из специфических способов приобретения недвижимого имущества монастырями. Их также запрещалось давать и принимать без доклада государю. Подчеркнем, что с принятием Соборного приговора 1551 г. приобретение земель указанным способом стало возможным лишь с разрешения государя. В противном случае все эти вотчины, купленные, проданные, подаренные, изымались в пользу государя.

Аннулировались пожалования монастырям, которые производились после Василия III. Также запрещалось без царского разрешения передавать земли церкви. За монастырями закрепляются те вклады, которые были получены до этого приговора: «А которые люди наперед сего и по ся мест вотчины свои в монастыри давали по своих душах и родителей своих по душах в вечный поминок..., тех вотчин у монастырей никому же никак не выкупать».¹

То есть вотчины, отданные по душе до 1551 г., не подлежали выкупу, за исключением тех случаев, когда в завещании были указаны родственники, которые имели право выкупа.

В научной литературе существуют разные оценки приговора 1551 г. По мнению И.И. Смирнова, приговор 1551 г. определил основные принципы политики правительства в отношении двух форм землевладения: монастырского и княжеского. Он считал, что приговор имел политическую направленность, так как в области феодального землевладения был нацелен на восстановление порядков и

¹ Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. С. 32.

законов времен Василия III, а в интересах дворянства – ликвидировал результаты земельной политики периода боярского правления.¹

По мнению советского историка Б.А. Романова, этот приговор был направлен «на обуздание напора со стороны духовных феодалов на земли всего светского сектора вотчинного землевладения».²

Аналогичной позиции придерживался Е.А. Носов, считая основным содержанием приговора 1551 г. ограничение церковного землевладения, в том числе и монастырского, в защиту землевладения светского.³

Исследователь церковно-государственных отношений В.В. Шапошник считает этот приговор соглашением иерархов с правительством за счет монастырей, которое было выгодно, прежде всего, казне. Поскольку иерархи получали большие доходы от суда и управления епархиями, то потери черного духовенства были более значительны. Казна же получала возможность сбросить с себя тяжкое бремя ежегодных выплат духовным корпорациям.⁴

Более убедительной, на наш взгляд, является точка зрения В.В. Шапошника, которую мы разделяем, поскольку акты первой половины XVI в. издавались с целью ограничения церковно-монастырской собственности, в том числе сокращения способов приобретения недвижимого имущества монастырями, а также уменьшения льгот и привилегий. Стоглавый собор 1551 г. не был исключением, подтверждением этому служит часть ранее принятых Соборных приговоров, впоследствии вошедших в Стоглав (Соборный приговор 15 сентября 1550 г., Соборный приговор 11 мая 1551 г.).

Обратим внимание, что с 23 февраля по 11 мая 1551 г. в Москве заседал Церковный собор, который вошел в историю под названием Стоглавого по количеству глав Соборного приговора. Собор был созван по инициативе царя, о чем свидетельствует текст третьей главы Стоглава: «Тем же молим вы...бога ради

¹ Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30-50-х годов XVI в. М.; Л. : АН СССР, 1958. С. 442-443.

² Романов Б.А. К вопросу о земельной политике Избранной рады: (Ст. 85 Судебника 1550 г.) // Исторические записки. 1951. Т. 38. М., 1951. С. 264-265.

³ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. С. 108-114.

⁴ Шапошник В.В. Приговоры о церковно-монастырском землевладении в период правления Ивана Грозного // Христианское чтение. 2012. № 3. С. 11.

потружайтесь, во еже исправить истинная и непорочная наша христианская вера, иже от божественного писания во исправление церковному благочинию и царскому благозаконию и всякому земскому строению...».

Принятые Стоглавым собором решения касались церковной дисциплины, порядка богослужения, нравственности прихожан, системы церковного управления и полномочий суда, правового положения белого и черного духовенства и др. Особое значение имели решения Стоглавого собора по вопросам церковного суда. Власть стремилась установить единое правовое пространство. Уже со времен Ивана III широко предоставлялись несудимые грамоты монастырям, которые освобождали их от епископского суда за исключением духовных вопросов. «Выдавая «несудимые грамоты», великие князья, а потом и цари освобождали монастыри от святительского суда, ставили их под контроль светской власти. Стоглав, критикуя святительский суд, тем не менее, решительно выступал и против «несудимых грамот».¹ Однако «несудимые грамоты» продолжали выдаваться и после Стоглава.

Стоглав регламентировал порядок суда и судопроизводства. Главы 58 – 60, об устройстве церковного суда, его юрисдикции, судопроизводстве, соотношении с судом светским. Они подтверждают отделение церковной юрисдикции от светской и невмешательство последней в церковные дела. Развивают ст. 59 Судебника 1497 г., которая ограничивала компетенцию церковного суда, поскольку из него изымались дела, совершенные лицами разной подсудности, и ст. 91 Судебника 1550 г., также направленную на ограничение церковной юрисдикции и установившую подсудность торговых людей наместничьему управлению.

Главы 64 – 66 о святительском суде, глава 67 об отмене несудимых грамот «...впредь таковым грамотам не быть, а судите святителям самим ...».

Изучив главы, посвященные церковному суду, мы пришли к следующему умозаключению. В вышеперечисленных нормах репрезентировала взаимосвязь с постановлениями светской власти относительно вопросов судопроизводства в

¹ *Белякова Е.В.* Стоглав и его место в русской канонической традиции // Отечественная история. 2001. № 6. С. 93.

предшествующий период, в частности с нормами Судебников 1497, 1550 гг., в которых наметилась тенденция к сокращению компетенции церковного суда и централизации судебных органов, а также осуществления контроля над судами со стороны светской власти. Несмотря на то, что были сохранены судебные привилегии церкви, благодаря принятию этого памятника права, был изъят ряд вопросов из ее юрисдикции, что сузило круг лиц, подлежащих монастырской подсудности, в частности к ним стали относиться только нищие, которые питались от церкви божией.

Указом от 5 августа 1557 г. правительство определило порядок выкупа вотчинами отданных в монастырь вотчин по духовному завещанию. Они могли оспаривать размер и сумму выкупаемой вотчины, которые часто завывались монастырями. Правительственные мерщики должны были определить «меру» и «чего вотчина стоит». Право оспорить сумму выкупа сохранялось до тех пор, пока духовные грамоты «не вершены, не подписаны, и не запечатаны».¹

Политика царей (Ивана III и Ивана IV) в сфере церковно-монастырского землевладения в первой половине XVI в., направленная на ограничение роста церковного землевладения и уменьшение привилегий церкви, не способствовала резкому сокращению имущества церкви, но при этом оказала влияние на соотношение между земельными владениями частных собственников, в том числе церкви и монастырей, и царя. Результатом этой политики была концентрация земельных владений в руках государства.

Так, в начале XV в. 2/3 всех удобных земель принадлежали боярам, князьям, Церкви, а великому князю – всего 1/3, уже к середине XVI в. положение изменилось на диаметрально противоположное: у знати и Церкви – 1/3, а великого князя (царя) – 2/3.²

По мнению диссертанта, несмотря на ограничение права монастырей и церкви приобретать новое имущество, по-прежнему, провозглашалась

¹ Савич А.А. Монастырское землевладение на Русском Севере в XIV – XVII вв. // Ученые записки Пермского Государственного университета. Отд. общественных наук. Вып.2. Пермь. 1931. С. 213; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. № 154. С. 257-258.

² Ляхова Е.А. Русские монастыри как фактор влияния на державную государственность // Молодой ученый. 2011. №6, т. 2. С. 7.

незыблемость права духовенства на землю, поскольку на этом этапе главная цель светской власти заключалась не в сокращении церковного и монастырского землевладения, а в ограничении его роста в дальнейшем.

В 60-е–70-е гг. XVI в. ситуация в государстве была очень сложной: опричнина, разорение многих земель, неурожайные годы 1569–1570 гг. и как результат голод, Ливонская война (1558–1583 гг.), повышение государственных налогов, выступление крестьянства, нашествие татар 1571 г. – все это усилило разруху страны.

В этих условиях в 70-е годы XVI в. вновь был поставлен вопрос об имущественных правах духовенства. Примером тому служит Приговор освященного собора и бояр об ограничении права распоряжения вотчинами от 9 октября 1572 г., который касался, в том числе, и монастырского землевладения. По нему запрещалось богатым монастырям приобретать землю от частных лиц, а частным лицам – отдавать в монастырь земли по душе.

В 1572 г. по приказу государеву митрополит, и весь освященный Собор, и все бояре приговорили: «А о монастырских вотчинах приговорили... в большие монастыри, где вотчины много, вперед вотчин не давать; а которая будет вотчина и написана, ино ее в Поместной избе не записывать, а отдавать ее роду и племени служилым людям, чтобы в службе убытка не было и земля из службы не выходила; а у монастырских вотчин вотчичем вперед не выкупать. А кто которым монастырем к малым даст вотчину, у которых монастырей земель мало, те вотчины, доложая государя, записывать; а без доклада и без боярского приговора не записывать.»¹

Этот приговор касался не только монастырского землевладения, в нем выделялась родовая и выслуженная вотчина, распоряжение которой допускалось в пределах, указанных в жалованной грамоте. Таким образом, только те вотчины поступали в надел родственникам, о которых было сказано в жалованной грамоте. Относительно порядка наследования родовых вотчин по этому приговору также были введены значительные ограничения.

¹ Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. № 37. С. 56.

Определялся следующий порядок наследования: 1) после отца наследовать детям; 2) если не было детей, то родным братьям, их детям и внучатам; 3) если сын или внук умирал бездетным, то его жребий отдавать его братьям, дядям, племянникам или внучатам, а далее внучат жалованную вотчину не полагалось отдавать; 4) если внук умирал бездетным и после него оставались только правнучатые братья, то им вотчину не полагалось отдавать, а отдать ее на государя.¹

В целях недопущения выхода земли «из службы» и утечки вотчинных земель служилых людей в монастыри в 1572–1573 гг. был организован специальный Приказ по продаже в Московском уезде запустевших поместий в вотчины, который просуществовал до 1577 г.²

Несмотря на категоричность решения относительно монастырского имущества по приговору 1572 г. : запрещалось давать земли «по душе» богатым монастырям, оно не оказало существенного влияния на уменьшение земельного фонда обитателей. Целью приговора в части, относящейся к монастырскому землевладению, было стремление сохранить сложившееся к осени 1572 г. положение и не допустить в будущем уменьшение светского сектора землевладения.³

Таким образом, непоследовательность политики государства в сфере церковного землевладения отразилась и в приговоре 1572 г.: с одной стороны, он отменял право выкупа земель из монастырей, но с другой стороны – закреплял за ними уже существующие у них вотчины и разрешал мелким монастырям приобретать вотчины с разрешения государя.

Следующим шагом на пути ограничения роста земельных владений церкви был приговор 15 января 1580 г.

Согласно этому акту все земли, ранее принадлежавшие митрополиту, владыкам и монастырям, остаются за ними неприкосновенно: «...и вотчины некоторым судом ни тяжёу у митрополита, и у владык, и у монастыря не имати и

¹ Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. № 37. С. 56.

² Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. М., 1986. С. 60.

³ Шапошник В.В. Приговоры о церковно-монастырском землевладении в период правления Ивана Грозного. С. 18-19.

не выкупают». Запрещались суды по земельным вопросам с монастырями и выкуп этих вотчин. Таким образом, вновь подтверждалась неотчуждаемость церковных земель, и запрещались все тяжбы в отношении этого вида землевладения.

Княжеские вотчины, переданные монастырям до 15 января 1580 г., оставались за ними: «А которые вотчины княженецкие даваны преж сего, и в тех волен бог да государь, как своих богомольцев пожалует. А вперед княженецких вотчин не имати, а кто возьмет без государева ведома, и те вотчины взяти на государя безденежно».

Ограничивалось право вотчинника распоряжаться своим имуществом, в частности запрещалось отдавать вотчины по душе в монастыри, взамен вотчины предполагалась давать деньги, что касается самой вотчины, то ее необходимо было передать наследникам, хотя бы дальним. «А вперед митрополиту, и владыкам и монастырям земель не прибавливати никоторыми делы; жити им на тех землях, что ныне за ними». Владыкам и монастырям запрещалось приобретать земли каким-либо способом, исключением были пожалования от правительства (государя). Поскольку монастырский земельный фонд часто пополнялся за счет не выкупленных вотчин, которые отдавались в монастыри под залог, то приговором был введен запрет давать закладные: «...а митрополиту, и владыкам, и монастырям земель не покупать, и закладней не держать».¹ Обратим внимание, что за нарушение предусматривалась конфискация этих имуществ в пользу государства.

При этом приговор 1580 г. не ограничивал завещательное право вотчинников, поскольку монастыри в случае завещания им вотчин получали денежное возмещение со стороны казны. Введение этой нормы позволило царю сохранить за собой земли, которые были необходимы для раздачи служилым людям.

Также приговор устанавливал порядок наделения церкви землей, согласно которому недвижимые имущества предоставлялись государем, вопрос о предоставлении решался Боярской думой и Освященным собором.

¹ Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. № 40. С. 57-59.

Нормы, предусмотренные в приговоре 1580 г., ставили церковное землевладение под контроль государства, так как вводился запрет на приобретение земельных владений по завещаниям, купчим и закладным. Таким образом, Соборный приговор 1580 г. был направлен на то, чтобы остановить рост церковных и монастырских земель.

В период правления Ивана IV наряду с ограничением роста церковного землевладения были предприняты меры по уменьшению податных привилегий монастырей и духовенства. Так, по Соборному приговору 1584 г. запрещалась выдача новых тарханных грамот: «...чтоб вперед тарханам не быть, что земли митрополичи и архиепископли, и владычни, и монастырские в тарханех, и с тех никакие царские дани и земских разметов не платят, а воинство служилые люди те их земли оплачивают».¹

Согласно Соборному приговору 1584 г. «...церковь приобрела характер юридического субъекта, по своим качествам мало отличающегося от частного лица и прямо поставленного в зависимость от волеизъявления государства».²

Некоторые исследователи отмечали, что не было расхождений политики царя в отношении церковного землевладения с законодательством, направленным на ограничение монастырских вотчин за счет резервов служилого землевладения вплоть до Уложения 1649 г.³

На наш взгляд, одной из особенностей царской политики этого периода в отношении церковного землевладения была противоречивость, которая проявлялась в том, что все постановления, ограничивающие имущественные права церкви, не строго применялись на практике. Так, Иван IV, несмотря на приговор 1572 г., не позволявший давать вотчины крупным монастырям, пожаловал в 1575 г. Кирилло-Белозерскому монастырю, одному из крупных собственников того времени, два села с деревнями и пустошами в Ростовском и в Московском уездах. В 1583 г. вопреки приговору 1580 г., запрещавшему всякое

¹ Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. № 43. С. 62.

² Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. С. 128.

³ Горфункель А.Х. Рост землевладения Кирилло-Белозерского монастыря в конце XVI и в XVII вв. // Исторические записки. М., 1963. Т. 73. С. 222.

увеличение монастырских владений, тому же Кирилло-Белозерскому монастырю были пожалованы еще три села в Бежецком верху и в Костромском уезде.

Подтверждающие данные приводит в своем исследовании Л.А. Кириченко, изучавшая актовый материал Троице-Сергиева монастыря 1584–1641 гг.: «... на протяжении 1584–1612 гг., одного из неблагоприятных периодов в истории землевладения, Троице-Сергиев монастырь обогатился новыми вкладами. Он получил не менее 12 сел, 17 селец, 93,5 деревень, 147 пустошей, 32 починка, 3 городских двора – в Москве, Калуге и Ярославле».¹

В годы правления Бориса Годунова политика в сфере церковно-монастырского землевладения не носила ограничительный характер. Так, наряду с подтвердительными грамотами монастырям выдавались новые грамоты. Часть монастырей пользовалась особым вниманием с его стороны – Иосифов Волоколамский, Макарьев Калязинский, в 1591 г. около Москвы был построен Донской монастырь.²

Это было обусловлено тем, что после Смуты вопрос о земле для служилых людей не стоял так остро, как в предшествующий период, поскольку земли были разорены, часть из них пустовала. Подчеркнем, что в указанный период постановление собора 1580 г. не так строго исполнялось.

В начале XVII в. на имя царя подаются челобитные о признании права на владения, утраченные во время Смутного времени. Подтвердительные грамоты на свои владения, среди других собственников, получали и монастыри (13 августа 1606 г. Жалованная подтвердительная грамота ц. Василия Ивановича игумену Вяжицкого м-ря Закхею на беспошлинный проход судов и провоз продовольствия и монастырских запасов чрез Повенец, Свирь, Суму и Ладожский порог).³

В 1619 г. был образован специальный Приказ Сыскных дел, одной из основных функций которого был пересмотр жалованных грамот. Первоначально он представлял собой высшую судебную и бюрократическую инстанцию,

¹ Кириченко Л.А. Указ. соч. С. 48.

² Савич А.А. Монастырское землевладение на Русском Севере XIV – XVII. С. 217.

³ Акты Новгородского Вяжицкого монастыря конца XV – начала XVII в. № 94. С. 117.

занимающуюся разрешением земельных споров, а также вопросами земельных отношений.

В период правления Михаила Федоровича в сфере регулирования церковно-монастырского землевладения развивались тенденции, наметившиеся еще при Борисе Годунове:

1) Подтверждались жалованные грамоты, выданные в предыдущий период (5 марта 1615 г. Грамота нижегородским воеводам боярину кн. В.И. Бахтеярову-Ростовскому и Б.И. Нащокину с подтверждением жалованной грамоты Кирилло-Белозерскому монастырю о беспошлинной торговле старцев и слуг монастыря по разным городам).¹

2) Выдавались новые грамоты церквям и монастырям. Так, в феврале 1621 г. Антониево-Сийскому монастырю была дана жалованная грамота, по которой ему предоставлялись новые привилегии (беспошлинный провоз и беспошлинная продажа соли).²

Изменению политики государства в отношении церковно-монастырского землевладения в начале XVII в. способствовал ряд объективных причин. Среди них следует выделить особую роль церкви в борьбе с польской интервенцией (Гермоген, Троице-Сергиева Лавра) и восшествие на престол новой династии Романовых, в руках которой оказалась не только светская, но и духовная власть (патриарх Филарет).

Увеличение недвижимого имущества монастырей и церкви в первой половине XVII в., а также получение монастырями льгот, утраченных в конце XVI в., некоторые исследователи связывают с необходимостью восстановления церкви после Смуты, во время которой были изъяты из монастырской казны огромные средства для государственных нужд (С.В. Дорошкевич, В.В. Маландин).

Обратим внимание, что после Смуты с изданием 28 ноября 1620 г. указа, предоставлявшего особые права распоряжения владельцам, получившим вотчины

¹ РГАДА. Ф. 196. Собрание Ф.Ф. Мазурина. Оп. 3. Ед. 848. Л. 1–2.

² РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1627. Д. № 9. Л. 55–59. Список XVII в.

«за московское осадное сиденье» (разрешалась продажа, заклад, передача в приданое или вклад в монастырь), Соборный приговор 1580 г. потерял свою силу.

Принятие указа 1620 г. служит подтверждением того, что в первые годы после Смуты роль церкви возросла, что было связано, в том числе, и с субъективным фактором, а именно с личностью патриарха Филарета.

Указ по поводу нарушения закона 1581 г. (от 27 августа 1622 г.) вводил новую практику выкупа приобретенных монастырских вотчин. Однако его принятие не означало прекращения роста монастырского недвижимого имущества, так как выкупу не подлежали вотчины, поступившие в монастыри при царе Михаиле Федоровиче, данные по государеву именному указу и по челобитью вотчинников тех земель. Таким образом, выкупу не подлежали вотчины, поступившие в монастырь, на которые не была подана челобитная до 1613 г.: «...и тем вотчинам быть за монастыри по-прежнему, потому что те вотчины застарели в монастырех многими леты».¹

Это оговорка, по мнению В.Н. Седашева, объясняла позицию верховной власти в вопросе расширения монастырского землевладения.² По сути, указ 1622 г. носил компромиссный характер, поскольку правительство пыталось примирить интересы духовных феодалов и служилого дворянства.

Однако уже в 30-е гг. XVII в. политика государства в отношении имущественных прав и привилегий духовенства начинает меняться в сторону ограничения роста церковного землевладения и привилегий монастырей.

Так, указ от 31 июля 1634 г. предписывал выслуженные вотчины, отданные в монастырь вотчичами, не имеющими родственников, брать на имя государя и отдавать челобитчикам в поместье по государеву именному указу, а из казны за них давать монастырю деньги «по полтине за четверть».³

Настоящий указ, изданный в связи с челобитной архимандрита Чудова монастыря Кирилла о выплате монастырю денег за выслуженную вотчину,

¹ Памятники русского права. Вып. 5 : Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII в. / под ред. проф. Л.В. Черепнина. М. : Госюриздат, 1959. С. 440.

² Седашев В.Н. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII веке. М. : Типо-лит. В. Рихтер, 1912. С. 99.

³ Указ 1634 г. 31 июля О выкупе отданных в монастыри выслуженных вотчин из казны по полтине за четверть // Памятники русского права. Вып. 5. С. 468.

отданную в поместье по государеву указу, установил общее правило, о выкупе отданных в монастыри выслуженных вотчин. На наш взгляд, этот указ, с одной стороны, ограничивал рост церковного землевладения, а с другой – способствовал сохранению поместного фонда.

С целью ограничения у монастырей возможности увеличения земельных владений Уложением о вотчинах и поместьях 1636 г. вводился запрет монастырям обменивать свои земли на вотчины и поместья светских землевладельцев (ст.14).¹

Ограничения коснулись не только землевладения, но и других привилегий монастырей (судебных и налоговых – освобождение от тягла и других пошлин).

Так, указ 1640/1641 г. о решении дел по исковым челобитным к монастырским священникам и инокам по жребью, а к монастырским слугам и крестьянам – по крестному целованию, устанавливал подсудность монастырских властей и их людей обычному суду приказов. Таким образом, монастыри перестают пользоваться судебными привилегиями.²

Большинство дворов, принадлежащих церкви и монастырям, были освобождены от уплаты тягла и других налогов. 19 апреля 1645 г. был издан указ о включении в тягло дворов, торговых и промышленных помещений, земель и всех угодий, принадлежащих людям, взятым в гостиную сотню, и о запрещении отчуждать тяглые дворы, торговые и промышленные помещения беломестцам.

По этому указу запрещалось продавать, закладывать и давать вкладом тяглые дворы, торговые и промысловые помещения, земли и угодья духовным и светским беломестцам. Также предполагалась переселить торгово-промышленных крестьян с монастырских и церковных земель на посадки и обложить их податями: «..и с того живущего имать оброк, и дань, и стрелецкие и сибирские хлебные запасы, и ямские деньги, и всякие государевы и их мирские подати по тому ж, как емлют с усодских с отписных сох...». ³ Это был первый шаг на пути к отмене белых слобод.

¹ Уложение о вотчинах и поместьях 1636 г. // Памятники русского права. Вып. 5. С. 478.

² Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. № 282. С. 193.

³ РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1646. Д. № 154. Л. 318-334.; Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. № 303. С. 207-210.

Несмотря на ряд решений со стороны государства, направленных на ограничение размеров монастырского землевладения, пересмотр владельческих прав крупнейших церковных вотчинников, конфискационные меры, церковь в XVI–начале XVII в. по-прежнему остается крупным землевладельцем. При этом следует отметить тот факт, что церковь, владея недвижимым имуществом, не являлась абсолютным собственником земли, так как с XVI в. государство постепенно начинает ограничивать правомочия распоряжения церкви. Невозможны были никакие приобретения «без доклада государю». Все земли, приобретаемые церковью и монастырями, должны были быть признаны со стороны государства, для этого требовалось разрешение государя.

Вышеизложенный материал, позволяет выделить следующие особенности правового регулирования церковно-монастырского землевладения в XV–первой половине XVII вв.

Влияние канонических норм на регламентацию правового положения церкви, на определение ее отношения к обществу и государству, на регулирование церковных правоотношений, в том числе имущественной правоспособности церкви. Тесное взаимодействие канонического и светского права в период принятия христианства было обусловлено интернационализацией не только римско-византийских церковных нормы, но и норм светского законодательства, касавшихся брачно-семейных отношений, судопроизводства и системы наказания, которые были адаптированы и стали частью канонического права, одного из элементов правовой системы Российского государства. Таким образом, в период утверждения христианства канонические нормы и церковное законодательство оказывали непосредственное влияние на правовую регламентацию церковно-монастырской собственности.

В XVI–XVII вв. церковные отношения начинают регламентироваться и государственным законодательством. Начиная со второй половины XVI в., русское право относительно имущества религиозного назначения развивается в русле западноевропейского законодательства, что выразилось в издании амортизационных законов, направленных на ограничение роста церковного

недвижимого имущества. В период правления Ивана IV издается ряд правовых актов, ограничивающих рост церковно-монастырского землевладения. Аналогичная политика была продолжена и в период правления Алексей Михайловича (учреждение Монастырского приказа, регламентация правового режима вотчин в Соборном уложении 1649 г.). В последующий период влияние канонических норм становится опосредованным на уровне правосознания, в первую очередь, через философско-этические учения.

На наш взгляд, к особенностям правового регулирования вопросов имущественной правоспособности церкви в XVI–первой половины XVII в. также следует отнести непоследовательность политики государства, которая выразилась, с одной стороны, в заметном стремлении к ограничению церковно-монастырского землевладения (1551, 1580, 1584 гг.); с другой стороны, в признании незыблемости (неотчуждаемости) церковной собственности и в активном применении практики пожалования церквям и монастырям земельных владений в указанный период.¹

Нам видится, что особое значение в сфере регулирования вопросов церковной собственности, имели решения Стоглавого Собора 1551 г. и Соборного приговора 1580 г. Общим для этих правовых актов было то, что они провозглашали неотчуждаемость церковных и монастырских земель. Если решения Стоглавого собора, в первую очередь, были направлены на ограничение новых земельных приобретений (запрет приобретать вотчины духовенству и монастырям без доклада государю, в случае нарушения запрета, предусматривалась конфискация земель в пользу государства), то Соборный приговор 1580 г – на сохранение «статуса-кво» церковно-монастырского земельного фонда и недопущения его дальнейшего увеличения. В отмене тарханов в 1584 г. проявилось стремление власти не только пополнить казну, но и ограничить иммунитет церкви. Подчеркнем, что целью правового регулирования в сфере церковно-монастырского землевладения в XV–начале XVII в. была не

¹ *Алексеева Н.И.* Правовое положение церковного и монастырского землевладения в 16 – пер. пол. 17 вв.: история вопроса // Закон и порядок : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (31 января 2011 г.). М.: Спутник+, 2011. С. 159–160.

секуляризация как таковая, а приостановление интенсивного роста церковно-монастырской вотчины.

Земельная политика российского государства XVI–первой половины XVII в., нацеленная на защиту светского землевладения и ограничение церковно-монастырского, позволила укрепить централизованную власть и государственность и с принятием Соборного уложения 1649 г. поставить Церковь в зависимость от государства.

§ 3. Церковное и монастырское землевладение по Соборному уложению 1649 г.

Русская церковь в XVII в. с одной стороны, являлась крупнейшим феодальным институтом, с другой – составляющей частью феодальной государственности. Введение патриаршества в 1589 г. значительно подняло авторитет церкви: Русская православная церковь становится национальной, независимой от греческой Церкви, появляются свои святые, складывается система культов, вырабатывается определенная догматика, которая была утверждена на Стоглавом соборе – все это позволило усилить политическую роль церкви.

В период Смуты и при патриархе Филарете (1619–1633 гг.) происходит возвышение церкви. Во многом этому процессу способствовали не только реформы, проведенные Филаретом, но и личность самого патриарха, бывшего не только церковным, но и государственным деятелем. Однако в отличие от церкви католической Православная была менее самостоятельной и именно в это время Церковь становится зависимой от царской власти.

Н.М. Никольский в своей Истории церкви следующим образом охарактеризовал этот период: «...приобретя новый, более ослепительный, чем раньше, внешний блеск, церковь в области управления и даже культа превратилась, в сущности, в один из московских приказов; если в удельную эпоху князья церкви были действительно владетельными князьями, то теперь даже сам

патриарх вынужден был считаться с директивами и постоянным контролем со стороны царя и боярской думы».¹

Несмотря на попытки ограничения роста церковно-монастырского землевладения со стороны светской власти в 50–80-е гг. XVI в., крупные земельные владения по-прежнему оставались материальной основой независимости церкви. Светская власть в этот период основной своей задачей считала подчинение церкви государству, поскольку церковь к середине XVII в. являлась одной из немногих политических организаций общества, нарушающих принцип централизации.

Период Смуты, война со Швецией 1613–1617 гг., упадок хозяйства, увеличение сборов и пошлин и рост недоимок по ним – все это отразилось в первую очередь на положении крестьян и посадских людей. Первая половина XVII в. ознаменовалась чередой городских восстаний в Москве, Козлове, Курске, Сольвычегодске, Великом Устюге, Воронеже и в других городах.

В этих условиях для изменения ситуации властью были предприняты меры, одной из которых была разработка нового свода законов.

В 1648 г. была создана специальная комиссия, которая по поручению Алексея Михайловича занималась разработкой проекта, в ее состав вошли князь Н.И. Одоевский, С.В. Прозоровский, Ф.А. Волконский и думные дьяки Г. Левонтьев и Ф.А. Грибоедов. Перед комиссией «...стояла весьма сложная задача: свести воедино массу различных по своему происхождению правовых норм, приспособить содержание этих норм к условиям русского общества середины XVII в., расположить их в определенном порядке по главам».²

Комиссия успешно справилась с поставленными задачами, и в срок с 1 сентября 1648 г. по 29 января 1649 г. было составлено Уложение.³

Соборное уложение 1649 г. было разделено на 25 глав, содержащих в себе 967 статей. Источниками Уложения стали Судебники, указные книги приказов,

¹ Никольский Н.М. История русской церкви. 3-е изд. М.: Политиздат, 1983. С. 114.

² Томсинов В.А. Соборное уложение 1649 г. как памятник русской юриспруденции // Правоведение. 2007. № 1. С. 176.

³ Новомбергский Н.Я. К вопросу о внешней истории Соборного Уложения 1649 года // Исторические записки. М., 1947. Т. 21. С. 44.

царские указы, думские приговоры, решения Земских соборов, Стоглав, литовское и византийское законодательство (Западнорусский Статут; нормы, заимствованные из Эклоги и Прохирона), петиции дворянства и горожан. Характерной особенностью Соборного уложения было разделение норм по отраслям и институтам, но казуальность в изложении по-прежнему сохранялась.¹

При создании Соборного уложения 1649 г., как и при создании Судебников 1497, 1550 гг., большое количество статей было заимствовано, в частности из Литовского статута, более 20 статей из Прохирона, из византийского права были заимствованы нормы, регулирующие договор займа, подряда, ссуды и найма. Но в отличие от предыдущего периода это была не просто компиляция и включение отдельных норм византийского права, а переработка использованного материала в соответствии с реалиями времени. Уложение содержало комплекс норм, регулирующих важнейшие отрасли государственного управления, условно эти нормы можно отнести к административным, по сути это было государственное право Московского Царства.

Особое значение для нашего исследования имеют нормы, регулирующие имущественные вопросы, включая землевладение и связанные с ним привилегии. Право собственности регламентировалось главой XVI о поместных землях и главой XVII о вотчинах. Глава XII о Суде патриарших приказных и дворовых всяких людей и крестьян и глава XIII о Монастырском приказе. Посадская реформа, изменившая положение «белых слобод» (Глава XIX).

Соборное уложение 1649 г. регламентировало учреждение Монастырского приказа в качестве самостоятельного установления: «А ныне государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси, по челобитью стольников, и стряпчих, и дворян московских, и городовых дворян, и детей боярских, и гостей, и гостиные, и суконные, и иных разных сотен и слобод и городовых торговых и посадских людей, указал Монастырскому приказу быти особно, и на митрополитов, и на архиепископов, и на епископов, и на их приказных и дворовых людей, и на детей боярских, и на их крестьян, и на монастыри, на

¹ *Исаев И.А.* История России: Правовые традиции. М. : ЮКИС, 1995. С. 32.

архимандритов, и игуменов, и на строителей, и на келарей, и на казначеев, и на рядовую братию, и на монастырских слуг, и на крестьян, и на попов, и на церковной причет, во всяких исцовых исках суд давати в Монастырском приказе».¹

В Главе XIII определялся объем и границы юрисдикции Монастырского приказа. Он создавался как особая структура, основной функцией которого первоначально было ведение суда над духовенством, а также над большей частью тех лиц, что выводились церковными тарханами из-под светской юрисдикции.

По Уложению в Монастырском приказе «сосредоточен гражданский суд во всех исках гражданских на всех (за исключением патриарха и его области), духовных лицах и учреждениях им подвластных по владельческим правам».²

Таким образом, ему было подсудно духовенство, черное и белое, а также зависимые от него люди, по значительной части дел, кроме духовных и крупных уголовных преступлений. Исключением была патриаршая область, оставленная в ведении патриарха: «На патриарших приказных и на дворовых людей и на детей боярских и на крестьян и на всяких чинов людей, которые живут в патриарших в домовых вотчинах, во всяких делах суд давати бессрочно на патриаршем дворе...»

Глава XII подтверждает исключительное право патриарха вершить суд над лицами, находившимися у него на службе и над жителями патриарших вотчин. Подчеркнем, что статьей второй вводилась норма, предусматривающая возможность обжалования решений патриаршего суда в государственном суде: «А будет патриарши приказные люди, в каком деле праваго обвинят, а виноватаго оправят по посулом или по дружбе, или по недружбе, и тем людем, кто будет обвинен не по делу, на тех патриарших приказных людей бити челом государю, и по тому челобитью спорные дела ис патриарших приказов вносить к государю и ко всем боярам.»

¹ Соборное уложение 1649 года. Глава XIII. Ст. 1. // ПСЗ РИ. Т. I. № 1.

² Горчаков М.И. Монастырский приказ. (1649 – 1725 г.). С. 69.

Анализ главы XII, позволил заключить, что фактически суд патриаршего двора включался в единую систему общегосударственного суда, поскольку на патриарший суд стали распространяться и общие законы судопроизводства, предусмотренные Уложением в области материального и процессуального права.

В результате преобразований, предусмотренных Соборным уложением, уменьшились полномочия Патриаршего двора. В управлении патриарха осталась только патриаршая область, остальные территории, принадлежащие церкви, передавались Монастырскому приказу.

Следующим шагом в подчинении церковной власти светской были ограничения, касавшиеся вопросов приобретения, владения и распоряжения землей. Соборное уложение 1649 г. ограничивало приобретение земель церковью, определяло правовой режим поместного и вотчинного землевладения, содержало нормы о залоге.

Главным объектом права собственности была земля. В главах XVI и XVII Соборного уложения определялся правовой режим основных видов феодального землевладения: *вотчины* – земельного угодья, находящегося в полной собственности, и *поместья* – земли, которой владели на условиях государственной службы.

В Соборном уложении 1649 г. по способу приобретения выделялись три разновидности вотчин: наследственные (родовые); выслуженные – полученные от князя за определенные заслуги (жалованные); купленные – приобретенные за деньги у других феодалов. Правомочия собственника по распоряжению своей вотчиной находились в прямой зависимости от того, к какому из этих видов относилось его земельное владение.

По субъектам можно выделить следующие формы землевладения: феодальное, крестьянское, монастырское и церковное, дворцовое и государственное.

Вотчинное землевладение, возникшее в период удельных княжеств, сохранялось и в XVII в. Но в это время несколько изменился его правовой режим. Владельцы вотчин, распоряжавшиеся своим участком на праве полной

собственности, обязаны были предоставлять в государственное войско вооруженных воинов.

Что касается поместий, условных временных земельных владений, то они к XVII в. практически полностью вытеснили вотчину и составили около 80% всех земель. Раздача этих земель в пользование была обусловлена воинской обязанностью и временем несения службы.

По Уложению субъектом собственности оставалось государство в лице царя, обладающего верховными правами на все земли государства. За помещиком закреплялось только право пожизненного владения. При этом в Уложении предусматривалось право передавать управление землей с обязанностью военной службы (Глава XVI, статья 9). Поместные земли, попадающие в наследственное владение и пользование, приближались по своему статусу к вотчинам, так как принимали форму полной собственности. Это имело особую значимость в случае превращения поместья в вотчину (при обмене или передаче по наследству).¹

Так, статьи 3 – 5 Главы XVI предусматривали обмен поместий на вотчины и наоборот, что противоречило самому существу условной формы землевладения, которой являлось поместье.

По Соборному уложению были расширены права владельцев поместий, что свидетельствовало о постепенном сближении правового режима вотчин и поместий, однако в этот период вотчина по-прежнему оставалась более привилегированной формой землевладения.

Дробление правомочий способствовало значительному усложнению той системы связей, которые складывались между различными субъектами. Превращение одного правомочия в другое, вызванное волевым актом (пожалование, завещание) или фактом (смерть, поступление на службу), изменяло границы правового статуса лица или вещи, обеспечивало внутренний динамизм гражданского оборота.

Согласно Уложению, «поместные и вотчинные земли подвергались строжайшей законодательной регламентации, что свидетельствовало об

¹ *Исаев И.А.* История России: Правовые традиции. С. 45.

ограничении частной инициативы в вопросах владения и распоряжения землей», рост права землевладельцев сопрягался с ростом их служебных и тяглых обязанностей перед государством.¹

Правовой режим церковных вотчин был обусловлен особым характером субъекта собственности, а также принципом неотчуждаемости. Субъект церковной собственности не был достаточно консолидирован, поскольку церковными имуществами, в том числе землей, в XVI–XVII вв. пользовались и распоряжались отдельные церковные учреждения: монастыри, епископы, приходские церкви.

Если государственные земельные владения подвергались постоянному дроблению в ходе земельных раздач (прежде всего в поместья), то церковь, не имевшая права отчуждать свои имущества, аккумулировала их в своих руках, что позволило ей достаточно быстро увеличивать размеры землевладения.

В связи с этим светская власть, с одной стороны, всячески ограничивала приобретения недвижимого имущества, а с другой – пыталась установить контроль над имущественным фондом церкви. Подтверждением этому служит политика Ивана IV и Алексея Михайловича. С введением Соборного уложения 1649 г. светская власть предприняла очередную попытку остановить рост церковного и монастырского землевладения.

После принятия Соборного уложения 1649 г. церковное землевладение могло пополняться только за счет царских пожалований. Кроме того, контроль за церковно-монастырскими землями передавался государственному органу – Монастырскому приказу.

Пожалование земли представляло собой сложный комплекс юридических действий, включающий выдачу жалованной грамоты, составление записи в приказной книге, содержащей определенные сведения о наделяемом лице, об основаниях его права на землю. Обязательным действием был ввод во владение, который заключался в публичном отмежевании земли. Раздачу земли в

¹ Сахаров А.М. Феодальная собственность на землю в Российском государстве XVI–XVII вв. // Проблемы развития феодальной собственности на землю / отв. ред. А.М. Сахаров. М. : Изд-во МГУ, 1979. С. 105.

рассматриваемый период осуществляли несколько приказов: Поместный, Разрядный, Малороссийский, Новгородский, Сибирский и Приказ Большого дворца.

Также Соборному уложению известны договоры купли-продажи, мены, дарения, хранения, поклажи, найма имущества и другие. В Уложении нашли отражение и формы заключения договоров. Регламентировались случаи заключения договоров в письменной форме, для некоторых видов сделок (например, отчуждение недвижимости) устанавливалась крепостная форма, требовавшая «рукоположительства» свидетелей и регистрации в Приказной избе.

По Соборному уложению, с одной стороны, прямо запрещались определенные способы приобретения недвижимого имущества для церкви и монастырей (вклады на помин души, купля, продажа и заклад), с другой – государство стало контролировать сформированный имущественный фонд церкви. Церковные земли раздавались на правах жалованных вотчин или в качестве поместного владения людям, выполнявшим служилые функции для церкви. Однако статья 66 Главы XVI запрещала патриаршим детям боярским владеть поместьями из государевых земель: «А которые дети боярские служат во дворе у патриарха, и за теми патриаршими детьми боярскими государевым поместным землям не быть, а поместить их патриарху домовыми землями».¹ Также не допускалась передача поместных земель монастырям.

Уложение запрещало продавать, закладывать или отдавать на помин души вотчины монастырям и церкви. Если по Статейному списку от 3 декабря 1627 г.² принявшие постриг сохраняли за собой вотчины до смерти, то по Соборному уложению вотчинник, который уходил сам в монастырь, должен был перед этим продать или передать свои вотчины родственникам. Важно заметить, что Соборное уложение ограничивало способы приобретения земель в вотчину, это лишало церковь возможности увеличивать свои земельные владения легальными способами.

¹ Соборное уложение. Глава XVI. Ст. 66.

² 1627 г. Декабря 3 Статейный список, содержащий 9 указов о наследовании выслуженных и родовых вотчин. // Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. № 161. С. 133-136.

Запрещалось приобретение вотчин боярским людям и монастырским слугам: «А боярским людям и монастырским слугам вотчин не покупать и в закладе за собою не держать».¹

На Соборе 1648 г. был принят запрет высшим духовным чинам и монастырям покупать, брать в заклад или в качестве вклада по душе родовые, выслуженные и купленные вотчины, а вотчинникам, соответственно, продавать или закладывать их духовным лицам и корпорациям: «...впредь с нынешнего уложения патриарху, и митрополитом, и архиепископом, и епископом, и в монастыри ни у кого родовых и выслуженных и купленных вотчин не покупати и в заклад не имати, и за собою не держати, и по душам в вечной поминок не имати никоторыми делы, и в Поместном приказе за патриархом, и за митрополиты, и за архиепископы, и епископы, и за монастыри таких вотчин не записывати, а вотчинником никому вотчин в монастыри не давати.»

После царского указа 1537 г. Ивана IV, разрешавшего продажу в вотчину порозжих поместных земель, дворовые дети боярские и прочие слуги патриарха и других высших церковных иерархов обзавелись купленными вотчинами. Статья 37 Главы XVII «О вотчинах» Соборного уложения ограничивала право владения купленными вотчинами, оставив его только за детьми боярскими. Для остальных ставилось условие: «А которые патриарши же, и митрополичи, и архиепископли, и епископли дворовые люди, неслужилых отцов дети, и не природные дети боярские покупали себе вотчины, и тех патриарших, и митрополичих, и архиепископлих, и епископлих дворовых людей по тем вотчинам написати в государеву службу з города. А будет кто ис тех патриарших, и митрополичьих, и архиепископлих, и епископлих детей боярских государевы службы служить не похощет, и у него купленная его вотчина взяв, отдати в роздачу, кому государь укажет».² Указанная норма преследовала цель не только ограничить землевладение, но и пополнить государственных служилых людей за счет слуг церковных иерархов.

¹ Соборное Уложение. Глава XVII. Ст. 41.

² Соборное Уложение. Глава XVII. Ст. 37.

Статья 42 Главы XVII запрещала завещать, продавать или закладывать родовые, выслуженные или купленные вотчины духовенству и монастырям, что также свидетельствовало об ограничении церковного землевладения.

Мы видим, что в отличие от предыдущих правовых актов Соборное уложение ввело запрет на приобретение вотчин не только монастырям, но и высшим церковным иерархам. Светская власть, предвидя недовольство духовенства, посчитала необходимым подчеркнуть тот факт, что решения, направленные на ограничение церковного землевладения, приняты государем по совету с патриархом и всем освященным собором, с боярами и выборными людьми: «...государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси, советовав со отцем своим и богомольцем святейшим Иосифом патриархом Московским и всея Руси, и с митрополиты, и со архиепископы, и с епископом, и со архимандриты, и игумены, и со всем Освященным собором, и говоря с своими государевыми бояры, и с окольничими, и з думными людьми и с стольники, и с стряпчими, и з дворяны московскими, и з городовыми дворяны и детьми боярскими указал, и собором уложили:...».¹

В основу главы XIX Соборного уложения была положена петиция, поданная царю в октябре 1648 г. делегатами Земского собора от горожан, которые требовали уравнение «белых слобод» в городах. Предписывалось возвращение государству всех поселений с их жителями, которые должны были платить налоги и нести тягло (статья 1).

Уложение регламентировало ликвидацию «белых слобод», большая часть которых принадлежала церковным иерархам и монастырям: «Которые слободы на Москве патриарши и митрополичи и владычни и монастырские ..., а в тех слободах живут торговые и ремесленные люди...а государевых податей не платят и служб не служат, и те все слободы со всеми людьми, которые в тех слободах живут, всех взяти за государя в тягло и в службы безлетно и бесповоротно...».²

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л. : Наука, 1987. С. 90.

² Соборное уложение. Глава XIX.

Подчеркнем, что указанная мера касалась всех частновладельческих слобод, при этом в большей степени затронула церковную собственность, поскольку на нее приходилось не менее 60% всех слобод.¹

Согласно этой статье церковь не только лишалась податных привилегий в городах, но и лишалась самих слобод, которые передавались в пользу государства, а их жители получали статус горожан (посадских), обязанных выплачивать налоги. Исключение было сделано только для части патриарших слобод. Кроме того, земли, находящиеся во владении церковных иерархов и монастырей, выгодные для ремесла и торговли, заменялись другими.²

Характерной чертой имущественных отношений, регулируемых Соборным уложением 1649 г., стала неустойчивость статуса самого субъекта прав. Также имела место тенденция к расщеплению права собственности на один и тот же объект. Прежде всего, это выражалось в дроблении нескольких правомочий, связанных с одним субъектом и одним правом. Так, условное землевладение давало субъекту права владения и пользования, но не распоряжения (последнее правомочие осуществлялось только через систему внешних и полуфиктивных мер: запись на службу несовершеннолетних сыновей, выдача дочери замуж за человека, принимающего служебные обязанности ее отца).³

Обобщая вышесказанное, подчеркнем что, принятие Соборного уложения было переломным моментом в политике государства по ограничению роста церковного землевладения.

Говоря об общих тенденциях, связанных с нормативным регулированием вопросов церковно-монастырского землевладения, считаем необходимым сделать акцент на тех направлениях, в рамках которых были урегулированы взаимоотношения церкви и государства Уложением 1649 г.: церковное землевладение; церковная юрисдикция, в первую очередь по вопросам суда; податные и административные привилегии.

¹ *Талина Г.В.* Выбор пути: русское самодержавие второй половины XVII – первой четверти XVIII века. М. : Русский Миръ, 2010. С. 352.

² См.: *Арсеньева Г.В.* Государство и церковь во второй половине XVI первой четверти XVIII вв. (Историко-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. Саратов, 1999.

³ См.: *Исаев И.А.* История России: Правовые традиции. С. 42-43.

Что касается земельных владений церкви, то они ограничивались, в частности введением запретов для церкви на отдельные способы приобретения земельных владений (купля, продажа, заклад), не допускалось завещание церкви и монастырям недвижимого имущества (вклады «на помин души»). Церковно-монастырское недвижимое имущество было поставлено под контроль государственного органа – Монастырского приказа.

Светской власти также удалось уменьшить объем судебных и административных прав церкви и монастырей. Сокращение объема судебных полномочий церкви по Соборному уложению выразилось в лишении церковных иерархов права суда; в передаче под юрисдикцию гражданского суда большей части дел, ранее находившихся в церковной юрисдикции. Исключением был патриарх, за которым сохранялось право вершить суд, но оно распространилось лишь на Патриаршую область.

Таким образом, духовенство и подвластные ему лица в делах гражданских становятся подсудны светскому суду. Преобразования в сфере судопроизводства изменили не только принцип подсудности духовенства, но и лишили церковь определенной статьи доходов в виде судебных пошлин.

Учреждение Монастырского приказа, которому были переданы судебные функции, а затем финансовые и административные, позволило светской власти установить контроль над церковной администрацией и населением церковных и монастырских вотчин. Это было еще одним шагом на пути подчинения церкви государству и включения церковного управления в общую систему государственного механизма.

Нормы, регулирующие ликвидацию «белых слобод», означали отмену податных привилегий церкви и изъятие самих слобод в пользу государства.

Подводя итоги второй главы, автор диссертации на основе анализа Судебников 1497, 1550 гг., Соборного уложения 1649 г. и других актов, предлагает выделить следующие этапы правового регулирования имущественных вопросов в период XV–XVII вв.

Первый этап (XV в. – 1550 г.) Правомочия пользования и распоряжения церкви и монастырей были ограничены лишь учением о неотчуждаемости церковной собственности. При этом отметим, что на практике этот принцип воплощался, не столь последовательно, как был заявлен. В правовых актах указанного периода не было каких-либо ограничений по приобретению имущества, что обусловило формирование церковно-монастырской собственности и превратило Церковь в крупного землевладельца.

Второй этап (1550 – 1649 гг.) Данный период характеризуется стремлением светской власти ограничить имущественную правоспособность церкви. В правах были ограничены отдельные монастыри, отменялись иммунитетные пожалования, вводились ограничения на специфические способы приобретения имущества (вклады на помин и вклады при пострижении). На этом этапе курс, выбранный государством в решении вопросов имущественной правоспособности церкви, был непоследовательным. Уже после Смуты многим монастырям вновь раздавались земли, а также подтверждались прежние жалованные грамоты и отдельные привилегии монастырей. Несмотря на ограничение размеров монастырского землевладения, пересмотр владельческих прав крупнейших церковных вотчинников, конфискационные меры, церковь в XV–XVI вв. по-прежнему оставалась крупным землевладельцем.

Третий этап (1649 г. – конец XVII в.) Государственная власть устанавливает контроль над имущественным фондом церкви. С принятием Соборного уложения был введен ряд ограничений в отношении имущественной правоспособности, а также других привилегий церкви. Лица, вступавшие в монашеское звание, утрачивали право владеть вотчинами. Они были обязаны родовые и выслуженные вотчины передать своим законным наследникам, а купленные вотчины продать или отдать безвозмездно. Были ограничены судебные привилегии, земельные владения, отменены «белые слободы».

Ограничение привилегий, связанных с церковным землевладением, а также таможенных привилегий монастырей, которые отменялись указами 1672 гг. «и

впредь никому в тех местах тарханом не быть»¹ и 1677², привело к изменению правового положения церкви, которая с этого момента стала частью государственного механизма. Во власти церкви преимущественно стала находиться нравственная жизнь общества.

¹ Об уничтожении тарханных грамот. 1 марта 1672 г. // ПСЗ РИ. Т. I. (1649–1675 гг.). № 507.

² Об отмене тарханных грамот, в подтверждении указа 1 марта 1672 г. // ПСЗ РИ. Т. II. (1676–1688 гг.). № 699.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЦЕРКОВНЫХ И МОНАСТЫРСКИХ ЗЕМЕЛЬ В XV–XVII ВВ.

§ 1. Классификация церковных и монастырских земель в XV–XVII вв.

Вопросы, связанные с церковным имуществом, всегда были актуальны, поскольку затрагивали не только церковные интересы, но и государственные. Необходимость имущества у церкви признавалась не только в церковных канонах, но и со стороны государства со времен Константина Великого.

Еще в своих лекциях об имущественном праве профессор А.С. Павлов обратил внимание на то, что церковь должна быть признана юридическим лицом со стороны государства для того, чтобы она могла обладать имущественными правами. «Чтобы естественное право церкви на приобретение имущества в собственность облекалось во все обыкновенные формы частного и гражданского права, для этого необходимо, чтобы государство, в сфере деятельности которого находятся все материальные блага, признало церковь субъектом прав, т. е. юридическим лицом. В противном случае церковь может владеть имуществом только фактически».¹

Церковь владела имуществом уже со времен Владимира. Так, в ст. 3 Устава Владимира Святославича говорится, что первой созданной после крещения Руси церкви Святой Богородицы Десятинной в качестве источников финансирования была установлена «десятина» – одна десятая часть всех княжеских доходов от сборов урожая и приплодов скота, торговли и судебных дел. Впоследствии десятина стала податью всего населения.²

И.Н. Фалалеева, уделившая в своем исследовании большое внимание юридической природе древнерусской десятины, указывала на то, что «Большинство отечественных исследователей признают ветхозаветное происхождение русской церковной десятины, что позволяет считать ее реально

¹ Павлов А.С. Из лекций: Имущественное право Церкви // Богословский вестник. 1901. Т. 3, № 10. С. 217-218.

² Устав Владимира Святославича // Российское законодательство X – начало XX вв. Т. 1. С.139.

существовавшим сбором, быстро сделавшим церковь наиболее авторитетным субъектом политико-правовой системы не только в идеологическом, но и экономическом плане. Благодаря усвоению десятиной статуса политической нормы, церковь на Руси становится первым крупным землевладельцем».¹

Обратим внимание, что XV–XVI вв. в России это время интенсивного формирования различных форм землевладения, в том числе церковного и монастырского. Церковь и монастыри владели движимыми и недвижимыми имуществами, среди которых были населенные и ненаселенные земли. Недвижимое имущество принадлежало архиерейским кафедрам, монастырям, городским и сельским церквям.

Следует отметить, что если в XV в. все недвижимое имущество можно было разделить на земли, полученные в управление на началах кормления, и земли, которые находились в собственности, то уже к началу XVI в. церковь стала не только фактическим, но и юридическим собственником земель, так как имела правомочия пользования и распоряжения. И это право вплоть до середины XVI в. не подвергалось никаким ограничениям, что позволило церкви стать крупным землевладельцем. К середине XVI в. «церковные владения составляли треть всей территории государства».²

Несмотря на то, что политика государства в сфере церковно-монастырского землевладения, начиная со второй половины XVI в., была направлена на ограничение роста земель церкви и монастырей, православная церковь сохраняет свои позиции как крупный землевладелец и на протяжении XVII в.

По подсчетам Я.Е. Водарского в XVII в. (данные приводятся на 1630 г.) церквям, монастырям и архиереям принадлежало 7 млн. десятин земли, из которых 2/3 было сосредоточено в руках монастырей (4,7 млн. десятин), у архиереев – 1,3 млн. десятин, у церкви – 1 млн. десятин.³

¹ Фалалеева И.Н. Политико-правовая система Древней Руси. IX–XI вв. Волгоград: Издательство Волгоградского гос. ун-та, 2003. С.47.

²Красножен М.Е. Краткий очерк церковного права. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1900. С.148; Мельгунов С.П. Наши монастыри. К вопросу о секуляризации монастырских земель. М. : Типография Товарищества ЗАДРУГА, 1917. С.4.; Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. С. 115.

³ Водарский Я.Е. Землевладение русской православной церкви и ее хозяйственно-экономическая деятельность (X – начало XX в.) // Русское православие: вехи истории / науч. ред. А.И. Клибанов. М. : Политиздат, 1989. С. 558.

С земельной собственностью церкви и монастырей были связаны различные категории населения, в том числе крестьяне, бобыли, которые проживали на церковных землях: «В Кремле городе на дворе Ярославля Спасского монастыря монастырские крестьяне и бобыли».¹

В Писцовой книге XVI в., в списке, составленном в 1573–1574 гг. в Московском уезде, относительно владений отдельных монастырей находим следующие сведения: Чудов монастырь «село Борисовское, на р. Мытищах: пашни монастырские худ. Земли 118 чети, да крестьянской пашни 24 чети...» Аналогичные сведения встречаются в Дозорной книге вотчин Чудова монастыря: «Деревня Родивоново, а в ней крестьянских дворов: двор Шестунка Ондреев, двор Шестунка Степанов... да двор бобыль Богдашко Матвеев».²

Из приведенных контекстов видно, что на монастырской земле существовала крестьянская пашня, а также крестьянские дворы и дворы бобылей. Анализ писцовых книг позволяет заключить, что церкви было свойственно не только землевладение, но и дворовладение. Так, по подсчетам А.А. Преображенского во владении церкви находилось около 150 тыс. дворов зависимого населения.³

При этом следует учитывать, что география владений была различна. Отдельные монастыри и церкви имели разные по количеству дворов владения в различных уездах. Например, владения Троице-Сергиева монастыря располагались в 42 уездах и составляли по подсчетам разных авторов от 16813⁴; 20131⁵ до 21014 дворов⁶. Более средние цифры представлены в исследованиях Я.Е. Водарского – 18,5 тысяч дворов⁷, к этим владениям стоит отнести еще и дворы приписных монастырей, общее количество которых составило около 1796 дворов.

¹ Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. Ярославль : Типолит. Николаевой, 1913. С. 221.

² Писцовые книги Московского государства. С. 6,7.; РГАДА. Ф. 281 Грамоты Коллегии экономии по г. Костроме № 201/5168 Л. 36, Л. 36 об.

³ Преображенский А.А. О православной церкви в истории России XVII века. С. 95.

⁴ Новосельский А.А. Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. // Исторический архив. 1949. № 4. С. 94-95.

⁵ Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М. : Наука. 1977. С. 43, 53.

⁶ Черкасова М.С. Указ. соч. С. 326.

⁷ См.: Водарский Я.Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII – начале XVIII в. // Историческая география России XII – начала XX вв. М. : Наука, 1975. С. 85; его же. Землевладение русской

Вотчинное право церкви или монастыря подтверждалось жалованными и вкладными грамотами. Как правило, оно подкреплялось различными привилегиями и льготами по отбыванию повинностей, которые предоставлялись вместе с владением и составляли основу церковно-монастырского иммунитета. Церковные земли, освобожденные от определенных налогов, были привлекательны для зависимого населения, поскольку в отличие от земель других вотчинников налоговый гнет был на них значительно меньше.

Высшее духовенство, обладающее налоговым и судебным иммунитетом, имело право привилегированного владельца: управляло землями, собирало оброки и поземельные доходы, также церкви принадлежало право суда. Церковные власти обладали определенными правомочиями в отношении зависимых категорий населения. Крестьяне и бобыли платили оброк в пользу церкви. Помимо доходов с недвижимых имений, были доходы с кафедральных церквей, с низшего духовенства и доходы за проведение религиозных обрядов. Все это способствовало укреплению позиций церкви в экономическом плане. Таким образом, в руках церковных и монастырских властей были сосредоточены финансовые, административные и судебные полномочия.

Отдельные церковные учреждения, в том числе и монастыри, владели землями на вотчинном праве, однако это право в отношении церковного и монастырского землевладения невозможно отождествлять с правом полной собственности, так как оно было ограничено учением о неотчуждаемости церковных имений, как посвященных Богу.

При этом принцип неотчуждаемости нередко нарушался. Так, анализ грамот позволяет заключить, что монастыри меняли, продавали и закладывали свои вотчины: 1464–1473 гг. Купчая грамота попа Фомы Романовского на деревню Васильевскую Голямова, в Переяславском у., проданную ему старцем Троицкого Махрищского монастыря А. Афанасьевым; октябрь 1499 г. Меновая грамота на село Максимовское с деревнями и селищами, во Владимирском уезде,

выменянные, по приказу митрополита Симона, его дворецким К.Я. Вяткой Сахарусовым у братья Сновидского монастыря на сельцо Телмячеево и селище Шалдово в том же уезде.¹

От вотчинного землевладения следует отличать держание монастырем земли на оброке (Дело об отдаче в оброк церковной Богородицкой земли Василию Федорову в Верейской десятине, Боровского уезда; Дело об отдаче в оброк церковной Николаевской земли на р. Свободе крестьянину Кириллу Иванову Алексинского уезда; Дело об отдаче в оброк тарушанину Игнатию Корднокову церковных Успенской и Георгиевской земель на реке Оке и речке Таруссе Барусской десятины).²

Монастырь держал землю на оброке в следующих случаях: если у него не было своих собственных вотчинных владений, либо ему были необходимы дополнительные земли для округления монастырского владения или для налаживания монастырского хозяйства в других районах. Для крупных монастырей отдать земли на оброк было своеобразным предпринимательством, так как сам монастырь был не в состоянии обрабатывать все свои земли собственными силами.

Практика сдачи земель на оброк получила распространение со второй половины XVI в. С одной стороны, это было обусловлено развитием товарно-денежных отношений, а с другой – наличием большого количества запустевших земель в период после Смуты.³

Также недвижимое имущество могло принадлежать церкви на праве залога, об этом свидетельствуют такие виды актов как заемная запись и закладная кабала. В случае денежного займа у монастыря или церкви составлялась закладная кабала, по которой на время займа монастырю или церкви передавались земли. Если долг не выплачивался в установленный срок, то кабала на заложенное владение становилась купчей: «...ся кабала...купчая на ту нашу отчину».⁴

¹ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XVI веков. Ч. 1. 1951. № 127. С. 118, № 176. С. 160.

² РГАДА. Ф. 235 Патриарший (Синодальный) казенный приказ. Д. 6272, Д. 6273, Д. 6274, Д. 6426.

³ Савич А.А. Монастырское землевладение на Русском Севере XIV – XVII вв. С. 167.

⁴ Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря. № 139. С. 166, № 141. С. 168.

На основе анализа актового материала и посредством изучения жалованных и вкладных грамот, церковные и монастырские земли можно классифицировать по различным критериям.

Владения церкви и монастырей можно разделить на три основных вида – тяглые, оброчные и льготные. Критерием для такого деления является налоговый иммунитет.

Что касается тяглых земель, то их отличительной чертой была плотная заселенность. Население этих территорий обязано было нести тягло – платить государственные платежи (ямские деньги, подьячие пошлины, обежная дань, монастырский хлебный оброк, денежный оброк и др.).

К льготным церковным и монастырским землям относились населенные земли, которые были освобождены от уплаты государственных податей на несколько лет. В церковных приходах такие земли обрабатывались лично священниками и членами притча.

К оброчным землям относились территории, на которых были расположены соляные варницы, рыбные ловли, борти, сенокосы, то есть территории, связанные с промыслами и, как правило, малонаселенные. С этих видов земель взимался денежный оброк.

В основу классификации также может быть положен критерий населенности. В соответствии с ним земли церкви делятся на населенные (села, починки, деревни, дворы) и ненаселенные (пустоши, леса, сенокосы, пастбища, соляные промыслы и т. д.).

Исследуя вопросы церковно-монастырского недвижимого имущества, в том числе земельные владения приходов и приходского духовенства, в зависимости от объема правомочий можно выделить следующие категории земельных владений.

Арендованные земли. В связи с отсутствием у монастыря и церкви своих собственных владений или необходимостью иметь дополнительные территории для ведения хозяйства священники брали у местных землевладельцев наделы в аренду и платили государственные налоги с доходов.

Частные владения церквей и монастырей (церковные и монастырские вотчины). Доходами с таких земель в приходских церквях чаще всего распоряжались не священники, а церковные старосты или владельцы церкви. Личные земельные владения священнослужителей, в том числе и земли, переданные священникам или настоятелям их духовными детьми по завещаниям.

С введением патриаршества начинают складываться патриаршие вотчины, в состав которых входили: 1) домовые патриаршие вотчины, среди них выделялись десятинные земли, обрабатываемые на патриарха, и крестьянские земли, с которых в патриаршую казну поступали подати; 2) вотчины домовых патриарших монастырей, одна часть этих земель находилась в непосредственном пользовании монастыря, другая была неотъемлемыми владениями крестьян; 3) вотчины, которые отдавались патриаршим дворянам в поместья.¹

Оброчные – это те земли (пашенные, сенные покосы или промыслы), которые монастыри и церкви отдавали на оброк, поскольку собственными силами не могли их обработать, либо с целью извлечения материальной выгоды. Монастыри могли сдавать пашенные земли в аренду, о чем свидетельствуют оброчные записи на аренду отдельных участков монастырских земель. В этих случаях, как правило, преобладал краткосрочный договор. На более длительный срок сдавались в аренду промыслы и сенные покосы.

Заложенные земли – земли и угодья, которые передавались на время погашения долга в пользование церкви и монастыря и принадлежали на праве залога. В случае невыплаты долга закладная могла стать купчей «ся кабала и купчая грамота».

Таким образом, земли церкви и монастырей могли быть населенными и ненаселенными; тяглыми, оброчными и льготными; принадлежать церкви и монастырям на праве собственности, то есть на вотчинном праве, среди которых необходимо различать патриаршую, церковную и монастырскую вотчину, а также

¹ См.: Патриаршие вотчины в России // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXII. СПб. : Типолит. И.А. Ефрона, 1898. С.33-36.

личные земельные владения церковных иерархов и священнослужителей, на праве аренды, залога или сдаваться на оброк.

Вопрос о времени складывания «монастырской вотчины» в историко-правовой науке дискутируется. Несмотря на то, что церковь и монастыри владели имуществом со времени своего возникновения, С.Б. Веселовский утверждал, что монастыри не могли быть вотчинниками, так как в актах к церковным и монастырским земельным владениям это понятие стало применяться только с середины XVI в. Именно в это время сформировалось представление о вотчине как «о полном, вечном праве владения недвижимостями, независимо от того, кому она принадлежит, физическому или юридическому лицу, досталась ли она вотчиннику по наследству, то есть была вотчиной в узком смысле слова, или приобретена другими способами: куплей, залогом, дарением или княжеским пожалованием».¹

Аналогичной точки зрения придерживалась Л.В. Данилова, которая отмечала, что термин «вотчина» в земельных актах начинает применяться к монастырскому и церковному землевладению с середины XVI в., при этом происходило искажение первоначального смысла термина. Представления о вотчине на протяжении XVI в. и даже XVII в. менялись, хотя по-прежнему сохранялась ее связь с наследственным правом.²

Обращаясь в своем исследовании к проблемам развития феодализма, Е.И. Колычева смещает хронологические рамки. При этом она отмечает, что до конца XVI в. термин «вотчина» не употреблялся для обозначения всех собственных земельных владений патриарха, митрополита и монастырей, без ссылки на их прежний статус или указания на приобретение их у князей, бояр, детей боярских и других людей.³

Обратим внимание, что словосочетание «монастырская вотчина» в законодательных актах встречается впервые в приговоре Освященного собора и

¹ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. Т. 1. С. 18.

² Данилова Л.В. Собственность и власть // Собственность в России: Средневековье и раннее новое время. М. : Наука, 2001. С. 107.

³ Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI в. М. : Наука, 1987. С. 160.

бояр от 9 октября 1572 г.: «А о монастырских вотчинах приговорили митрополит, и весь освященный собор, и все бояря: в большие монастыри, где вотчины много, вперед вотчин не давати; а которая будет вотчина и написана, ино ее в Поместной избе не записывати, а отдавати ее роду и племени служилым людем...».¹

Согласно этому документу все вотчины, приобретенные по данным, оформлявшим передачу (дарение) недвижимого и движимого имущества одним собственником другому, и вкладным, фиксирующим особые случаи дарения церковным организациям, до этого времени объявлялись неотчуждаемыми со стороны вотчинников и их родов. То есть эти монастырские владения приобретали новые юридические гарантии государства.²

Однако, по мнению В.И. Иванова, не совсем правомерно трактовать выражение «А о монастырских вотчинах приговорили...» как показатель появления нового юридического термина. Он считает, что в разделе о монастырских вотчинах речь идет, скорее всего, не о всех монастырских землях, а только о бывших княжеских и боярских вотчинах, оказавшихся во владении монастырей.³ При этом самым ранним из обнаруженных правительственных актов, назвавших монастырские земли вотчиной, автор признает жалованную тарханную и несудимую грамоту царя Ивана IV игумену Лаврентию Иосифо-Волоколамского монастыря на всю монастырскую вотчину от 20.12.1563 г.⁴

Что касается частноправовых актов: духовных вкладных и данных грамот, то в них, как правило, указывается прежний статус земель, либо сведения о том, кому земля принадлежала ранее и на каком праве: «купил есми пожню у Иваша у Онтономава ...его вотчину...», «купил есми в дом пречистой Богородице и честнаго успения ввек...», «дал есми пожню ввеки. А ин ся не вступати ниhto...»,

¹ Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. № 5. С. 19.

² Алексеева Н.И. Правовой статус церковных земель в XV – XVII вв. // Актуальные проблемы права и государства: материалы Междунар. заочной науч.-практ. конф. (11 июня 2012 г.). Новосибирск : Сибирская ассоциация консультантов, 2012. С. 101–102.

³ Иванов В.И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII веках. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 99–100.

⁴ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. 2. № 302. С. 314–324.

«менял пожню церковную...»; «купил у игумена у Арсения землю Олексеевскую с пожнями...».¹

Эти косвенные данные (принадлежность на вотчинном праве прежнему владельцу; правомочие распоряжения: мена, продажа) позволяют заключить, что земли принадлежали церкви и монастырям на праве вотчины, при этом следует отметить, что вплоть до середины XVI в. в источниках в отношении церковных и монастырских земель термин «вотчина» употребляется не всегда. Уже с конца XVI в. заметно более частое обозначение земель церкви как вотчин.

Так, в указе о пятилетнем сыске беглых крестьян от 24 ноября 1597 г. упоминаются патриаршие, митрополичьи, владычные и монастырские вотчины: «которые крестьяне ...ис патриарховых, и из митрополичих, и изо владычных, и из монастырских вотчин выбежали до нынешнего 106-го [т. е. до 1597] году за пять лет — и на тех беглых крестьян в их побеге и по тех помещиков и вотчинников, за кем они, выбежав, живут, тем помещиком, из-за ково они выбежали, и патриаршим, и митрополичим, и владычным, и детем боярским, и монастырских сел приказщиком и служкам давати суд и сыскивати накрепко всякими сыски».²

В законодательстве же только с XVII в. этот термин начинает использоваться для обозначения монастырских и других церковных земельных владений (указы от 3 ноября 1601 г. об установлении твердой цены на хлеб и о борьбе со скупщиками хлеба; от 1 февраля 1606 г. о возвращении прежним владельцам беглых крестьян, кроме ушедших в голодные годы от бедности; от 10 марта 1615 г. об 11-летнем сроке вывоза беглых крестьян Троице-Сергиева монастыря).³

Поскольку грамоты XVI–XVII вв. не всегда могут служить репрезентативным источником, для формирования полного представления о правовом режиме церковных и монастырских земель обратимся к такому виду

¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. № 2, № 30, № 31, № 34, № 63. С. 16-41.

² Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. № 48. С. 66.

³ Там же. № 49 С. 67-69, № 55 С. 73-74, № 77 С. 84.

источников, как писцовые книги. Это правительственные документы XV–XVII вв., которые служили основанием для податного обложения.

Использование писцовых материалов имеет определенное значение при рассмотрении правового режима церковно-монастырского землевладения, так как в писцовых книгах фиксировалось не только количество податного населения, а также описание и оценочная характеристика угодий, сел, деревень, пустошей.

Первая генеральная перепись в Московском государстве проводилась в 1538–1547 гг. В ходе второй генеральной переписи 1550–1580 гг. оценивалась земля с учетом ее качества, в результате были составлены «книги письма и меры». Затем писцовые книги составлялись в период после Смуты в 1620–1630 гг. и в 1680 г. Последняя перепись не была доведена до конца, так как писцовые книги, составлявшиеся в первую очередь для финансовых целей, утрачивают свое прежнее значение в связи с произошедшими изменениями в податной системе.

Автором были изучены Писцовые книги Новгородской земли, Ярославские писцовые и дозорные книги и писцовые книги Московского государства.

В основном писцовые материалы содержат информацию о количестве пашенных и сенокосных земель, а также о количестве дворов, принадлежащих той или иной церкви, либо монастырю. В писцовых материалах термин «монастырская вотчина» начинает употребляться в 80-е гг. XVI в.¹

Так, изучив список с писцовой и межевой книги (в царствовании Федора Иоанновича – 1584–1598 гг.) землям Троице-Сергиева монастыря в различных станах, мы встречаем употребление термина «вотчина» в отношении монастырских земель: «В том же Горетове стану: Троицкая же вотчина слц. Олабышева на рчк. на Выходне; а владель темъ слц. и деревня по дачемъ монастыря, князь Ондрей Телятевский, и то слц. и деревня и пустоши, по государеве царевице и великого князя Федора Ивановича всеа Руси грамоте, у князя Ондрея Телятевского отписывати не велено».²

¹ Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII в. / под. ред. В.Д. Назарова. М.: НИЦ «Ладомир»; Янус-К, 1998. № 144. С. 381.

² Писцовые книги Московского государства. Писцовые книги XVI века / под ред. Н.В. Калачева. СПб.: Издание Императорского Русского географического общества, 1877. С. 59, 69.

В писцовых книгах более раннего периода при описании церковных и монастырских земель нет прямого упоминания, что эти земли были вотчинами, однако косвенные свидетельства, о которых мы уже упоминали, позволяют заключить, что уже в XV в. монастыри и церкви владели землями на вотчинном праве.

Так, в писцовых книгах Новгородской земли, в которые включены ранние памятники писцовых описаний территорий Деревской, Водской, Шелонской, Бежецкой, Обонежской пятин и пригородных земель Великого Новгорода (1490-е гг.; а также оброчные и отписные книги 1530-х гг.), мы находим выписи на вотчину Троицкого Хлавицкого монастыря в Холмском погосте Деревской пятины: «Всего за Троицким Хлавитцким монастырем двадцать две деревни да семьдесят семь дворов, а обеж пятьдесят шесть, а четвертные пашни пятьсот шестьдесят чети». И далее, приводится информация о том, что ряд деревень, ранее бывших за Троицким Хлавицким монастырем, находятся в поместье Ивана Данилова сына Офонасова, Шулепа подъячего Григорьева сына Протопопова.¹

Несмотря на то, что прямого упоминания относительно правового режима монастырской земли в источнике нет, однако из приведенного материала видно, что Ивану Данилову земля принадлежала на поместном праве, можно предположить, что она находилась в вотчине вышеуказанного монастыря. Подтверждающим фактом служит одно из правомочий распоряжения монастыря – предоставление монастырской вотчины в пожизненное или срочное держание, то есть в поместье. Такое же право имел митрополит, а впоследствии патриарх.²

Термин «монастырская вотчина» в отношении церковных и монастырских земель в законодательных актах и в писцовых книгах начинает применяться только со второй половины XVI в. К этому времени вышеупомянутые владения получили государственные законодательные гарантии, что сделало их фактически полной неотчуждаемой собственностью церкви и монастырей. Такие права были

¹ Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1 : Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. / сост. К.В. Баранов. М. : Археографический центр, Древлехранилище, 1999. С. 82-85.

² Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XVI веков. Ч. 3. № 12. № 13. С. 128; № 27. С. 133.

близки традиционному режиму вотчины, что, очевидно, и послужило основой для их названия.

Вышеизложенный материал позволяет сделать следующий вывод относительно времени возникновения монастырской вотчины. Использование понятия «монастырская вотчина» применительно к монастырскому землевладению, возникшему в XI–XII вв. и получившему распространение в XIV в., невозможно до середины XVI в., поскольку лишь с этого времени церковно-монастырские владения, получив государственные законодательные гарантии, становятся фактически полной неотчуждаемой собственностью церкви и монастырей. Такие права соответствовали режиму вотчины и подкреплялись судебными-административными привилегиями и финансовыми льготами, которые являлись составными частями монастырского иммунитета.

Анализ источников и сопоставление точек зрения ученых позволили сделать вывод, что в XV–XVII вв. церквям и монастырям земли могли принадлежать на вотчинном праве, на праве владения, аренды, оброка и залога.

Первоначально земли принадлежали монастырям на праве владения, то есть находились в пожизненном владении монастырей до смерти тех лиц, которые являлись их основателями и давали земли монастырю. Земли могли находиться в собственности отдельной церкви или монастыря как юридических лиц, то есть принадлежать им на вотчинном праве, что на юридическом языке Московского государства означало право собственности. От вотчинного землевладения церкви и монастырей отличались оброчные или арендованные земли, а также земли, принадлежавшие на праве залога.

Итак, для классификации церковных и монастырских земель были выбраны следующие критерии: населенности, наличие налогового иммунитета, объем правомочий.

В соответствии с критерием населенности земли церкви делятся на населенные (села, починки, деревни, дворы) и ненаселенные (пустоши, леса, сенокосы, пастбища, соляные промыслы и т. д.).

Церковные земли, которым предоставлялся налоговый иммунитет по жалованным грамотам, относились к категории льготных, поскольку их население было освобождено от уплаты налогов. Тяглые земли, население которых несло тягло, и оброчные земли, с которых платился оброк, не имели налогового иммунитета.

В зависимости от объема правомочий церковные земли делятся на вотчины (патриаршая, церковная и монастырская, а также личные земельные владения церковных иерархов и священнослужителей); арендованные земли; земли, сдаваемые на оброк; земли, принадлежащие церкви на праве залога.

§ 2. Способы приобретения церковно-монастырской земельной собственности

В современной науке существуют различные классификации оснований и способов приобретения права собственности: необходимые и производные, посредственные и непосредственные, возмездные и безвозмездные. Несмотря на это в теории гражданского права общепринятой и наиболее распространенной остается классификация способов приобретения права собственности на первоначальные и производные.

В дореволюционной цивилистике характеристика основных способов приобретения вещных прав, среди которых можно выделить право собственности, давалась в соответствии с классификацией, существующей в римском праве, в основе которой лежал принцип правопреемства. Так, к первоначальным основаниям приобретения права собственности относились – спецификация, оккупация, клад, приобретательная давность, а к производным – *traditio* – передача права собственности приобретателю от отчуждателя. Особое значение придавалось владению, которое могло существовать вне права собственности и являлось реальным господством лица над вещью. Основными способами

приобретения владения считался самовольный захват владения, завладение, приобретение через третьих лиц.

В дореволюционной цивилистике, начиная с XIX в. активно обсуждался вопрос о юридической сущности церковного имущества в России, большое внимание уделялось и способам его приобретения. Этой проблеме были посвящены работы В.О. Милютин «О недвижимых имуществах духовенства в России», А.Н. Горбунова «Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквям в XIII, XIV и XV вв.», М.И. Горчакова «О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода» и других авторов.¹

Одни ученые, рассматривая основания возникновения вещных прав, выделяют критерий воли (К.А. Неволин), а другие, придерживаясь традиций римского права, критерий правопреемства (М.Ф. Владимирский-Буданов, В.И. Сергеевич, И.А. Исаев, Т.Е. Новицкая, А.Е. Русецкий).²

Е.А. Шитова в своем исследовании, изучая вопрос о способах приобретения вещных прав в Московском государстве XVI–XVII вв., обращала внимание на отсутствие единства мнений относительно критерия классификации. В то же время она указывала, что отдельные исследователи при характеристике оснований возникновения вещных прав наряду с правом собственности учитывали владение (Д.И. Мейер), а также конкретные виды объектов недвижимого имущества – вотчину, поместье, тяглые имущества, дворы и дворовые места в городах (К.А. Неволин, Н.П. Павлов-Сильванский).³

Рассматривая основные способы приобретения церковной земельной собственности в XV–XVII вв. в соответствии с общепринятой классификацией, отметим наиболее распространенные из них.

Анализ жалованных грамот XV–XVII вв. позволяет заключить, что одним из главных способов приобретения права собственности на землю были

¹ Милютин В.О. О недвижимых имуществах духовенства в России.; Горбунов А.Н. Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквям в XIII, XIV и XV вв.; Горчаков М.И. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. синода. (988–1738 гг.) : Из опытов исслед. в истории рус. права свящ. М. Горчакова. СПб. : Тип. А. Траншеля, 1871.

² См.: Гражданское право: учеб.: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. М. : Волтерс Клувер, 2004. С. 493.; Русецкий А.Е. Основания и способы приобретения права собственности // Право и экономика. Февраль. 2005.

³ Шитова Е.А. Классификация оснований возникновения и прекращения вещных прав в Московском царстве (историография вопроса) // Ученые записки Курского государственного университета. 2010. № 3(15), ч. 2.

пожалования, которые осуществлялись, как правило, при основании монастыря и подтверждались жалованной грамотой. Великие и удельные князья, цари, а в вольных городах правительства, жаловали церквям и монастырям недвижимое имущество. «Се яз князь Юрий Иванович пожаловал в дом Пречистые Сторожевского монастыря старца Варсунофья да келаря и казначея и всю братью, дал еси Пречистой в дом на Сторожы в Звенигородском уезде в Городцком стану в Заретцкой стороне деревню Куницыно да селище Вахреево, да селище Потапово, да селище Долгушино с лесы и луги и с пожнями и со всеми угоды...».¹

Часто жалованные грамоты подтверждались, как правило, это было при смене царей, либо в случае пожара или иного случая утраты жалованной грамоты. Особенно практика подтверждения грамот получила распространение в Смутное время (Грамота жалованная на рыбные ловли в реке Волге Костромскому Ипатьевскому монастырю 4 октября 1605 г.; Грамота жалованная на рыбную ловлю Саввину Сторожевскому монастырю 27 марта 1615 г.).²

Еще одним производным способом приобретения церковного и монастырского имущества были вклады (вклады по душе и вклады при пострижении). Что касается вкладов по душе, то духовенством была выработана сложная система строения души. Строить душу означало обеспечить человеку молитву церкви о его грехах, о спасении его души. Ближе всего к церковному учению о молитве за усопших были вклады по душе для заупокойного поминовения.

Вклады при пострижении – это определенный взнос, который должен был сделать в монастырскую казну вновь вступающий в монастырь. Таким образом, обеспечивалось пожизненное содержание постриженника. Как правило, знатные и состоятельные люди постригались перед смертью, тем самым отписывали часть своего имущества монастырю.

¹ РГАДА. Ф. 281 Грамоты коллегии экономии по Звенигороду. № 5/4680; Саввин Сторожевский монастырь в документах XVI века. (из собраний ЦГАДА). М. : Архив русской истории, 1992. С. 12.

² Акты, относящиеся до юридического быта древней России / под ред. Н. Калачова: в 3 т. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1857–1884. Т. 1 : Выборы, выписи, грамоты, данные, доклады, допросы, досмотры, доезды, духовные дела, дельные, записки, записи, изветы. № 41. С. 74.

Вклады по душе и вклады при пострижении относились к специфическим способам, характерным лишь для приобретения монастырской собственности. Они регламентировались отдельными частноправовыми актами, о чем свидетельствуют вкладные книги и данные грамоты.

В этих источниках мы находим подтверждение существования такого способа увеличения монастырского имущества, как вклады. Так монахи покупали имущество у разных лиц на свои собственные деньги, а затем жертвовали его монастырю: «Даль старец Сабуров поль села Сабурова; Даль старец Федорить Еремеевъ деревню Чернятино; Купиль старец Иларионъ в монастырь две деревни, деревню Иванцово да деревню Ораное...».¹

Вклады в монастырь делались не только знатными и состоятельными людьми, но и представителями различных категорий населения: патриархом, царем, князьями, боярами и даже крестьянами: «...пожаловал великий государь святейший патриархъ Филаретъ Никитичъ... дал вкладом в дом Живоначальныя Троицы и преподобному чудотворцу Антонию 100 рублевъ денег.»; «Дал вкладомъ Челмохоцкой волости крестьянинъ Евсейей Яковлевъ Кошуковыхъ по верхнюю сторону Гостилова ручья пожня, а другая пожня новочищенина...».²

Интересна данная грамота князя Ивана Ивановича Пронского Саввино-Сторожевскому монастырю на деревню Филимонову в Городском стану Звенигородского уезда от 1541–1542 г., который купил указанную деревню у архимандрита Симонова монастыря Филофея и отдал ее по душе в дом Пречистой на Сторожи.³ Земельный участок, характеризующийся правовым режимом вотчины, был дважды отчужден: первоначально в результате купли-продажи, а затем в результате вклада.

Однако этот специфический способ был ограничен постановлениями Соборов 1572, 1580 и 1584 гг., в частности пожертвования недвижимых имуществ

¹ Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII, XVIII столетиях. Издание А. Титова. Ярославль : Тип. Губернской Земской управы, 1881. С. 14, 33.

² *Изыюмов А. Ф.* Вкладные книги Антониева Сийского монастыря 1575-1694 гг. М. : Синодальная тип., 1917. С. 2, 59.

³ Саввин Сторожевский монастырь в документах XVI века. С. 16.

подлежали ограничению относительно архиерейских домов, монастырей и церквей.¹

Монастыри и церкви приобретали обработанные земли (пашни), леса, рыбные ловли и солеварни. Имущественные отношения исключительно по поводу недвижимых вещей оформлялись в купчих грамотах. Монастыри с XIV в. особенно активно начинают использовать этот способ для увеличения своих земель. Однако постановления Стоглавого собора 1551 г. ввели ограничения и на этот вид, так покупка недвижимого имущества церковью без разрешения государя запрещалась.² С этого времени в Приказе Большого дворца должны были регистрироваться «купчи» с «доклада государю». А с 1580 г. купчие приобретали силу лишь на основании специальной жалованной грамоты царя.

Еще одним основанием возникновения монастырской собственности была мена вотчинами. Монастырь покупал малоценную землю и менял ее на более ценную, доплачивая разницу стоимости деньгами.

Вплоть до XVI в. очень широко использовался монастырями такой способ увеличения имущества, как наследование по завещанию. Наряду с ним существовало наследование по закону, известное еще со времен Русской Правды: «А же кто умирая разделит дом своим детям; на том же и стояти; паки ли без ряду умрет, то всем детям, а на самого часть дати души».³ Таким образом, в соответствии со статьей 87 Русской Правды часть наследства выделялась в пользу церкви на помин души.

В 1551 г. в отношении этих способов вводятся ограничения, а с 1580 г. монастырям запрещалось приобретать земли без доклада государю.⁴

Право владения землей закреплялось в писцовых книгах и писцовых наказах, в них также регистрировались изменения в землевладении. Приходские церкви и монастыри основывались свободно, не было ограничений ни по церковным канонам, ни по законам государства. Но уже в XVII в. появляется

¹ Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. № 37. С. 56; Российское законодательство X – XX вв. Т. 3 : Акты земских соборов. С. 28-32.

² Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. № 5. С. 31-33.

³ Русская Правда // Российское законодательство X – XX вв. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. С. 70.

⁴ См.: Российское законодательство X – XX вв. Т. 3 : Акты земских соборов. С. 28.

специальное требование со стороны церковной власти – обязательное отведение участка земли под строительство храма и притча. В связи с этим появляется еще один способ приобретения церковно-монастырской земельной собственности – надел или отвод земельных наделов. Так, в ф. 235 Российского государственного архива древних актов находим ряд дел, которые свидетельствуют о приписывании земли к вновь возведенным церквям (Дело о постройке, освящении и приписке земли к церкви Николая Чудотворца в деревне Пельтме Саранского уезда; Дело о постройке Воскресенской церкви в селе Воскресенском-Полом Саранского уезда и о приписи к ней земли из того же уезда и др.).¹

До XVII в. земли церковных установлений могли увеличиваться и за счет присоединения земель закрывающихся монастырей. Но уже с конца XVII–начала XVIII вв. эти земли переходят в собственность государства.²

Относительно способов приобретения церковного имущества в дореволюционной и современной литературе нет единства.

Рассматривая церковное имущество, М.Ф. Владимирский-Буданов выделял основные, гражданские и особые способы приобретения имущества.³ Среди основных способов приобретения имущества церковью он отмечал пожалования со стороны государства, к которым примыкала заимка пустых земель, также требовавшая пожалования со стороны государства; дарение или завещание со стороны частных лиц. К гражданским способам он причислял – куплю и залог. Несмотря на запреты, церковные учреждения занимались ростовщичеством. Давая деньги в рост под залог вотчины, в случае просрочки они получали на нее право собственности (1517–1518 гг. Закладная кабала Г.В. Чертова казначею митрополита Варлаама Макарию в пяти рублях денег на деревню Алешово, в Дмитровском у.).⁴ К особым способам приобретения имущества монастырями

¹ РГАДА. Ф. 235 Патриарший (Синодальный) казенный приказ. Д. 6300, Д. 6312, Д. 6315, Д. 6316.

² *Высоцкий К.* Церковно-имущественное право по русскому законодательству // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. Янв. Кн. 1. С. 85-90.

³ *Алексеева Н.И.* Основные способы приобретения церковно-монастырской земельной собственности в XV–XVII вв. // Закон и порядок : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (31 мая 2012 г.). М.: Спутник+, 2012. С. 82.

⁴ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XVI веков. Ч. 1. № 77. С. 81, № 78. С. 82.

М.Ф. Владимирский-Буданов относил вклады, обязательное дарение при вступлении лица в монастырь.¹

Критикуя существующие классификации способов приобретения имущества, Д.И. Мейер, в основу своей классификации положил владение, мотивируя это возможностью приобретать право собственности, не вступая во владение, и наоборот. Таким образом, автор выделял «способы, требующие посредства владения, и способы, не зависящие от владения». При этом он отмечал, что большое значение имеет не общая классификация, а определение каждого способа в отдельности. В свою очередь, к первой группе он относил следующие способы – передача, давность, военная добыча и находка, а ко второй – пользование, приращение и смешение.²

Рассматривая способы возникновения церковных имуществ, В.О. Милютин, в основу своей классификации положил критерий важности. В результате он выделял следующие способы приобретения: *важные способы* – пожалование от правительства, дарение от частных лиц (дарение по случаю смерти; дарение при жизни), наследство по завещанию; *менее важные способы* – наследование по закону (в собственность монастыря поступало имущество, оставшееся после монаха), купля (мена), приобретение по закладным (овладение) и по давности.³

Русский историк В.О. Ключевский, обращаясь к вопросу монастырских вотчин, большое внимание уделил земельному обогащению монастырей. Он представил подробную характеристику основных способов приобретения церковного имущества, среди которых им выделялись земли жалованные, вклады по душе, вклады для пострижения, купли, мена вотчинами. При этом В.О. Ключевский ограничился их перечислением, отметив, что вотчины жалованные и вклады по душе, составляли основной фонд земельного богатства монастырей.⁴

При изучении способов приобретения церковных имуществ К. Высоцкий акцент сделал на недвижимых имуществах, в частности на земле. Им были выделены следующие способы приобретения: пожертвования со стороны князей и

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. С. 511–512.

² Мейер Д.И. Русское гражданское право. С. 380–432.

³ Милютин В.О. О недвижимых имуществах духовенства в России. С. 45–73.

⁴ Ключевский В.О. Русская история. С. 266–270.

вклады со стороны частных лиц; покупка, наследование по завещанию, наследование по закону (вклад на помин души), отвод земельных наделов и присоединение.

Церковный историк И.К. Смолич, рассматривая правовые источники, подтверждающие права церкви и монастырей на земельные владения, особое внимание уделил способам приобретения новых земель. В соответствии с источниками по государственному праву и частноправовыми актами он выделил следующие способы: пожалования великого князя или царя, подтверждавшиеся жалованной грамотой; земельные или денежные дары от частных лиц, которые подтверждались данными грамотами или завещанием; покупка обрабатываемой земли, лесов, рыбных ловлей и солеварен, которые фиксировались в купчих; обмен земельными владениями; получение владений в залог, которое регулировалось закладными записями.¹

Исследуя жалованные грамоты монастырям и церквям, А.Н. Горбунов выделял следующие способы приобретения прав на имущества:

- естественные способы приобретения, среди которых основным он считал завладение, когда самовольно заселялась та или иная территория и земля обрабатывалась. Этот способ получил распространение в период, когда существовало большое количество пустующих земель;
- юридические способы приобретения – дарение в виде пожертвования и пожалования;
- самостоятельные договоры, заключенные монастырями – купля, мена, займ, найм имущества, личный найм, поручительство.²

Ю.В. Готье указывал три основных источника приобретения церковных и монастырских имуществ:

- Жалования князей. Сами князья строили церкви и монастыри, обеспечивая их крупными земельными вкладами, право монастыря или церкви на имущество закреплялось в жалованных грамотах.

¹ *Смолич И.К.* Русское монашество: Возникновение. Развитие. Сущность (988–1917). М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 1997. С. 418.

² *Горбунов А.Н.* Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквям в XIII, XIV и XV вв. С. 11-23.

- Земельные вклады частных лиц, чаще всего это были вклады «на помин души». Наряду с землей были и денежные вклады, которые монастыри и церкви очень активно использовали как для приобретения земель (купчие), так и давая деньги под залог вотчинной земли (закладные).

- Самостоятельное приобретение земель посредством колонизации.¹

По мнению А.А. Савича «заимка и право давности», подтвержденные жалованной грамотой великого князя или царя являлись главными факторами в образовании монастырской земельной собственности.²

Исследуя крупную вотчину Северо-Восточной Руси, Л.И. Ивина утверждала, что монастыри расширяли свои земельные владения за счет покупок, обмена, вкладов и ростовщичества. Владения крупных и мелких светских феодалов – один из источников роста монастырской вотчины. Другим важным источником роста земельных владений монастыря были волостные земли, которые захватывались монастырями в моменты социальных потрясений в стране. Освоение запустевших земель, возрождение пустошей – еще один источник обогащения монастырей.³

Историк русской церкви А.В. Карташев среди способов приобретения земель в собственность церковью выделял следующие: пожертвования князей, покупка земли на церковные средства и на личные средства священника, после смерти которого, имущество должно было оставаться при церковной кафедре.⁴

Вышеизложенный материал позволяет сделать следующий вывод относительно способов приобретения церковной собственности. В период становления Московского централизованного государства распространяются акты, которые становятся основными документами, подтверждающими право собственности и владения. Анализ этих документов позволяет выявить основные способы приобретения права собственности в исследуемый период.

¹ Готье Ю.В. Очерк истории землевладения в России. М. : ГПИБ, 2003. С. 50-51.

² Савич А.А. Указ. соч. С. 157.

³ Ивина Л.И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV–первой половины XVI в. Л. : Наука, 1979. С. 4-5.

⁴ Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви : в 2 т. Т. 1. М. : Эксмо, 2005. С. 206.

На наш взгляд, перечень основных способов приобретения права собственности находился в прямой зависимости от места собственников и владельцев в феодальной иерархии.

Анализ актового материала позволяет говорить, что основные способы приобретения имущества церковными учреждениями были аналогичны способам, характерным для приобретения этих прав другими собственниками и владельцами. Среди них можно выделить следующие: пожалования со стороны князя или царя; дарение или завещание частных лиц; заимка, завладение или захват пустоши.

В период складывания монастырского землевладения были распространены такие специфические способы приобретения имущества, характерные только для церкви и монастырей, как вклады на помин души и вклады при пострижении. Церковные учреждения приобретали земли и гражданскими способами, такими, как купля, мена, залог, найм, приобретение земельных владений по давности.

В период XV–XVII вв. в отношении некоторых способов приобретения права собственности вводятся ограничения. Так, вклады в монастырь и на помин души ограничиваются постановлениями соборов 1572, 1580, 1584 гг. С 1551 г. вводятся ограничения на куплю и наследование по завещанию. Также вводился запрет на покупку и продажу земли монастырям без разрешения государя.

§ 3. Субъектный состав церковно-монастырского землевладения

Для выявления особенностей субъектного состава церковного и монастырского землевладения, необходимо рассмотреть понятие «субъект права» в русском законодательстве XV–XVII вв., а также в каноническом праве. Поскольку нормы канонического права на протяжении веков не менялись, то оно становится ценным источником по истории правового регулирования имущества церкви. Обращаясь к изучению данной категории, необходимо учитывать тот

факт, что понятие «субъект права» не было четко разработано в русском законодательстве даже к концу XIX–началу XX вв.

Поскольку церковная собственность была неотчуждаема, вопрос о субъектах церковного имущества становится актуальным лишь в начале XVI в., когда права церкви начинают ограничиваться.

Что касается субъекта церковных имуществ. По общим каноническим постановлениям церковное имущество охранялось и не смешивалось с частной собственностью церковных властей.

В церковных канонах имущество определяется как собственность Христа, или бедных. Так, 38-ое Апостольское правило определяет церковное имущество «принадлежащим Богу», 40-ое называет его «имением Господним», а 41-ое правило Карфагенского Собора – «стяжанием Господним». В этих формулировках определяется не собственность сама по себе и не конкретный субъект, а главным образом назначение имущества, в частности для прославления Бога, что является основной целью церкви.

Анализ Апостольских правил, постановлений Вселенских и Поместных соборов, позволяет заключить, что вопросы предназначения церковного имущества и его использования рассматривались и уточнялись несколько раз.

Так, 22-ое правило IV Вселенского Собора (Халкидонского) об имуществе епископа; 24-ое – о монастырях, по нему запрещалась секуляризация монастырей и их имущества; 26-ое правило подтверждало полную власть епископа над имуществом, при этом он должен управлять им через эконома. В этом же правиле определялись функции эконома, «который бы распоряжался церковным имуществом».¹

11-ое правило VII Вселенского Собора (Никейского) аналогично 26-ому правилу Халкидонского Собора об экономе, который должен управлять церковным имуществом. Это правило также распространяется на монастыри. Согласно как 12-ому правилу, так и 38-ому Апостольскому правилу, епископ

¹ Правила Святых Апостолов и Вселенских соборов с толкованиями Никодима Милоша. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Nikodim_Milash/pravila-svjatyh-apostolov-i-vselsenskih-soborov-s-tolkovanijami/ (дата обращения 25.04.2014).

является главным управителем церковного имущества, а монастырского – игумен, которые должны сохранять имущество в собственности надлежащих церквей и монастырей и не уступать в собственность мирских властей.¹

24-ое и 25-ое правила Поместного Антиохийского Собора также говорят о власти епископа над имуществом церкви, о необходимости разделять личное имущество епископа и церковное, о назначении этого имущества для помощи нуждающимся, «на потребности странноприемлемых им братьий».²

Первоначально все церковное имущество, которое не было большим и, в основном, состояло из приношений, находилось в ведении и распоряжении апостолов, впоследствии, оно сосредотачивается в руках епископа. Согласно Апостольским и Соборным правилам епископу принадлежало исключительное право в управлении церковным имуществом.

В соответствии с 38-ым и 41-ым Апостольскими правилами епископу принадлежала власть над всем имуществом, которым он мог распоряжаться «по своей власти», при этом епископ нес ответственность только перед самим Богом.

Если первоначально епископ распоряжался имуществом по своему усмотрению, то 25-ое правило Антиохийского Собора ограничило власть епископа над имуществом, предписав ему распоряжаться церковной собственностью «по согласию пресвитеров или дьяконов» и в случае незаконного распоряжения церковной собственностью нести ответственность перед Собором.

2-ое правило Халкидонского Собора упоминает об экономе как об общераспространенном в церкви звании, а 26-ое правило обязывает всякую Церковь, имеющую епископа, иметь и эконома: «...рассуждено всякой Церкви, имеющей епископа, имети из собственного клира иконома, который бы распоряжался церковным имуществом по воле своего епископа...».

Таким образом, 25-ое правило Антиохийского собора и 26-ое правило Халкидонского собора ограничивают право епископа свободно распоряжаться имуществом.

¹ Правила Святых Апостолов и Вселенских соборов с толкованиями Никодима Милоша.

² Поместный Собор Антиохийский. URL: <http://agioskanon.ru/sobor/011.htm> (дата обращения 23.04.2014).

В канонах нет четкого определения субъекта имущества религиозного назначения. Но в тоже время 40-ое Апостольское правило и 24-ое правило Антиохийского собора, выделяют церковное имущество и личное имущество епископа, то есть отделяется личная собственность епископа от собственности кафедры, при этом в отношении распоряжения собственного имущества у епископа не было ограничений. «Ясно известно да будет собственное имение епископа (если он имеет собственное), и ясно известно Господне: дабы епископ, умирая, имел власть оставить собственное, кому хочет, и как хочет ...».¹

Апостольские правила допускают наличие собственного имущества у епископа, которым он может распоряжаться по своей воле через завещание. При этом оно должно быть составлено в начале служения. «Определено: аще епископы, пресвитеры, диаконы, или какие бы то ни было клирики, никакого стяжания не имеющие, по поставлении своем, во время своего епископства или клиричества, купят на имя свое земли, или какая либо угодия: то да почитаются похитителями стяжаний Господних, разве токмо, прияв увещание, отдадут оныя церкви».²

41-ое правило Карфагенского собора позволяет заключить, что правом иметь собственное имущество обладали лица духовного звания до вступления в сан. В период служения за ними сохранялось право приобретать что-либо от своих родственников по наследству или в дар. При этом вводится ограничение на распоряжение имуществом, полученным епископом после хиротонии, которое выражалось в его обязанности оставить какую-то часть церкви: «Аще что дойдет к ним в собственность, по дару от кого-либо, либо по наследию от родственников: с тем да поступят по своему произволению. Аще же, и произволив дати что-либо церкви...».

Анализ Апостольских правил, а также правил Вселенских и Поместных соборов относительно церковного имущества позволил сделать следующие выводы. Канонические нормы были направлены на защиту церковного

¹ Апостольские правила. Вселенские соборы. Поместные соборы // URL: <http://agioskanon.ru> (дата обращения 23.04.2014).

² Апостольские правила. Вселенские соборы. Поместные соборы.

имущества, которое отличалось от какого-либо другого имущества и предназначалось исключительно для церковных целей. Оно охранялось и не смешивалось с частной собственностью церковных властей.

Епископы имели свое собственное личное имущество, которым они могли свободно распоряжаться. При вступлении в сан личное имущество епископа отделялось от церковного имущества, для этого составлялась его опись. При этом разграничивалось имущество, полученное до хиротонии, распоряжение которым епископ мог осуществлять только через завещание, составленное в самом начале служения. Распоряжаться имуществом, полученным по наследству или в дар после хиротонии, он мог и перед смертью, но при этом необходимо было что-то оставить церкви.

Указанные нормы были направлены на предотвращение ситуаций, возникающих по вине недостойных епископов, и исключения каких-либо недоразумений и споров относительно имущества в случае смерти епископа или оставления им кафедры.

В канонической литературе существует несколько теорий относительно субъекта церковного имущества. Так, В. Цыпин в своем исследовании дает исторический экскурс существующих учений о субъекте права собственности на церковные имущества:

- 1) церковное имущество принадлежит Богу и предназначено исключительно для церковных нужд;
- 2) церковное достояние – собственность нищих. Все неспособные жить на свои средства, в том числе и духовенство, имеют право жить за счет церковного имущества;
- 3) теория общецерковной собственности, получившая распространение в Западной Европе, согласно которой субъектом права собственности на все церковное имущество был Папа;
- 4) публицистическая теория, по которой право собственности церковного имущества принадлежит государству.¹

¹ Цыпин В., *прот.* Курс церковного права: учеб. пособие. Клин : Фонд Христианская жизнь, 2002. С. 140-142.

Аналогичное изложение теорий относительно субъекта церковного имущества встречаем и у Н.С. Суворова.¹

Известный историк церковного права А.С. Павлов выделял два направления в исследуемых источниках относительно субъектов права церковного имущества:

1) Гражданское направление, в рамках которого церковь признается юридическим лицом, ее имущественное право признается государством, но при этом государство является верховным собственником.

2) Церковное или каноническое направление, согласно которому церковь (церковные общины, церковные учреждения) – собственник всего своего имущества.²

Таким образом, в рамках этих направлений субъекты церковного права понимаются по-разному: если в первом церковь как юридическое лицо наделяется правоспособностью и дееспособностью в области гражданских имущественных отношений, то во втором – церковь выступает полномочным собственником и ее имущество неотчуждаемо.³

Анализ существующих теорий дает основание полагать, что юридический характер отношения церкви к имуществу, которым она пользовалась, зависел от статуса церкви в государстве и определялся его правовым режимом.

Понятие «субъект права» очень активно изучалось в дореволюционной цивилистике. Д.И. Мейер определял субъект права через понятие лицо, способное к правам, при этом право определяет меру свободной деятельности.⁴

Е.В. Васьковский использовал понятие «субъекта права» в двух значениях: всякий обладатель какого-либо права и способный к обладанию правами.⁵

М.Ф. Владимирский-Буданов отмечал, «что в основе гражданского права лежит понятие лица, которому принадлежит власть над вещами.»⁶

¹ См.: Суворов Н.С. Учебник церковного права. М. : Зерцало, 2004. С. 388-392.

² Павлов А.С. Из лекций: Имущественное право Церкви. С. 220.

³ Алексеева Н.И. Правовой режим имущества религиозного назначения: канонический аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 9. С. 116.

⁴ См.: Мейер Д.И. Русское гражданское право. С. 98.

⁵ См.: Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. СПб. : Изд. юрид. кн. маг. Н.К. Мартынова, 1894. Вып. II.

⁶ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. С. 373, 374.

Специалист по гражданскому праву И.А. Кистяковский определял субъекта права через понятие правового лица, под которым понимал носителя прав и обязанностей.¹

По мнению В.И. Синайского, лицом в праве называется правообладатель, то есть носитель прав и обязанностей.²

Русский историк права Н.Л. Дювернуа отрицал деление правоспособных лиц на физические и юридические, считая, что для законодательства и практики достаточно терминов лицо и субъект права.³

Вышеизложенный материал позволяет заключить, что в дореволюционной цивилистике под субъектом права понималось лицо, обладающее правами и обязанностями. Теоретические исследования субъекта права касались, прежде всего, вопросов правоспособности и дееспособности физических и юридических лиц.

В современной юридической литературе обсуждаются различные аспекты понятия субъект права, и существует множество точек зрения. Одни авторы определяют субъект права через правосубъектность – установленную законодательством способность лица быть субъектом права, то есть обладателем прав и обязанностей (С.С. Алексеев, С.А. Комаров, В.К. Бабаев), другие считают, что правосубъектность является лишь одним из моментов, который характеризует понятие субъект права (С.И. Архипов).

Обозначив основные точки зрения по данному вопросу, не считаем целесообразным более подробно останавливаться на теоретических аспектах понятия субъект права, поскольку одной из задач нашего исследования является определение субъектного состава церковно-монастырского землевладения в XV–XVII вв., определение прав и обязанностей субъектов, а также пределов их правоспособности и дееспособности.

¹ См.: Кистяковский И.А. Понятие субъекта права // Журнал министерства юстиции. 1903. № 8. С. 121, 122, 124.

² См.: Синайский В.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. С. 113-114, 119-122.

³ См.: Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1 : Введение и общая часть. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. С. 257-276.

Характерными особенностями указанного исторического периода были: зависимость правового статуса субъекта от его социальной принадлежности и тесная связь индивида с коллективом, неотделимой частью которого он являлся.

Социальная структура феодального общества характеризовалась двумя взаимно противоречивыми, но функционально между собой связанными принципами организации: отношениями господства и подчинения и корпоративными отношениями. Своему сеньору вассал подчинен индивидуально, но свой статус он получает от группы, от социально-правового разряда, корпорации.¹

При этом отсутствовало равенство всех социальных групп перед законом: одни наделялись привилегиями (феодалы), другие (крестьяне) – были ограничены в тех или иных правах. Ограничения в первую очередь проявлялись в вещных правах и в правах наследования.

В указанный период обрабатываемые земли принадлежали следующим субъектам: феодалам, корпорациям (церковь, монастырь), крестьянам, правовой статус которых становится более четким по сравнению с предыдущим периодом. Феодальная структура общества предполагала иерархическое подчинение мелких феодальных собственников более крупным вплоть до великого князя, который, являясь сюзереном удельных князей и бояр, обладал частью феодальных прав на земли своих вассалов.

В свою очередь церковно-монастырская система собственности строилась на иных организационных основах, чем светская. Вся территория русского государства делилась на епархии – церковные округа. Существовала определенная система органов церковного управления: епископаты, епархии, приходы. С середины XVII в. до начала XVIII в. количество епархий выросло с 13 до 21 – 24, среди которых новыми были – Казанская, Астраханская, Сибирская, Тобольская. Во главе епархий стояли митрополиты, архиепископы и епископы.

Первичной церковно-административной единицей был приход, руководство которым осуществлял священник. Приход состоял из храма с причтом и

¹ См. : Гуревич А.Я. Категория Средневековой культуры // Избр. тр. Т. 2. М.: Университетская книга, 1999.

церковной общины. Разветвленная система приходских церквей к началу XVIII в. насчитывала до 15 тыс. церквей-приходов.¹

Патриарх имел свои учреждения – приказы, в ведении которых находилось управление делами патриаршей области.

Вся земля, принадлежавшая митрополитам, епископским и архиерейским кафедрам, монастырям (вотчинным и приписным), отдельным приходам, именовалась церковной землей. Подчеркнем, что церковная земля в зависимости от владельца могла быть патриаршей, митрополичьей, архиерейской и монастырской.²

Церковная организация, единая по своей структуре, не являлась, в лице своего главы – митрополита, а впоследствии патриарха, верховным собственником всех земель, принадлежавших отдельным кафедрам, монастырям и церквам.

Так, в XV–XVI вв., составными частями митрополичьей кафедры были домовые митрополичьи монастыри, соборная кафедральная церковь и земли митрополита (митрополичья вотчина). Все эти объекты принадлежали кафедре, как епархиальному установлению. Представителем митрополичьего дома был епископ или митрополит, однако, сделки от его имени совершали казначеи или дворецкие, находившиеся у него на службе.

Митрополит управлял имуществом, давая его в поместья (1687 г. Грамота жалованная поместная митрополичья на деревню и пожню Тимофею Тяполкову; 1688 г. Грамота жалованная поместная на деревни и пустоши вдове Тяполковой с детьми)³, давал жалованные (1602 г. Грамота жалованная патриарха Иова Цареву-Константинову монастырю)⁴ и уставные грамоты.

В XVI–XVII вв. соборная церковь отделяется от кафедры и становится самостоятельным субъектом права, владеет землями вне зависимости от

¹ Преображенский А.А. О православной церкви в истории России XVII века. С. 93.

² См.: Веселовский С. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М. : Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук, 1926; Блюменфельд Г.Ф. О формах землевладения в древней России. Одесса : Тип. П.А. Зеленого, 1884.

³ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 1 : Выборы, выписи, грамоты, данные, доклады, допросы, досмотры, доезды, духовные дела, дельные, записки, записи, изветы. 1857. № 44. С. 79.

⁴ Там же. № 43 С. 77.

патриарха и прочих установлений кафедры. Патриарх также выступал субъектом права, исключительно ему принадлежали домовые патриаршие вотчины.

Как справедливо отмечал М.И. Горчаков, следует различать патриаршую должность и сан, поскольку патриарх, являясь епархиальным архиереем, обладал равными правами и властью с другими епархиальными архиереями, при этом патриарх – правительственное лицо для всей поместной Русской церкви, то есть обладал определенными правами, присущими только ему.¹

Исключительными правами в отношении домовых патриарших вотчин патриарх был наделен не как епархиальный архиерей, а как высшее правительственное лицо Русской православной церкви. То есть сан в отличие от должности не давал привилегий и исключительных прав, поскольку все епархиальные архиереи по степени своей власти и по правам каждый в своей епархии были равны.

Каждая конкретная епископия не обладала правами собственности на все церковные земли в своей епархии, поскольку номинальными собственниками всех недвижимых и движимых имуществ были те церкви и монастыри, которым эти имущества передавались.

Феодальная структура церковной организации определялась, с одной стороны, подчинением составляющих ее частей епископскому и митрополичьему центру, а с другой – сохранением прав на земли за конкретными монастырями и церквами. Митрополичьи и епископские кафедральные церкви были такими же собственниками переданных им земель, как и отдельные церкви и монастыри, не имевшие административных прав. Таким образом, церковная земельная собственность была раздроблена между множеством церквей и не представляла единства.²

Что касается монастырей, то первые письменные упоминания относятся к эпохе князей Владимира Святославовича (978–1015 гг.) и Ярослава

¹ Горчаков М. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода. (988–1738 гг.) С. 314.

² См.: Русское православие: вехи истории. С. 105-106.

Владимировича (1019–1054 гг.): «монастыреве на горах стаща, черноризьци явишася», «черноризьци почаша множится, и монастыреве починах убыти».¹

В указанный период монастыри, как правило, располагались в крупных городах Руси. Основателем монастыря был ктитор (князь или боярин), который обеспечивал монастырь всем необходимым и такой монастырь, как правило, жил на вклады ктитора, а своей землей владел редко. В таких монастырях священник выступал как наемный работник, выполнявший свои функции за определенную плату (ругу). Эти монастыри получили название вотчинных (ктиторских), так как создавались в вотчине феодала, обладающего правом не только назначать настоятеля монастыря, но и распоряжаться вотчиной, церковью и церковным имуществом, а также контролировать духовенство.

Со второй половины XIV в. в процессе образования монастырей и формирования монастырского землевладения происходят изменения: вводится общежитийный устав, возникают монастырские приходы. Основателями монастырей стали выступать люди среднего достатка, а также монахи-подвижники. Формирование общежительного монашества и пустынножительства привело к тому, что монастырь вынужден был существовать на свои собственные средства, для этого ему требовалось имущество. Н.В. Сеницына с внедрением общежительных принципов связывает рост монастырской земельной собственности.²

В этот период появляются приписные монастыри, которые первоначально были приписаны к митрополичьей кафедре и являлись ее нераздельной составной частью.

В XVI–XVII вв. патриаршие домовые монастыри, как и соборная церковь, становятся самостоятельными юридическими установлениями кафедры, субъектом права всех монастырских вотчин, но при этом они состояли в ведении и в высшем управлении патриарха. Земли таких монастырей не принадлежали патриарху на праве собственности.

¹Молдаван А.М. Слово о законе и благодати митрополита Илариона. Киев. : Наукова Думка, 1984. С. 93.

²См.: Сеницына Н.В. Русское монашество и монастыри. X – XVII вв. С. 309-315.

Низшей ступенью церковной иерархии были рядовые священнослужители – священники и диаконы.

В Московском государстве в XV в. к лицам, наделенным правом владеть вотчинами, относились светские (князья, бояре) и духовные феодалы, а также все свободные лица, состоявшие на княжеской службе. Что касается белого и черного духовенства, то оно не представляло по своей имущественной правоспособности и дееспособности особого класса.

Церковные учреждения были наделены гражданской правоспособностью. Церковь, выступая юридическим лицом в сфере гражданского оборота, имела право приобретать имущество и наследство по завещаниям, быть кредитором, выступать стороной в суде. Наряду с правами церкви предоставлялись и привилегии, в частности, освобождение от уплаты налогов (тягла) и податей. Духовенство, как особая социальная группа, освобождалось от телесных наказаний и повинностей.

Также церкви принадлежало право надзора за использованием своего имущества. Церковь имела право защищать свое имущество от любых притязаний и преследовать всеми законными мерами подобные нарушения своего права.¹

Лица белого духовенства, по утверждению К.А. Неволлина, обыкновенно не имели средств для приобретения вотчин, но это не означало ограничения их правоспособности, так как они владели, как правило, жалованными вотчинами.²

Лица, владевшие вотчинами до своего вступления в монашество, продолжали владеть ими и после пострига. То есть монахи имели свою вотчину, которой они распоряжались самостоятельно: «Се азъ Арсений чернецъ Микитин сынъ ... ту деревню, со всеми пошлинами, с лесы и съ пожнями, даль есмь в дом чистые Богоматере Кириллова монастыря...» (вкладная старца Арсения Кириллову монастырю, на Кистемскую деревню 1435 – 1447 гг.; Духовная старца Симонова монастыря Андриана Ярлыка 1460 г.). Таким образом, монахи были наделены правоспособностью и дееспособностью могли совершать юридические

¹ Романовская В.Б., Данилова Е.В. Правовое регулирование имущественных прав Русской православной церкви в имперский период // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2006. № 1. С. 422.

² Неволлин К.А. История российских гражданских законов. Часть вторая: Книга вторая об имуществах. Раздел первый об имуществах вообще и раздел второй о правах на вещи. М. : Статут, 2006. С. 122.

сделки не только от имени монастыря, являясь его представителями, но также и от себя лично: делать вклад своей вотчины в монастырь; завещать; давать деньги в долг.¹

Подтверждением дееспособности монахов могла служить купчая Антония Римлянина (1147 г.): «купил есми землю Пречистыя в домъ», наряду с землей он приобрел и холопов.²

Старцам княжеского и царского рода были жалуеты вотчины и по вступлении их в монашеский сан: «Се язъ Царь и Великий Князь Михайло Федоровичъ пожаловали Царицу старицу Дарью, въ Устюжскомъ уезде, Железополского, изъ своихъ дворцовыхъ сель, въ вотчину, село Микифорово...» (Жалованная грамота Царице инокине Дарии Алексеевне на село Никифоровское с деревнями 1614 г.).³

Лица белого и черного духовенства совершали юридические сделки. Так, поп мог продать свою вотчину (Купчая докладная (с отводом) Белозерского монастыря игумена Кирилла на дер. Ивашовскую Мишина, купленную у попа Павла)⁴, совершить сделку найма, выступить в гражданском процессе в качестве процессуально правоспособного лица.⁵

Игумены и архимандриты совершали сделки не только со своим личным имуществом, но и с монастырским, поскольку являлись представителями монастыря, как юридического лица. Среди них можно выделить куплю: «а купил есмь ту деревню в дом пречистыа Богородици»; «Се язъ Никонъ игумен троицкой купиль есми у Марфы у черницы половину села Юрьевского и с деревнею Лутосеньскою»⁶, мену.

Также давали деньги под залог имущества (Закладная кабала кн. Петра Семеновича Фуникова игумену Саввина Сторожевского монастыря Афанасию на

¹ Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. № 121. С. 150; Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 1. № 85. С. 285.

² Цит. по: *Дебольский Н.Н.* Гражданская дееспособность по русскому церковному праву до к. XVII в. / Н.Н. Дебольский. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. С. 218.

³ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3. № 41. С. 37.

⁴ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVII в. Т. II. № 16. С. 21.

⁵ *Дебольский Н.Н.* Указ. соч. С. 218-219.

⁶ *Арсений.* О вотчинных владениях Троицкого монастыря при жизни ее основателя, преподобного Сергия. // Летопись занятий Археографической комиссии. Т. 7. М., 1872. С. 153.

половину с. Никольского с деревнями в Звенигородском у.; Закладная кабала Долмата Федоровича Карпова с сыновьями Михаилом и Иваном игумену Саввина Сторожевского монастыря Филарету на сельцо Коповино)¹, принимали вклады и дарения, судили население своих вотчин.²

Таким образом, вступление в монашество не лишало лицо правоспособности и дееспособности в области гражданских имущественных отношений. Церковные учреждения как юридические лица также признавались дееспособными в сфере гражданского оборота.

Анализ жалованных, меновых, купчих и духовных грамот, по которым церковь и отдельные церковные учреждения приобретали права на недвижимое имущество, позволяет определить пределы правоспособности и дееспособности церкви. Пределы дееспособности, в том числе и церковных учреждений, определяются как существом имущественных отношений, так и государственной властью, которая могла их ограничивать.

По мнению Н.Н. Дебольского, в истории русского права на определение пределов дееспособности повлияли оба фактора.³

В свою очередь М.Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что условия правоспособности и дееспособности определяются или физическими и духовными свойствами лица (пол, возраст, физическое и умственное здоровье, нравственное состояние), или положением его в обществе. Что касается общественного состояния, то с течением времени различия в правоспособности отдельных социальных слоев увеличиваются, особенно заметными они становятся с появлением сословий.⁴

Правоспособность и дееспособность монастырей и лиц духовного звания до второй половины XVI в. законодательством не ограничивалась. При этом отметим, что существовало внутреннее ограничение дееспособности церковных учреждений, которым являлся принцип неотчуждаемости церковных имуществ,

¹ РГАДА. Ф. 1199 Саввин Сторожевский монастырь. Оп. 1. Кн. 76. Л. 31-32. Список кон. XVII в.; Оп. 1. Кн. 76. Л. 44 об.-46. Список к. XVII в.; Саввин Сторожевский монастырь в документах XVI века. С. 18, С. 27

² Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XVI веков. Ч. 2. № 127 С. 118, № 298 С. 308, № 304 С. 324.

³ Дебольский Н.Н. Указ соч. С. 315.

⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. С. 374-380.

окончательно сформулированный на Соборе 1503 г., он не только охранял церковное имущество от покушений со стороны государственной власти, но и, в целом, препятствовал отчуждению церковной собственности.

Специфика церковного имущества заключается в том, что оно отличается от любого другого имущества, поскольку предназначено исключительно для целей церкви и не может быть использовано ни на какие другие цели.

Предназначение церковного имущества четко прописано в канонах. Согласно 25-му правилу Антиохийского собора епископ имеет власть над имуществом и распоряжается по своему усмотрению: «Епископу иметь власть над церковным имуществом, да распоряжает оным со всякою осмотрительностью и страхом Божиим, на пользу всех нуждающихся; и сам да взимает из онаго должную часть, на необходимые свои потребности, и на потребности странноприемлемых им братьий...»¹ В этом правиле четко сформулировано предназначение церковного имущества, которое может быть использовано для поддержания деятельности церкви и для благотворительности, а не для личной выгоды.

В соответствии с каноническим правом все церковное имущество представляет собой вещи священные (здания храмов, напрестольные вещи и т.п.); вещи освященные (часовни, кладбище и др.); и вещи церковные – иные предметы, являющиеся церковной собственностью (постройки, земли хозяйственного назначения).²

По каноническим правилам священные и освященные вещи в силу своего особого правового режима не могут находиться в гражданском обороте, поскольку не допускается их отчуждение. Эта норма закреплена в 73-ем Апостольском правиле, согласно которому священные предметы (какой-либо сосуд, или ткань или елей, или воск) не должны обращаться в обычном употреблении.

¹Апостольские правила. Вселенские соборы. Поместные соборы // URL: <http://agioskanon.ru> (дата обращения 23.04.2014).

²Цыпин В., *прот.* Курс церковного права. С. 603-604.

Как показывает ход истории, церковное имущество, которое изначально считалось неприкосновенным, не всегда было таковым. Неприкосновенность церковного имущества провозглашалась 12-м правилом VII Вселенского Собора и 38 Апостольским правилом: «Епископ да имеет попечение о всех церковных вещах, и оными да распоряжается.... Но не позволительно ему присваивать что-нибудь из оных, или сродникам своим дарить принадлежащее Богу. Если же суть неимущие, да подаст им, как неимущим: под сим предлогом не продаст принадлежащего Церкви». Эти правила регламентируют вопросы управления и распоряжения церковным имуществом, и делается акцент на невозможности его отчуждения (продажи, дарения).

В качестве исключения допускалась продажа имущества, если это было необходимо для удовлетворения церковных потребностей, связанных с помощью нуждающимся, и если имущество не приносило доходов. Это было закреплено в 35 и 42 Правилах Карфагенского собора: «Положено было, чтобы никто не продавал церковные собственности: но аще сия собственность не приносит доход, и настает великая нужда...»; «...кроме нужды, и епископу не позволительно расточати вещи, находящиеся в церковной описи».

Что касается юридических сделок, совершаемых монастырями, то, в основном, это продажа монастырской земли либо митрополичьему дому, либо другому церковному установлению. Очень часто монастыри совершали сделки друг с другом (1473 г. – Купчая по па Фомы Романовского на деревню Васильевскую Голямова в Романовской волости у старца Андрея Афанасьева Троицкого; 1538–1539 г. – Купчая игумена Саввина Сторожевского монастыря Мисаила с братией на деревни в Звенигородском уезде).¹

Несмотря на то, что правомочия переходили от одного монастыря к другому, в целом, имущество продолжало принадлежать церкви, как коллективному субъекту.

¹Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. II. Кабалы, книги, купчие, межевые, мировые, меновые, наемные, наказы, оброчные, откупные, отписи, отписки, отписные, отпусные, отсрочные, памяти, писания, письма, платежные, подорожные, подписи, подписки, подрядные, поручные. 1864. № 147. С. 92.; Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. № 80. С. 135.; Саввин Сторожевский монастырь в документах XVI века. С. 14.

Мы видим, что исключение, прежде всего, касалось имущества не богослужебного назначения, в частности земельных угодий. На наш взгляд, нарушение принципа неотчуждаемости было возможным, поскольку в самих канонических нормах заложено исключение для отчуждения церковного имущества. В связи с этим принцип неотчуждаемости на практике проводился не столь последовательно, как был заявлен.

Так, церковные земли раздавались на правах жалованных вотчин или поместного владения людям, выполнявшим служилые функции для церкви; на церковных землях располагались крестьянские общины, которые наделялись такими же землевладельческими правами, как и общины, обосновавшиеся на «черных» государственных землях. Это способствовало складыванию в пределах церковного землевладения целой системы различных условных прав, принадлежавших иным субъектам.

На дееспособность церковных учреждений оказали влияние и постановления государственной власти, принятие которых обусловило сужение правомочий данной категории собственников. Так, приговор от 11 мая 1551 г. ограничивал новые земельные приобретения монастырей обязательным разрешением со стороны верховной власти. Затем Соборный приговор 1572 г., вводивший запрет на новые земельные приобретения большим монастырям. Собор 1580 г. запрещал выкупать и отнимать по суду вотчины у монастырей и духовных властей, а также запрещал завещать, закладывать и продавать вотчины монастырям.

Однако ограничительный характер указанных постановлений, в первую очередь, распространялся на приобретение нового имущества, земли, которыми церковь и монастыри уже владели, по-прежнему, сохранялись за ними. У монастыря нельзя было выкупить вотчину, взять по суду или тяжбе.

С принятием Соборного уложения в 1649 г. право владеть вотчинами стало принадлежать не всем свободным лицам, как это было раньше, а преимущественно лицам, которые служили царю (в независимости от рода

службы) либо лицам, состоящим на службе у духовных властей в высших должностях.

Не могли владеть вотчинами лица, которые вступали в монашеское звание. Эти лица должны были родовые или выслуженные вотчины передать своим законным наследникам, а купленные вотчины продать или отдать безвозмездно, кому пожелают. Об этом говорится в статье 43 Соборного уложения: «А будет кто вотчинник какова чину ни будь, или вдова постригутся, а за ними будут родовые, или выслуженные, или купленные вотчины, и им тех вотчин в монастыри не отдавать, а самим теми вотчинами постригшися не владети, а отдати те родовые и выслуженные вотчины вотчинником по уложению...А будет у них купленья вотчины, и им те свои вотчины вольно продать, или безденежно отдать, кому похотят. А постригшися, будучи в монастыре, за собою вотчин отнюд не держати».¹

Еще одно ограничение коснулось монастырских слуг и боярских людей, которые согласно Уложению не могли покупать и держать у себя в закладе вотчин: «А боярским людем и монастырским слугам вотчин не покупати, и в закладе за собою не держати». Относительно вотчинного владения лиц белого духовенства в Соборном уложении ничего не говорится.

Таким образом, монахи, епископы как отдельные физические лица, наделенные правоспособностью и дееспособностью, могли иметь личное имущество, в отношении которого они обладали правомочиями распоряжения (могли завещать, дарить, закладывать земли от собственного имени).

Если раньше правоспособность и дееспособность духовных лиц и церковных учреждений имела только внутреннее ограничение, которым являлся принцип неотчуждаемости церковного имущества, то с принятием Соборного уложения 1649 г. появляются ограничения и со стороны государства в отношении оборота церковных и монастырских земель, а также субъектов. Ограничения коснулись черного духовенства, для которого с этого момента отречение от мира подразумевало, в том числе, и отречение от имущества. Лица, вступавшие в

¹Соборное уложение 1649 года. С. 212.

монашеское звание, утрачивают право приобретать вотчины и владеть имуществом. При этом дееспособность лиц духовного звания, в том числе и монахов, по-прежнему юридически признавалась, и за ними сохранялось право совершать сделки. Епископ обладал правомочием распоряжения в отношении епархиального имущества, поскольку выступал от лица епархии.

Проведенное исследование позволило выявить особенности субъектного состава церковно-монастырского землевладения.

- Феодальной собственности в XV–XVII вв. был присущ корпоративный характер. Имущественные отношения складывались не между отдельными индивидами и государственной властью, а между властью и корпоративными слоями. В этот период существовала тесная связь отдельной личности с коллективом, общиной, корпорацией, отдельной социальной группой. Чаще всего индивид реализовывал свои права и обязанности, в первую очередь, как член какой-либо социальной группы или корпорации. Русская православная церковь не стала исключением. Во взаимоотношениях с государственной властью она выступала, как корпоративный субъект землевладения и землепользования. Это обстоятельство не позволяло однозначно определить полноправного субъекта. Изменения, произошедшие в XVI–XVII вв. в структуре вотчинного и поместного землевладения (перенесение ответственности по обязательствам с одного субъекта (отца, помещика) на другого (детей, крестьян), еще больше усложнили определение правового статуса субъекта.

- Субъект церковного землевладения не был достаточно консолидирован¹, что было обусловлено, на наш взгляд, сложной структурой церковной иерархии, а также наличием в пределах церковно-монастырского землевладения целой системы условных прав. Правомочия отдельной церкви или монастыря, как собственника могли быть рассредоточены между разными субъектами. Поскольку о триаде правомочий можно говорить, начиная с XIX в., то применительно к исследуемому периоду необходимо учитывать условность их

¹ Алексеева Н.И. Субъекты церковного землевладения в XV–XVII вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. № 8 (34) : в 2 ч. Ч. I. С. 21.

разграничения. Так, правомочие владения принадлежало исключительно церкви или монастырю; правомочие распоряжения – монастырю в лице его настоятеля, либо церкви в лице архиерея, а правомочие пользования могло принадлежать как монастырю (церкви), так и другому субъекту (крестьянину, другому монастырю, другой церкви), которому церковные и монастырские земли передавались на праве аренды.

- Юридически земля принадлежала патриархии, митрополичьим и архиерейским кафедрам и монастырям. В XVII в. можно отметить процесс постепенного расширения юридических прав частного лица за счет уступок со стороны прав лица коллективного. При этом объем правоспособности и дееспособности частного лица зависел от социального и имущественного положения, пола, возраста.

- Отдельные церковные учреждения: патриарший дом, митрополичьи кафедры, архиерейские дома, монастыри, приходские церкви, выступали в качестве самостоятельного субъекта права. Также обладали правом иметь имущество лица духовного звания (патриарх, митрополиты, архимандриты, монахи, игумены, священники, а иногда и старцы). При этом лицо духовного звания могло выступать от себя лично, имея собственное личное имущество и являясь отдельным физическим лицом, либо представлять церковь или монастырь, как некий коллективный субъект. Так настоятель монастыря (архиерей церкви) обладал правомочием распоряжения в отношении монастырского (церковного) имущества, владельцем которого являлся сам монастырь (церковь). Патриарх выступал собственником патриарших вотчин, при этом он был наделен правами в отношении епархиального имущества. С введением Соборного уложения государство вводит ограничения в отношении личного имущества лиц духовного звания. Монашествующие чины, в том числе архиереи, архимандриты и игумены, лишаются прав приобретения и владения недвижимого имущества, а также его наследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационной работе была предпринята попытка комплексного исследования правового режима церковно-монастырских земель в России в XV–XVII вв.

Было исследовано становление института права собственности на землю в XV–XVII вв., в том числе развитие представлений о феодальной собственности в дореволюционной и современной юридической мысли. Обосновано мнение автора о возможности использования термина собственность применительно к XV–XVII в. с учетом специфики развития данного института в указанный период и понимания того, что в Московском государстве не существовало земельной собственности в современном смысле этого слова.

Охарактеризованы концептуальные подходы к определению понятия «правовой режим». На основе анализа научной литературы, источников и сопоставления точек зрения различных авторов, были установлены основные элементы правового режима земель и сформулировано определение правового режима церковно-монастырских земель. Диссертант правовой режим церковно-монастырских земель определяет как установленный каноническими нормами, нормативно-правовыми и частноправовыми актами особый порядок предоставления, оборота, использования и охраны церковных и монастырских земель, обязательный для всех субъектов земельных правоотношений.

Правовой режим вотчины подкреплялся судебно-административными привилегиями и финансовыми льготами, являвшимися составными частями феодального иммунитета. Диссертантом была выявлена специфика монастырского иммунитета, объем которого не всегда находился в прямой зависимости от размеров монастырской вотчины.

По мнению автора, хозяйственный кризис 60-х гг. XVI в. и политический кризис начала XVII в. привели к ослаблению налогового иммунитета, отмене отдельных привилегий церкви и монастырей, а также к значительному сокращению объема прав иммунитетов.

Определена роль государственных и церковных органов в управлении церковно-монастырским имуществом в России XV–XVII вв. Проанализировав канонические нормы, нормативно-правовые и законодательные акты, автор диссертации обосновал наличие многоуровневой системы управления церковно-монастырским имуществом в XV–XVII вв.

Так, на уровне государства управление церковно-монастырским имуществом осуществлял царь с помощью системы государственных органов: приказы (Приказ Большого дворца, Большого Прихода и Монастырский приказ), земские избы. Как правило, полномочия государственных органов власти заключались в предоставлении иммунитетов духовным корпорациям (освобождение от различных налогов, наделение определенными полномочиями), либо в установлении налогов для церковных учреждений и монастырей, а также финансирования в виде руги.

На уровне церкви управление церковно-монастырским имуществом представляло собой сложную структуру во главе с митрополитом, а впоследствии с патриархом. В первой половине XVII в. складывается патриаршая приказная система, в задачи которой входило управление церковными делами и имуществом. Патриаршие приказы, являвшиеся самостоятельной структурой, равноправно взаимодействовавшей с государственными приказами, в то же время были частью общегосударственной приказной системы управления.

Следующим уровнем управления церковным имуществом был монастырь. Во главе иерархической системы управления имуществом монастыря находился настоятель и Монастырский собор, обеспечивающий функционирование органов и единство действий системы управления монастырским имуществом.

Рассмотрев вопросы регулирования церковно-монастырского землевладения, диссертант пришел к выводу, что в период утверждения христианства наблюдалось непосредственное влияние канонических норм на регламентацию правового положения церкви, на определение ее отношения к обществу и государству, на регулирование церковных правоотношений, в том числе имущественной правоспособности церкви. Тесное взаимодействие

канонического и светского права в этот период было обусловлено тем, что с принятием христианства Русью были интернационализированы не только римско-византийские церковные нормы, но и нормы светского законодательства, касавшиеся брачно-семейных отношений, судопроизводства и системы наказания. Эти нормы были адаптированы и затем стали частью канонического права, одного из элементов правовой системы Русского государства.

По мнению диссертанта, отличительной чертой политики государства в XV–XVII вв. в решении вопросов имущественной правоспособности церкви была непоследовательность, проявившаяся, с одной стороны, в заметном стремлении светской власти ограничить рост церковного землевладения (1551, 1580, 1584 гг.); с другой стороны, в признании незыблемости церковной собственности (Собор 1503 г.) и в активном применении практики пожалования земельных владений монастырям.

Также было определено, что правовая политика государства в указанный период была направлена на перераспределение земель между светскими и духовными феодалами, что выразилось в защите светского и ограничении церковно-монастырского землевладения. При этом приоритетным направлением правового регулирования в сфере церковно-монастырского землевладения в XV–начале XVII в., по мнению автора, являлась не секуляризация как таковая, а приостановление интенсивного роста церковно-монастырской вотчины.

Светская власть в XV–XVII вв., ограничив права церкви и монастырей на приобретение земли, поставив регулирование имущественного фонда церкви под контроль Монастырского приказа, сделала церковь частью государственного механизма. Таким образом, царской властью в этот период были сделаны первые шаги на пути к секуляризации церковно-монастырских земель.

В политики государства, направленной на ограничение церковно-монастырского землевладения в XV–XVII вв., были выделены следующие этапы:

Первый этап (XV в. – 1550 г.) Признание незыблемости церковной собственности со стороны светской власти. Права церкви и монастырей на приобретения имущества, а также правомочия пользования и распоряжения этим

имуществом ничем не были ограничены, за исключением учения о неотчуждаемости церковной собственности.

Второй этап (1550 – 1649 гг.) Отменялись иммунитетные пожалования, были ограничены некоторые способы приобретения недвижимого имущества.

Третий этап (1649 г. – конец XVII в.) Установление государственного контроля над имущественным фондом церкви.

В диссертации предложена классификация церковных и монастырских земель по различным критериям (населенность, объем правомочий и наличие налогового иммунитета). В связи с этим земли церкви могли быть населенными и ненаселенными, тяглыми, оброчными и льготными, принадлежать на праве собственности (вотчина), на праве аренды или сдаваться в оброк.

Аргументированы выводы относительно времени складывания «монастырской вотчины» и обоснована возможность использования данного термина применительно к церковно-монастырскому землевладению со второй половины XVI в., несмотря на складывание церковно-монастырского недвижимого имущества с момента принятия христианства, возникновения самой церкви и появления монастырей.

По мнению автора, характер феодальной собственности не позволяет однозначно определить полноправного субъекта. Церковь во взаимоотношениях с государственной властью выступала корпоративным субъектом, что было обусловлено особенностями исторической эпохи, поскольку для феодального общества была характерна тесная связь индивида с коллективом, социальной группой. Таким образом, индивид реализовывал свои права и обязанности, в первую очередь, как член какой-либо социальной группы или корпорации.

Субъект церковно-монастырской собственности не был строго консолидирован, это было обусловлено сложной иерархической структурой Русской православной церкви, а также рассредоточением правомочий собственника (отдельной церкви или монастыря) между разными субъектами.

Теоретические конструкции современного права не всегда в полной мере можно применить к процессам, происходящим в иную историческую эпоху. В

диссертационном исследовании автором обосновывается мнение, что в отношении земель Русской православной церкви в XV–XVII вв. можно использовать категорию «правовой режим». На основе анализа нормативно-правовых актов, канонических норм, частноправовых актов, были выделены основные признаки, характеризующие церковно-монастырские земли и их правовой режим.

Итак, правовому режиму церковно-монастырских земель в XV–XVII вв. были свойственны следующие черты.

1. Правовой режим церковных земель был установлен каноническими нормами, законодательными актами государства и частноправовыми актами

2. Церковно-монастырские земли располагались в границах церковных приходов и епархий и включались в состав всех земель церкви. Эти земли служили интересам церкви и имели целевое назначение, которое определялось в канонах.

3. Особый порядок предоставления земель (вклады на помин души, вклады при пострижении) заключался в пожаловании их церкви и монастырям на вотчинном праве, при этом в отличие от пожалований князей (царя) другим феодалам на том же вотчинном праве, земли церкви и монастырей имели иной правовой режим.

4. В отношении этих земель действовал принцип неприкосновенности, запрещающий отчуждать церковные и монастырские земли, что обусловило формирование особого порядка оборота этой категории земель. Несмотря на это церковные земли выступали объектами купли-продажи, мены, дарения. Как правило, сделки происходили между отдельными церквями и монастырями, что, по сути, не меняло субъекта собственности и сущности правового режима. Таким образом, происходило перераспределение собственности между отдельными лицами в рамках одного корпоративного субъекта.

5. Земли находились в собственности Русской православной церкви, как корпоративного субъекта, которому была свойственна слабая консолидация,

поскольку вся собственность церкви была рассредоточена между отдельными приходскими церквями, монастырями и архиерейскими домами.

В ходе проведенного комплексного анализа правового режима церковно-монастырских земель в России в XV – XVII вв. была достигнута цель исследования и решены научные задачи. Вместе с тем такая многоаспектная проблема, как церковно-монастырское землевладение, не может быть изучена в полной мере в рамках диссертационного исследования. Дальнейшего научного осмысления требуют аспекты, освещение которых осталось за рамками заявленного в работе исторического периода, либо затронуты в нем не полностью (соотношение правового регулирования и правового режима).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники

1. *Российский* государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1199 (Савво-Сторожевский мужской монастырь (Московская губерния)).
2. *РГАДА*. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии).
3. *РГАДА*. Ф. 141 (Приказные дела старых лет – (коллекция) из фондов Боярской думы, Посольского приказа, Владимирской, Галицкой, Новгородской и Устюжской четвертей, Приказа сбора ратных людей, Приказа Великого княжества Литовского, приказа Тайных дел, Полоняничного, Малороссийского, Смоленского и Счетного приказов).
4. *РГАДА*. Ф. 196 (Рукописное собрание Ф.Ф. Мазурина).
5. *РГАДА*. Ф. 235 (Патриарший (Синодальный) казенный приказ.)

Опубликованные источники

6. *Акты* исторические, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. СПб. : Тип. II-го отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1841–1842.
7. *Акты* Новгородского Вяжицкого монастыря конца XV – начала XVII в. / подгот. публ. И.Ю. Анкудинов. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 264 с.
8. *Акты* Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII в. / под. ред. В.Д. Назарова. М.: НИЦ «Ладомир» ; Янус-К, 1998. 734 с.
9. *Акты* социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. : в 3 т. Т. II : Акты монастырей Кириллова, Ферапонтова, Московского Симонова, Суздальского Спасо-Евфимиева. М. : Изд-во АН СССР, 1958. 728 с.

10. *Акты* феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков : в 3 ч. / отв. ред. С.В. Бахрушин, Л.В. Черепнин. М. : Изд-во АН СССР, 1951–1961.
11. *Акты* феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.). Л. : Наука, 1983. 352 с.
12. *Акты* юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства / изданы Археограф. Комиссией. СПб. : Тип. II-го отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1838. 537 с.
13. *Акты*, относящиеся до юридического быта древней России / под ред. Н. Калачова : в 3 т. СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1857–1884.
14. *Акты*, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук : в 4 т. / дополнены и изданы Археограф. комиссией. СПб. : Тип. II-го отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. I. 551 с.
15. *Вкладные* и записные книги Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. М. : Печатня А.И. Снегиревой, 1906. 240 с.
16. *Вкладные* и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII, XVIII столетиях. Издание А. Титова. Ярославль : Тип. Губернской Земской управы, 1881. 99 с.
17. *Жалованная* грамота князя Владимира Андреевича Старицкого // Исторический архив. 1939. № 2. С. 51–59.
18. *Законодательные* акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века : тексты / под ред. Н.Е. Носова. Л. : Наука, 1986. 261 с.
19. *Законодательные* акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века : комментарии. Л. : Наука, 1987. 261 с.
20. *Изюмов А.Ф.* Вкладные книги Антониева Сийского монастыря 1575–1694 гг. М. : Синодальная тип., 1917. 103 с.

21. *Писцовые* книги Московского государства. Писцовые книги XVI века / под ред. Н.В. Калачева. СПб. : Издание Императорского Русского географического общества, 1877. Отд-ние 1. 924 с.
22. *Писцовые* книги Новгородской земли. Т. 1 : Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. / сост. К.В. Баранов. М. : Археографический центр, Дрвлекранилище, 1999. 431 с.
23. *Полное* собрание законов Российской империи. Собр. первое. Т. 1–45. СПб. : Тип. II отд. Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1830.
24. *Российское* законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. и с предисл. О.И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1984–1994. 9 т.
25. *Памятники* российского права : в 35 т. : учеб.-науч. пособие. Т. 1 : Памятники права Древней Руси / О.В. Бобровский и др. ; под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М. : Юрлитинформ, 2013. 527 с.
26. *Саввин* Сторожевский монастырь в документах XVI века (из собраний ЦГАДА). М. : Архив русской истории, 1992. 94 с.
27. *Соборное* уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л. : Наука, 1987. 448 с.
28. *Памятники* российского права : в 35 т. : учеб.-науч. пособие. Т. 3 : Памятники права Московского государства. Кн. 1. / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М. : Юрлитинформ, 2013. 341 с.
29. *Ярославские* писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. Ярославль : Изд-во Спасского монастыря, 1913. 627 с.

Монографии, учебные издания, сборники научных статей

30. *Аксененок Г.А.* Земельные правоотношения в СССР. М. : Госюриздат, 1958. 424 с.

31. *Аксененок Г.А.* Правовой режим земель сельскохозяйственного назначения // Сельское хозяйство и право в СССР и Италии. М. : Институт государства и права АН СССР, 1977. – С. 51-62.
32. *Алексеев С.С.* Собр. соч. : в 10 т. Т. 2 : Специальные вопросы правоведения. М. : Статут, 2010. 471 с.
33. *Алексеев С.С.* Теория государства и права / учеб. под ред. проф. С.С. Алексеева. М. : Норма, 2004. 283 с.
34. *Амон О.* Собственность. Чем она была, что она есть и чем она будет. СПб. : Вестник знания (В.В. Битнера), 1908. 40 с.
35. *Арсений.* О вотчинных владениях Троицкого монастыря при жизни ее основателя, преподобного Сергия // Летопись занятий Археографической комиссии. Т. 7. М., 1872. С. 141–175.
36. *Археографический* ежегодник за 1960 год / под ред. Академика М.Н. Тихомирова. М. : Изд-во АН СССР, 1962. 502 с.
37. *Археографический* ежегодник за 1978 год / отв. ред. С.О. Шмидт. М. : Наука, 1979. 367 с.
38. *Архинов С.И.* Субъект права: Теоретическое исследование. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 469 с.
39. *Бахрах Д.Н.* Административное право : учеб. для вузов. М. : ВЕК, 1999. 368 с.
40. *Бегунов Ю.К.* «Слово иное» – новонайденное произведение русской публицистики XVI века о борьбе Ивана III с землевладением церкви // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XX. М. ; Л. : Наука, 1964. С. 351–364.
41. *Бенеманский М.И.* Закон градский. Значение его в русском праве. М. : Печатня А. Снегиревой, 1917. 340 с.
42. *Бессмертный Ю.Л.* Сеньориальная и государственная собственность в Западной Европе и на Руси в период развитого феодализма // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи : материалы XVII сессии симп. по изучению проблем

аграрной истории. Ростов н/Д : Издательство Ростовского университета, 1980. С. 21–37.

43. *Блюменфельд Г.Ф.* О формах землевладения в древней России. Одесса : Тип. П.А. Зеленого, 1884. 346 с.

44. *Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М. : Наука, 1977. 328 с.

45. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского права. СПб. : Изд. юрид. кн. маг. Н.К. Мартынова, 1894. Вып. II. 188 с.

46. *Венедиктов А.В.* Государственная социалистическая собственность. М. : Изд-во АН СССР, 1948. 462 с.

47. *Веселовский С.Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М. : Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук, 1926. 128 с.

48. *Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. 496 с.

49. *Владения и крепостные крестьяне Русской церкви в конце XVII в.* / отв. ред. Я.Е. Водарский. М. : Изд-во АН СССР, 1988. 168 с.

50. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д : Феникс, 1995. 640 с.

51. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Хрестоматия по истории русского права. Киев ; СПб. : Тип. С.В. Кульженко, 1887. 248 с.

52. *Власова М.В.* Право собственности в России: возникновение, юридическое содержание, пути развития : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : Эксмо, 2007. 192 с.

53. *Водарский Я.Е.* Землевладение русской православной церкви и ее хозяйственно-экономическая деятельность (X – начало XX в.) // Русское православие: вехи истории / науч. ред. А. И. Клибанов. М. : Политиздат, 1989. С. 501–562.

54. *Водарский Я.Е.* Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII – начале XVIII в. // Историческая география России XII – начала XX в. М. : Наука, 1975.
55. *Горбунов А.Н.* Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквям в XIII, XIV и XV вв. // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб. : Тип. II-го отд-ния собственной Е.И.В. канцелярии, 1860. Кн. 1. С. 1–54 ; Кн. 2. С. 1–86.
56. *Горфункель А.Х.* Рост землевладения Кирилло-Белозерского монастыря в конце XVI и в XVII вв. // Исторические записки. М., 1963. Вып. 73. С. 219–248.
57. *Горчаков М.И.* Монастырский приказ. (1649–1725 гг.): Опыт историко-юридического исследования. СПб. : Тип. А. Траншеля, 1868. 159 с.
58. *Горчаков М.И.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. синода. (988–1738 гг.): Из опытов исслед. в истории рус. права свящ. М. Горчакова. СПб. : Тип. А. Траншеля, 1871. 815 с.
59. *Готье Ю.В.* Очерк истории землевладения в России. М. : ГПИБ, 2003. 258 с.
60. *Гражданское право* : учеб. : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. М. : Волтерс Клувер, 2004. 584 с.
61. Греков, Б.Д. Киевская Русь. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. – 569 с.
62. *Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Кн. 1. 2-е изд. М. : Изд-во АН СССР, 1952. 533с.
63. *Гуревич А.Я.* Категории Средневековой культуры // Избр. тр. Т. 2. М. : Университетская книга, 1999. 560 с.
64. *Данилова Л.В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М. : Изд-во АН СССР, 1955. 440 с.
65. *Данилова Л.В.* Понятие земельной вотчины в средневековой Руси // Средневековая и новая Россия : сб. науч. ст. к 60-летию профессора И.Я. Фроянова. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. С. 254–277.

66. *Данилова Л.В.* Собственность и власть // Собственность в России: Средневековье и раннее новое время. М. : Наука, 2001. 283 с.
67. *Дебольский Н.Н.* Гражданская дееспособность по русскому церковному праву до конца XVII в. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. 440 с.
68. *Дювернуа Н.Л.* Чтения по гражданскому праву. Т. 1 : Введение и общая часть. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. 936 с.
69. *Евтихийев И.И.* Земельное право. 2-е. изд. М. : Новая деревня, 1929. 186 с.
70. *Ерофеев Б.В.* Земельное право России : учеб. для высших юридических учебных заведений. М. : Профобразование, 2002. 656 с.
71. *Ерофеев Б.В.* Земельное право России : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 2012. 679 с.
72. *Зверинский В.В.* Монастыри в Российской империи // Статистический временник Российской империи. Сер. 3. Вып. 18. СПб. : Изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1887. 105 с.
73. *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М. : Соцэкгиз, 1960. 512 с.
74. *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М. : Мысль, 1982. 332 с.
75. *Зинякова В.М.* Из истории русской церкви: X в. – первая четверть XVIII вв. : учеб. пособие. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. 131 с.
76. *Иванов В.И.* Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII веках. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2007. 608 с.
77. *Ивина Л.И.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV – первой половины XVI в. Л. : Наука, 1979. 224 с.
78. *Из рукописного наследия: Н.К. Никольский.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625 гг.). Т. 2 : Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение / подгот. изд.

З.В. Дмитриева, Е.В. Крушельницкая, Т.И. Шаблова. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 436 с.

79. *Иконицкая И.А.* Земельное право Российской Федерации : учеб. М.: Юристъ, 2002. 286 с.

80. *Исаев И.А.* История России: Правовые традиции. М. : ЮКИС, 1995. 319 с.

81. *Исаков В.Б.* Механизм правового регулирования и правовые режимы // Проблемы теории государства и права / под. ред. С.С. Алексеева. М. : Юридическая литература, 1987. 448 с.

82. *Камкин А.В.* Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 г. / Ин-т этнологии и антропологии РАН. Вологда : ВГПИ., 1992. 164 с.

83. *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви : в 2 т. Т. 1. М. : Эксмо, 2005. 490 с.

84. *Каштанов С.М.* Феодалный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма : сб. ст. / отв. ред. Л.В. Черепнин. М. : Наука, 1970. С. 148–199.

85. *Кириченко Л.А.* Актовый материал Троице-Сергиева монастыря 1584–1641 гг. как источник по истории землевладения и хозяйства. М. : РГГУ, 2006. 290 с.

86. *Ключевский В.О.* Русская история. М. : Эксмо, 2005. 911 с.

87. *Колганов М.В.* Собственность. Докапиталистические формации. М. : Соцэгиз, 1962. 496 с.

88. *Коловангин П.М.* Собственность на землю в России. История и современность. СПб. : Знание ; ИВЭСЭП, 2003. 526 с.

89. *Кольчева Е.И.* Аграрный строй России XVI в. М. : Наука, 1987. 233 с.

90. *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. 8 : Т. XIX Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1906. 274 с.

91. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М. : Мысль, 1993. 431 с.

92. *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М. : РОССПЭН, 2000. 272 с.
93. *Красножен М.Е.* Краткий очерк церковного права. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1900. 160 с.
94. *Крассов О.И.* Земельное право : учебник. М. : Юрист, 2000. 623 с.
95. *Крассов О.И.* Земельное право : учеб. 4-е изд, перераб и доп. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2012. 608 с.
96. *Кузнецов Н.Д.* К вопросу о церковном имуществе и отношении государства к церковным недвижимым имениям в России. Сергиев Посад : б.и., 1907. 142 с.
97. *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской церкви : в 5 т. Кн. 4, ч. 2, отд. 2 : Состояние Русской церкви от митрополита святого Ионы до патриарха Иова, или в период разделения ее на две митрополии (1448–1589). М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 439 с.
98. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права : учеб. 3-е изд. М. : Дело АНХ, 2009. 528 с.
99. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право : в 2 ч. по испр. и доп. 8-му изд. 1902 г. 3-е изд., испр. М. : Статут, 2003. 831 с.
100. *Мельгунов С.П.* Наши монастыри. К вопросу о секуляризации монастырских земель. М. : Тип. Товарищества ЗАДРУГА, 1917. 16 с.
101. *Милютин В.О.* О недвижимых имуществах духовенства в России. М. : Университетская тип., 1862. 581 с.
102. *Молдован А.М.* Слово о законе и благодати митрополита Илариона. Киев : Наукова Думка, 1984. 240 с.
103. *Морозова Л.А.* Конституционное регулирование в СССР. М. : Юридическая литература, 1985. 141 с.
104. *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Часть вторая : Книга вторая об имуществах. Раздел первый об имуществах вообще и раздел второй о правах на вещи. М. : Статут, 2006. 412 с.

105. *Николаевский П.Ф.* Патриаршая область и русские епархии в XVII веке. СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К, 1888. 45 с.
106. *Никольский Н.М.* История русской церкви. 3-е изд. М. : Политиздат, 1983. 448 с.
107. *Новицкая Т.Е.* Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века. М. : Зерцало, 2005. 568 с.
108. *Новосельцев А.П., Пашуто В.Л., Черепнин Л.В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М. : Наука, 1972. 340 с.
109. *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л. : Наука, 1969. 607 с.
110. *О влиянии* общественного состояния частных лиц на право поземельной собственности по началам Древнего Российского законодательства. Рассуждение канд. Гладкова. М. : Тип. Александра Семена, 1855. 150 с.
111. *Общая* теория советского земельного права. М. : Наука, 1983. 346 с.
112. *Павел Алеппский.* Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в середине XVII века (1628–1631). Описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М. : Унив. тип., 1897. 202 с.
113. *Павлов А.С.* Курс церковного права. Св. Троице-Сергиева Лавра : Собств. тип. 1902. 539 с.
114. *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М. : Наука, 1988. 693 с.
115. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М. : Изд-во Захаров, 2012. 480 с.
116. *Памятники* русского права. Вып. 5 : Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII в. / под ред. проф. Л.В. Черепнина. М. : Госюриздат, 1959. 667с.
117. *Плигузов А.И.* Полемика в Русской Церкви первой трети XVI столетия. М. : Индрик, 2002. 415 с.
118. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Первая часть : Вотчинные права. М. : Статут, 2004. 800 с.

119. *Поршнев Б.Ф.* Феодализм и народные массы. М. : Наука, 1964. 520 с.
120. *Правила* Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима. М. : Отчий дом, 1996. 643 с.
121. *Преображенский А.А.* О православной церкви в истории России XVII века // Православная церковь в истории России. М., 1991. С. 85–117.
122. *Пресняков А.Е.* Вотчинный режим и крестьянская крепость (По поводу книги С.Б. Веселовского «К вопросу о происхождении вотчинного режима») // *Летопись занятий Археографической комиссии*. Вып. 34. Л. : Изд-во АН СССР, 1927. С. 174–192.
123. *Развитие* русского права в XV – первой половине XVII в. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М. : Наука, 1986. 288 с.
124. *Розенкампф Г.А.* Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М. : Тип. Императорской Академии наук, 1829. 756 с.
125. *Романов Б.А.* К вопросу о земельной политике Избранной рады: (Ст. 85 Судебника 1550 г.) // *Исторические записки*. Т. 38. М., 1951. С. 252–269.
126. *Русское* православие: вехи истории / науч. ред. А.И. Клибанов. М. : Политиздат, 1989. 720 с.
127. *Рыженков А.Я., Черноморец А.Е.* Теория права собственности. (Историко-аналитический очерк). Элиста : ЗАО НПП Джангар, 2009. 864 с.
128. *Савич А.А.* Монастырское землевладение на Русском Севере XIV–XVII вв. // *Ученые записки Пермского Государственного университета*. Отд. общественных наук. Вып. 2. Пермь, 1931. 229 с.
129. *Сахаров А.М.* Феодалная собственность на землю в Российском государстве XVI–XVII вв. // *Проблемы развития феодалной собственности на землю* / отв. ред. А.М. Сахаров. М. : Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
130. *Седашев В.Н.* Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII веке. М.: Типолит. В. Рихтер, 1912. 225 с.
131. *Сенчищев В.И.* Объект гражданского правоотношения. Общее понятие // *Актуальные проблемы гражданского права* / под ред. М.И. Брагинского. М. : Статут, 1998. С. 109–160.

132. *Сергеевич В.И.* Древности Русского права : в 3 т. Т. 3 : Землевладение. Тягло. Порядок обложения. М. : Зерцало, 2006. 392 с.
133. *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. 664 с.
134. *Синайский В.И.* Русское гражданское право. М. : Статут, 2002. 638 с.
135. *Смирнов И.И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI в. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 515 с.
136. *Смолич И.К.* Русское монашество: Возникновение. Развитие. Сущность (988–1917). М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 1997. 348 с.
137. *Собственность* в России: Средневековье и раннее новое время. М. : Наука, 2001. 283 с.
138. *Советское* земельное право : учеб. / под ред. Н.И. Краснова. М. : Юридическая литература, 1981. 464 с.
139. *Соловьев С.М.* Соч. : в 18 кн. Кн. 1. : История России с древнейших времен. Т. 1–2. / отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М. : Мысль, 1988. 797 с.
140. *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII вв. М. : Индрик, 2002. 352 с.
141. *Стоглав* и история собора 1551 года. Историко-канонический очерк В. Бочкарева. Юхнов: Тип. Подземского, 1906. 285 с.
142. *Суворов Н.С.* Курс церковного права. Т. 1. Ярославль, 1889. 378 с.
143. *Суворов Н.С.* Учебник церковного права. М. : Зерцало, 2004. 504 с.
144. *Талина Г.В.* Выбор пути: русское самодержавие второй половины XVII – первой четверти XVIII века. М. : Русский Миръ, 2010. 448 с.
145. *Томсинов В.А.* Судебники 1497 и 1550 годов как памятники юриспруденции Московского государства // Проблемы истории государства и права : сборник науч. тр. в честь юбилея проф. Н.А. Крашенинниковой / отв. ред. В.А. Томсинов. М. : Зерцало, 2009. С. 259–287.

146. *Фалалеева И.Н.* Политико-правовая система Древней Руси. IX–XI вв. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2003. 164 с.
147. *Филарет, архиепископ.* История русской церкви Т. 4: Период патриаршества 1588–1720. Харьков : Университетская тип., 1853. 352 с.
148. *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. 256 с.
149. *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. 372 с.
150. *Цыпин В., прот.* Курс церковного права : учеб. пособие. Клин : Фонд Христианская жизнь, 2002. 704 с.
151. *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М. : Изд-во АН СССР, 1951. Ч. 2. 428 с.
152. *Черкасова М.С.* Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII века (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М. : Древлехранилище, 2004. 395 с.
153. *Шершеневич Г.Ф.* Курс гражданского права. Тула : Автограф, 2001. 719 с.
154. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М. : СПАРК, 1995. 556 с.
155. *Штейн Л.* К аграрному вопросу. Вып. 1 : История землевладения и поземельного права до половины XIX в. М. : Изд-во Бр. Башмаковых, 1901. 105 с.
156. *Шумаков С.А.* Сотницы, грамоты и записи. М. : Император. о-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1902–1913. Вып. 3 : Сотницы (1554–1572 гг.), грамоты и записи (1628–1701 гг.). М.: Университетская тип., 1908. 215 с.
157. *Щапов Я.Н.* К истории соотношения светской и церковной юрисдикции на Руси в XII–XIV вв. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. : сб. ст. / под ред. Б.А. Рыбакова. М. : Наука, 1974. С. 172–187.

158. *Щапов Я.Н.* Церковь в системе государственной власти Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение / под ред. А.П. Новосельцева и др. М. : Наука, 1965. С. 279–355.

159. *Юшков С.В.* История государства и права России (IX–XIX вв.). Ростов н/Д : Феникс, 2003. 735 с.

160. *Юшков С.В.* Феодалные отношения в Киевской Руси // Ученые записки Саратовского университета. 1925. Т. 3. Вып. 4. С.1–108.

Статьи в периодических научных изданиях

161. *Алексеева Н.И.* Категория «правовой режим»: вопросы теории и применения в земельном праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 2 (51). С.135–138.

162. *Алексеева Н.И.* К вопросу о понятии «монастырский иммунитет» // I Междунар. заочной науч.-практ. конф. «Современные проблемы социально-гуманитарных и юридических дисциплин: вклад молодых ученых в развитие науки» (15 июня 2012 г.). Краснодар, 2012.С. 172–173.

163. *Алексеева Н.И.* Основные способы приобретения церковно-монастырской земельной собственности в XV–XVII вв. // Закон и порядок : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (31 мая 2012 г.). М.: Спутник+, 2012. С. 81–82.

164. *Алексеева Н.И.* Правовое положение церковного и монастырского землевладения в 16 – пер. пол. 17 вв.: история вопроса // Закон и порядок : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (31 января 2011 г.). М.: Спутник+, 2011. С. 155–160.

165. *Алексеева Н.И.* Правовой режим имущества религиозного назначения: канонический аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 9. С. 114–121.

166. *Алексеева Н.И.* Правовой статус церковных земель в XV–XVII вв. // Актуальные проблемы права и государства: материалы Междунар. заочной науч.-

практ. конф. (11 июня 2012 г.). Новосибирск : Сибирская ассоциация консультантов, 2012. С. 97–104.

167. *Алексеева Н.И.* Субъекты церковного землевладения в XV–XVII вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. № 8 (34) : в 2 ч. Ч. I. С. 19–21.

168. *Баскова А.В.* Монастырские органы управления монастырским имуществом в XVI–XVII вв. // История государства и права. 2012. № 8. С. 28–31.

169. *Бедова Е.С.* Понятие правовой режим земель населенных пунктов // Молодой ученый. 2011. № 2. Т. 2. С. 13–17.

170. *Беляева Г.С.* Правовой режим: к определению понятия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3. Ч. 2. С. 33–35.

171. *Белякова Е.В.* Издание Кормчей книги и проблема смены культурной ориентации // Российская история. 2011. № 4. С. 103–113.

172. *Белякова Е.В.* Издание Печатной Кормчей и византизм в русской государственности // Вестник Московского университета. Сер. 8 : История. 2012. № 5. С. 34–50.

173. *Белякова Е.В.* Источники печатной Кормчей // Вестник церковной истории. 2008. № 3 (11). С. 99–115.

174. *Белякова Е.В.* Стоглав и его место в русской канонической традиции // Отечественная история. 2001. № 6. С. 90–96.

175. *Болоховский Н.И.* Источники канонического права русской православной церкви // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 1. Мінск: Изд-во БДУ, 2002. С. 122–133.

176. *Болтанова Е.С.* Правовой режим в земельном праве: теория вопроса // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 315. С. 114–117.

177. *Болтанова Е.С.* Элементы правового режима земель // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 2. С. 56–63.

178. *Высоцкий К.* Церковно-имущественное право по русскому законодательству // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. Янв. Кн. 1. С. 74–128.

179. *Гуревич А.Я.* Проблема земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы // Вопросы истории. 1968. № 4. С. 88-105.

180. *Дорская А.А.* Эволюция места канонического (церковного) права в системе права России // Юриспруденция. 2010. Вып. 2. Т. 18. С. 37–43.

181. *Дьяконов И.М.* Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. // Вестник древней истории. 1967. № 4. С. 13–35.

182. *Кистяковский И.А.* Понятие субъекта права // Журнал министерства юстиции. 1903. № 8. С. 115–127.

183. *Крассов О.И.* Понятие и содержание правового режима // Экологическое право. – 2003. – №1. – С.20–24.

184. *Ляхова Е.А.* Русские монастыри как фактор влияния на державную государственность // Молодой ученый. 2011. № 6, т. 2. С. 73–75.

185. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1. С. 16–29.

186. *Минаева А.А.* Понятие правовой режим земель и его значение в земельном праве // Правовые вопросы недвижимости. 2005. № 1. С. 29–34.

187. *Новомбергский Н.Я.* К вопросу о внешней истории Соборного Уложения 1649 года // Исторические записки. М., 1947. Т. 21. С. 43–50.

188. *Новосельский А.А.* Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. // Исторический архив. 1949. № 4. С. 88–149.

189. *Нуруллина Р.Т.* К вопросу о понятии гражданско-правового режима антиквариата как объекта гражданских прав // Евразийский юридический журнал. М., 2013. № 12 (67). С. 126–127.

190. *Острогорский Г.А.* К истории иммунитета в Византии // Византийский временник. 1958. Т. XIII. С. 55–106.
191. *Павлов А.С.* Из лекций: Имущественное право Церкви // Богословский вестник. 1901. Т. 3, № 10. С. 217–241.
192. *Павлов-Сильванский Н.П.* Иммунитеты в Удельной Руси // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Нояб. Отд. 2. С. 318–365.
193. *Романовская В.Б., Данилова Е.В.* Правовое регулирование имущественных прав Русской православной церкви в имперский период // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2006. № 1. С. 421–427.
194. *Тихомиров М.Н.* К вопросу о генезисе и характере иммунитета в феодальной Руси // Историк-марксист. 1936. № 3. С. 3–25.
195. *Томсинов В.А.* Соборное уложение 1649 г. как памятник русской юриспруденции // Правоведение. 2007. № 1. С. 162–188.
196. *Торко Я.О.* Конституционно-правовой статус земли в России: «основа жизни и деятельности» или «достояние»? // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 8. С. 31–35.
197. *Трифонов А.С.* О правовом режиме земель, входящих в категорию земель промышленности // Современное право. 2005. № 8. С. 14–22.
198. *Хвостова К.В.* Некоторые вопросы истории иммунитетных грамот Македонских монастырей в XIV в. // Византийский временник. 1961. Т. XIX. С. 38–59.
199. *Чебаев В.Н.* О статусе объекта права в конституционном праве // Государство и право. 2008. № 5. С. 90–94.
200. *Черепнин Л.В.* Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // Вопросы истории. 1953. № 4. С. 37–63.
201. *Шамина И.Н.* Из истории Вологодских монастырей XVI–XVII века (состав насельников) // Отечественная история. 2003. №1. С. 141–154.
202. *Шапиро А.Л.* О природе феодальной собственности на землю // Вопросы истории. 1969. № 12. С. 57–72.

203. *Шапошник В.В.* Приговоры о церковно-монастырском землевладении в период правления Ивана Грозного // Христианское чтение. 2012. № 3. С. 6–32.

204. *Шитова Е.А.* Классификация оснований возникновения и прекращения вещных прав в Московском царстве (историография вопроса) // Ученые записки : электронный науч. журн. Курского государственного университета. 2010. № 3(15), ч. 2.

Диссертации и авторефераты диссертаций

205. *Анисимов А.П.* Теоретические основы правового режима земель поселений в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юр. наук : 12.00.06. Саратов, 2005. 57 с.

206. *Антоненко Т.А.* Религиозные нормы и система социально-правового регулирования общественных отношений: Теоретико-методологический аспект : дис. ... канд. юр. наук : 12.00.01. Ростов н/Д, 1999. 150 с.

207. *Арсеньева Г.В.* Государство и церковь во второй половине XVI первой четверти XVIII вв. (Историко-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.01. Саратов, 1999. 29 с.

208. *Баловнев Д.А.* Церковные приходы и приходское духовенство в XIV–XV вв. на Руси (Северо-Восточные, Новгородские и Псковские земли.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 1998. 18 с.

209. *Баскова А.В.* Управление монастырским имуществом в XVI–XVII вв.: Историко-правовое исследование (на материалах монастырей Белозерско-Вологодского края) : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.01. М., 2013. 25 с.

210. *Беляева Г.С.* Правовой режим: общетеоретическое исследование : дис. ... д-ра юр. наук : 12.00.01. Курск, 2013. 407 с.

211. *Бондарь М.Н.* Земельное право России в XIX в. (Вопросы землепользования) : дис. ... канд. юр. наук : 12.00.01. Саратов, 2010. 171 с.

212. *Боровой Д.Д.* Каноническое (церковное) право как нормативная система социально-правового регулирования : дис. ... канд. юр. наук : 12.00.01. Ставрополь, 2004. 178 с.

213. *Гаранова Е.В.* Церковное право в правовой системе российского общества: Общетеоретический и исторический аспект : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.01. Нижний Новгород, 2004. 27 с.

214. *Горленко В.А.* Режим правового регулирования (теоретико-прикладной аспект) : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.03. СПб., 2002. 26 с.

215. *Дорская А.А.* Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII – начала XX в. : дис. ... д-ра юр. наук : 12.00.01. М., 2008. 402 с.

216. *Егоров Ю.П.* Правовой режим сделок как средств индивидуального регулирования общественных отношений : автореф. дис. ... д-ра. юр. наук : 12.00.03. Екатеринбург, 2004. 50 с.

217. *Каптанов С.М.* Жалованные и указные грамоты как источник по истории феодального иммунитета на Руси в первой половине XVI в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. М., 1958. 16 с.

218. *Никитина Е.Н.* Правовой режим земель сельскохозяйственного назначения : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.06. М., 2001. 25 с.

219. *Нуруллина Р.Т.* Гражданско-правовой режим антиквариата : дис. ... канд. юр. наук : 12.00.03. Казань, 2014. 198 с.

220. *Родионов О.С.* Механизм установления правовых режимов Российским законодательством : дис. ... канд. юр. наук : 12.00.01. Саратов, 2001. 157 с.

221. *Рубаник В.Е.* Отношение собственности в восточнославянской традиции правового регулирования: Начало X в. – 1991 г. Историко-правовое исследование : дис. ... д-ра юр. наук : 12.00.01. М., 2004. 701 с.

222. *Тарасенко О.В.* Правовой режим земель транспорта : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.06. М., 2009. 27 с.

223. *Устинова И.А.* Книги патриарших приказов первой половины XVII века как исторический источник : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. М., 2007. 34 с.

224. *Хабибуллина А.Ш.* Гражданско-правовой режим управления юридическим лицом, находящимся на стадии ликвидации : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.03. М., 2013. 33с.

225. *Хлыстов М.В.* Право собственности Русской Православной церкви и ее религиозных организаций : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.03. М., 2011. 25 с.

226. *Шамсумова Э.Ф.* Правовые режимы (теоретический аспект) : дис. ... канд. юр. наук : 12.00.01. Екатеринбург.2001. 213 с.

227. *Шитова Е.А.* Основания возникновения и прекращения вещных прав в Московском царстве в XVI–XVII веках (на примере вотчин и поместий) : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.01. М., 2012. 24 с.

228. *Яненко Е.В.* Земельные отношения в Древней Руси и их реформирование в Московском государстве: историко-правовой аспект : дис. ... канд. юр. наук : 12.00.01. СПб., 2006. 203 с.

Справочная литература и словари

229. *Большая энциклопедия* : в 62 т. / гл. ред. С.А. Кондратов. Т. 6. М. : Терра, 2006. 592 с.

230. *Большой энциклопедический словарь* / гл. ред. А.П. Горкин. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая Российская энциклопедия ; СПб. : Норинт, 1999. 1465 с.

231. *Заозерский А.И.* Никон // *Христианство : энциклопедический словарь* : в 3 т. Т. 2. : Л – С / гл. ред. С.С. Аверинцев. М. : Большая Российская энциклопедия, 1995. 671 с.

232. *Максимович К.А.* Византийская империя. Право и Церковь // Православная энциклопедия. Т. VIII. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. С. 181–192.

233. *Синицына Н.В.* Русское монашество и монастыри. X–XVII вв. // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. С. 305–324.

234. *Патриаршие вотчины в России* // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXII. СПб. : Типолит. И.А. Ефрона, 1898. С. 33–36.

Информационные ресурсы

235. *Апостольские правила. Вселенские соборы. Поместные соборы.* URL: <http://agioskanon.ru> (дата обращения: 29.04.2014).

236. *Боровой Д.Д.* Правовая природа канонического (церковного права). URL: <http://www.superinf.ru> (дата обращения: 29.04.2014).

237. *Варьяс М.Ю.* Церковное право как корпоративная правовая система: опыт теоретико-правового исследования. URL: <http://www.pravo33.wordpress.com> (дата обращения 14.04.2014).

238. *Жалованная* подтвердительная грамота царя Михаила Федоровича игумену Варлааму с братией Спасо-Преображенской Александровой пустыни на Спасскую волость Галичского уезда. URL: <http://www.rusarchives.ru/projects/smuta/09-48-zhalovannaja-podtverditelnaja-gramota-spaso-preobrazhenskoj-aleksandrovoj-pustyni.shtml> (дата обращения 15.05.2014).

239. *Русецкий А.Е.* Основания и способы приобретения права собственности // Право и экономика. 2005. февр. URL: <http://rusetkiy.ru> (дата обращения: 15.12.2012).

240. *Поместный Собор Антиохийский.* URL: <http://agioskanon.ru/sobor/011.htm> (дата обращения 23.04.2014).

241. *Правила* Святых Апостолов и Вселенских соборов с толкованиями Никодима Милоша. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Nikodim_Milash/pravila-svjatyh-apostolov-i-vselsenskih-soborov-s-tolkovanijami/ (дата обращения 25.04.2014).

242. *Словарь* исторических терминов. URL: <http://historysibuti.narod.ru> (дата обращения: 12.03.2012).

243. *Страдченков А.С.* Рецепция Римско-византийского законодательства на Российской почве как культурологическое явление. URL: <http://www.sociosphera.com> (дата обращения: 15.02.2013).

244. *Устинова И.А.* Патриаршие приказы и Патриарший дом (о соотношении административных структур в XVII в.). URL: <http://www.mkonf.iriran.ru> (дата обращения: 13.03.2015).